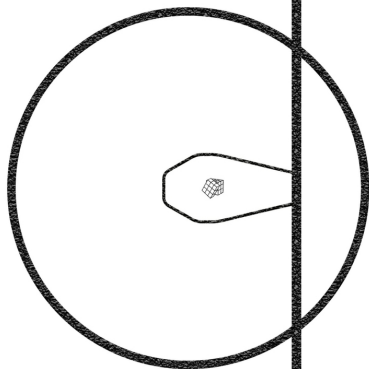

Ж
о
н
н
а
л
л

П
О
С
Л
Е
Д
Н
Я
Я

В
О
З
М
О
Ж
Н
О
С
Т
Ь

У
В
И
Д
Е
Т
Ь

С
О
Л
Н
Ц
Е

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

John Hall

Последняя возможность увидеть солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019866

SelfPub; 2020

Аннотация

Дисклеймер! Все совпадения случайны. Данным проектом я не хочу задеть чьих бы то ни было чувств, взглядов, проблем или интересов. Прошу относиться к материалу как к художественному произведению, цель которого только творчество, в широком смысле этого слова. По этой причине отнеситесь с пониманием и не ищите никаких потаенных смыслов или попыток очернить, обидеть, задеть или спровоцировать кого бы то ни было на какие бы то ни было действия. Спасибо за понимание. Содержит нецензурную брань.

Мои ладони в кровавых мозолях. Под ногтями грязь. Мне за сорок. Я на самом дне. Занял свое место, если так можно сказать.

Я – последний элемент загадки под названием «Жизнь». Я – всего лишь кусок дерьма, который брошен кем-то владеющим большими полномочиями на вентилятор. Я – пыль.

Я жил неправильной, несправедливой, нехорошей жизнью, за которую мне не стыдно. Я был там, где должен был быть, и не стану сожалеть ни за единый момент, ни за единый взгляд, ни за единую капельку пота или крови, что была потеряна мной или из-за меня. Я – отброс.

У меня нет никого, кто мог бы стать мне близким, но были те, кто пытались стать таковыми. За душой, за спиной нет совершенно ничего такого, к чему стремглав, ломая ноги, переступая через головы, истаптывая тела под ногами, мчится большинство. Нет ничего такого, к чему стремятся плывущие против, отстаивающие противоположные суждения, отчужденные и отвергнутые обществом. Я – ничто.

Единственное, что я делаю, – копаю. Гнию на лопате в любую погоду, в любое время года. Кидаю землю, глину, камни, которые встречаются вместе с корнями, какими-то кустами, если брать с самой верхушки, с поверхности. Я рою лопатой нечто огромное под ногами, что даровало всем и всему существование, и одновременно с этим все глубже закапываюсь внутрь самого себя. Себя, полного недоразуме-

ний, мыслей, грязи, накопленного опыта, прочитанных книг, пройденных километров, просмотренных снов, услышанных сплетен, прочувствованных чувств. Я – сочетание, компиляция, избранное из всего того, что мне противно, но до соплей мило. Я – все то, за что мне стыдно, и все то, за что я испытываю гордость, но ни единой капли не жалею и не раскаиваюсь. Я – письмо этому миру о том, как «не надо»... А о том, как «надо», мир и сам знает. Я – миг угасающего существа всего сущего.

Мое окружение – кресты. В моей атмосфере только мрамор, лишь часы, наполненные тишиной. Я живу в маленьком стремном здании, паршивой постройке в двух шагах от рабочего места. От места, смысл которого туманен и непонятен мне по огромному количеству причин.

У меня есть только одно реальное развлечение, от которого я получаю удовольствие. Я пишу письма самому себе, но не будущему, а прошлому. Я пишу себе письма, в которых говорю о том, что случится дальше. Я – подтверждение своего пути.

Иногда для разнообразия я ругаю сам себя. Делаю это грубо, жестко, с оттяжкой, с чувством, с толком, с расстановкой. Я пишу себе письма о том, как я себя ненавижу, нынешнего. Иногда напиваюсь и хожу среди мрачных лиц и читаю им свои признания, зачитываю свои мысли, оглашаю список того, из чего состою, из того, что составляет меня нынешнего, того, которого я ненавижу. Я – обличие ненависти к самому

себе.

Рядом с моей койкой есть небольшая тумбочка, на которой рождаются строки, рассказывающие обо мне больше, чем мог бы рассказать я, если бы начал говорить. Будто бы что-то потустороннее, иное вселяется в руку, которая берет перо и, ощущая его продолжением тела, исписывает бумагу с обеих сторон словами и выражениями, которые характеризуют меня. Там же, на тумбочке, лежат две книги: словарь и Библия. На вторую я ставлю кружку чая и никогда не открываю, а первая, наоборот, вечно открыта на странице, содержащей слово «сочувствие», что расположилось где-то между «сифилисом» и «сухой». Я – несуществующий человек.

Обо мне знает только заведующий местом, который сам зачастую забывает о моем существовании и вспоминает только в те моменты, когда я появляюсь позади него. Он боится меня. Он хотел бы избавиться от меня, как от кошмара, но не может. Я – тень, преследующая того, кто совершил преступление по случайности. Я – неприятная мысль.

Начало.

Это моя история. Здесь я укажу только начало и конец. Здесь все будет буквально, четко и неотступно, неотвратимо.

То, что было сказано выше, – мироощущение, которым я пронизан, словно мельчайшими, тончайшими нитями абсолюта, эфира, который поддерживает жизнь в этом маленьком, душном, мерзком мирке.

Я – продукт системы под названием «Государство». Ме-

ня таким создали посредством сотен и тысяч людей, скрепленных друг с другом цепочками связей, уводящих сам черт только знает, куда. Я – брак, который эта система выплюнула из себя... Я – выкидыш.

Здесь, в этом месте, я ощущаю единение с собой, с соседями по вселенной, с каждой тварью, как нельзя лучше, сильнее, чем кто бы то ни было. Я ощущаю себя прислужником и Бога, и Смерти, и даже Жизни. У этих трех институтов я хожу в подчинении и выполняю все, чтобы они могли развиваться. Я воспринимаю эти понятия не как каких-то конкретных персонажей, а как заведения, наполненные сальными, жирными, скучными и исписанными морщинами и макияжем лицами. Такими, которых крутят по телевидению, такими, которых печатают в газетах, такими, о которых говорят, которых обсуждают, которым поклоняются и ненавидят всем сердцем. Я – клерк.

Внутри меня, внутри моего сознания, в моей голове живут голоса, которые говорят со мной, которые также имеют лица и тела, которые очень просто спутать с реальными людьми... Иногда мне кажется, что они тоже реальны... Иногда я ловлю себя на том, что они даже более реальны, чем окружающие... Иногда я ощущаю, что я один из голосов в чьей-то голове, и я звучу серенадой ереси, бреда и чепухи. Я – ошибки, невроты и комплексы нашего времени.

В этом блокноте я делаю пометки, которые наполнены мной, которые мной пропитаны, которые и есть я. Здесь за-

писано все то, что составляет меня, но нет ни единого конкретного слова о том, кем я был раньше, или о том, кем я буду впредь. Даже не указано конкретного времени просто потому, что все это просто есть. Все это не привязано ни к каким координатам, ни к отсчетам, ни к чему! Это все просто есть здесь, в этом блокноте, который впитывает, впитал, впитает всего меня по частям. Я – хаотичный набор мыслей, перечисленных событий, сказанных слов. Я – нигде и никогда... Здесь.

Очередное паршивое утро. Дождь за окном. Запах сырой земли и разложений пробивается сквозь закрытые глаза. Я жду, выжидаю момент, который мне больше всего нравится. Момент, когда пора, миг, когда все наконец-таки сдвинется с мертвой точки. Секунду, когда я буду вести себя так, как положено. Я жду звонка будильника. Так происходит каждую ночь. Это часть меня. Я – поломанный механизм.

Вот он – мерзкий звон, от которого я тащусь, как кот от валерьяны. Маленький неутомимый механизм лупит молоточками по металлической крышке. Будто бы он в ярости, словно хочет на смерть забить обидчика. Каждое утро я наблюдаю это небольшое шоу ненависти. Каждое утро я его дожидаюсь. Каждое утро, каждую ночь я просто лежу с закрытыми глазами и жду. Иногда сплю, иногда нет, иногда нахожусь где-то между, но одно остается неизменным: я жду звонка будильника в старых часах, которые принес мне священник.

Остановив звон, я иду в туалет на улицу.

«Холодно», – доносится внутри меня.

Я иду в туалет, который находится метрах в ста от моего маленького пристанища. Меня осыпает дождь. Ноги скользят по грязи и глине. Благодаря дождю здесь воняет аммиаком, здесь воняет человеком, нечистотами. Здесь запах человечества приобретает свое реальное обличие.

Потом я плетусь обратно, также под дождем. После захожу в свою тусклую и грязную обитель, в свой холодный склеп. Здесь есть только таз с водой, чтобы умыться. Еще вчера я набрал его и принес сюда, с храма к которому я принадлежу. Я – вещь.

Я каждый день повторяю стандартный для себя набор действий. Поэтому после умывания натягиваю на себя старые спортивные штаны, которые упали мне в руки все с того же священника, его толстовку и старые высокие резиновые сапоги.

«Осень скоро закончится», – думаю я и иду с лопатой, закинутой на плечо. Я иду на планерку. Там наш святой отец скажет нормативы на сегодня. Там он огласит нам цены и заказчиков. Так этот любящий цацки урод расскажет нам о том, где он и как будет тратить деньги.

«Будь ты проклят, – думаю я. – Будь ты благословлен, думаю я, вспоминая о том, кому принадлежат вещи».

Смотрю на строй, во главе которого стою, и понимаю, что не смена сменилась, а просто те, кто был вчера, не пришли.

Возможно, они больше никогда не придут. А я останусь тут в любом случае. Я – прикованный к кладбищу живой... Будто труп, прикованный к батарее наручниками.

– Вы, – начинает священник, – принесете мне сегодня...

Но продолжает, но я уже не там, уже далеко от планерки могильщиков. Я всего лишь под злым и холодным дождем ноября. Он лупит со всех сторон и будто бы въедается в кожу.

«Новичкам не повезло, – думаю я. – Завтра будут другие».

Я смотрю на строй. Все они – ошибки общества, все они – неудачники, все они – просранные надежды родителей, все они – пока что живы. Они еще да, я уже нет... Еще нет... Пока что да.

Ни мертв, ни жив, еще не жив, уже не мертв. Где-то в состоянии анабиоза, летаргического сна. Затяжного тумана после передозировки. Я здесь, перед жирным священником, который держит зонт, скрывающий лоснящееся сало от дождя. Также он укрывает огромный золотой крест на золотой цепи в три пальца взрослого человека. Шея выдерживает вес божественной благодати благодаря жиру.

Я здесь, в строю нелепостей, преступлений, отчаяния, наркомании и алкоголизма. Я стою в строю и смотрю на того, кто даровал мне холодный кров с обсосанными одеялами и шмотки, которые воняют грешником. Я смотрю на этого человека и вижу, как обилие подбородков содрогается в бесконечном танце, пока он произносит свою речь с довольным видом. Он предвкушает прибыльность сегодняшнего

дня. Он запускает систему по полной. Он использует погоду. Он – демон для всех, ангел для меня. Жирный, обрюзглый, сальный, жадный и мерзкий человек, за которым наблюдает бог.

Я слушаю его, а потом иду занять свое рабочее место. В высоких резиновых сапогах, надетых на босую грязную ногу, я иду копать землю, в которую рано или поздно лягу сам. Лягу, сгребу горстки вокруг, а потом спрячусь под ними, став одним из моих соседей.

А пока что я иду с лопатой на плече и слушаю, как дождь разбивается о металл. Слышу, как тяжелые шаги строя чавкают грязью. Слышу, как все они переговариваются, слышу, что они говорят обо мне. Все потому что перед тем, как распустить нас, священник подошел ко мне, по-отцовски обнял и сказал: «Сынок, я верю в тебя как в Бога, которому служу».

«Жирный ублюдок, – думаю я. – Ты служишь только деньгам... Ты любишь только деньги». Я вспоминаю про томик библии, который использую как подставку для кружки. Сильный порыв ветра заставляет меня остановиться и забыть о священнике.

«Новенькие... Завтра будут другие, не эти новенькие. Редко кто остается дольше, чем на неделю», – размышляю я, кидая грязь лопатой.

Дождь становится мелким и еще более мерзким. Ощущение, будто стало холоднее, и уже не капли, а кристаллики бьют по коже. Холодно.

Пот со лба попадает в глаза. Больно. Я весь мокрый. Из-за погоды, из-за работы. Я мокрый и холодный, но мне это нравится.

«Он ненормальный, – слышу я шепот одного из новеньких. – Вы только посмотрите на него!».

Я снимаю толстовку. Мне невыносимо душно. Я чувствую вонь грешника – святого отца. Толстовка отправляется на крест одной из могил поблизости. Капюшон крепко цепляется за верхушку, а злой ветер ноября прибивает ткань, будто Христа, к кресту и загоразживает собой фотографию.

Теперь лед впивается в кожу моего тела, холод пронизывает меня. Я вновь беру лопату в ладонь, заполненную кровью от сорванных мозолей. Она стекает вниз по древку, смешивается с грязью, с потом, с моими мыслями и падает в свежевырытую канаву.

«Он ненормальный. Я сваливаю», – раздается все тот же голос и звук упавшей лопаты следом.

– Ублюдок, – начинаю я. – Если ты нуждаешься в деньгах, то ты остановишься, вернешься и проведешь этот паршивый день в нашем обществе.

«Мы – горькие слезы неба», – думаю я.

– Ты вернешься и отработаешь, – говорю я.

– Как ты меня назвал? – голос полный ярости доносится до меня. Мощным ударом я вгоняю лопату по древку в землю и поворачиваюсь на голос. Впервые полностью расправляюсь и смотрю в сторону голоса. Он – ничтожество, он

– муха, он – будущий труп. Я об этом думаю и вижу лишь очертание своей цели. Вижу силуэт и мысленно перекладываю его туда, где сейчас мой рабочий инструмент.

– Эй, чувак, не связывайся, – звучит третий. – Не стоит связываться с этим... с этим демоном ...

– Ладно, – слышу второй голос, полный страха. – Тебе повезло.

Последние слова сопровождаются скрежетом металла по земле.

Волосы на моем лице и теле впитали холод. Мое тело пронизано ветром ноября. Мне холодно, мне надо работать, если я хочу, чтобы меня сегодня накормили и напоили крепким чаем. Мне надо работать. Надо бросать землю. Надо сделать это быстро. Затем на дно кинуть клеенку. После закидать ее землицей. Все остальное за меня сделает дождь, смешанный со льдом. Мне надо закончить эту и начать новую. Святой отец верит в меня.

Я беру лопату в руки и начинаю двигаться быстрее, чем раньше, яростнее, чем раньше, увлеченнее, чем раньше. Я – сектант своей веры. Я – фанат своих мыслей. Они – они завтра не придут.

Вот она – свежая яма. Я смотрю в нее. Внутрь. Смотрю и вижу себя там. Лежащего в воде. Гниющего и разлагающегося в колодце капель дождя. Они собраны в линейку, в целую коллекцию одного дня благодаря целлофановой клеенке. Я ее положил собственноручно. Мне сказал делать это

самый благородный из людей. Сегодня он доволен, сегодня он счастлив, и это благодаря мрачной и мерзкой погоде, что рушится на хрупкие тела созданий, укрывшихся под ней.

Я вижу себя, лежащего в яме, в воде, которую не пропускает клеенка под тонким слоем земли – это маскировка. Сегодня идет дождь, и мне не приходится брать ведро и бегать от храма сюда, чтобы наполнить ее. Я это делаю в точности так, как мне сказал автор капель какого-то дерьма на толстовке. Она сейчас висит на кресте. Ветер сменил направление и теперь она, как пиратский флаг, что был привязан к кресту погибшего капитана.

Я смотрю в могилу и, клянусь, если бы она могла говорить или видеть, или мыслить, или быть живой, вот она смотрела бы в меня... Она бы забрала меня. Но это не мое пристанище... Чужое.

Я работал над новой дырой под ногами, когда святой отец... святой... отец... Когда этот ублюдок пришел с целой процессией. Он направился к заранее приготовленной канаве и был готов начать проповедь, но его перебили.

– Что это? – спросил мужской голос.

– Это? Это могила, сын мой, – ответил прислужник всех богов.

– Да, но там воды по самые яйца!

– И что? – спросил автор тех порванных штанов с вытянутыми коленками, которые сейчас были на мне затянутыми при помощи холщовой нити.

– С этим можно что-нибудь сделать? – спрашивает парень, а рядом с могилой ставят гроб, готовя к погребению.

– Ну а что с этим сделаешь? – спрашивает уродливый кусок жира.

– Рядом есть другая, сухая, – говорит парень. – Может быть...

– Да как ты смеешь!? Перед лицом Бога?!

– Вот, – говорит он и крепко пожимает руку священнику.

– Это большой грех! Через час приедут люди! – продолжает возмущаться мой спаситель.

– Да-да, конечно, – говорит парень и вновь пожимает руку.

– Да что вы себе позволяете?! Самоубийца вообще не достоин быть погребенным! Самоубийца должен гореть в крематории! Как в аду.

– Нет! Она не грешница! Сам бог... Само существование звало ее в форме мыслей и идей, – В третий раз пожимая руку священнику, говорит парень.

Я знаю этого демона с цепью на шее слишком хорошо. В его глазах огонь, которым святой отец сам будет сожжен глубоко в аду. Я вижу его тщательно утаиваемую улыбочку.

– Полагаю, с этим тоже можно что-нибудь сделать? – тихо тараторит молодой человек.

– Но учтите, вы платите не мне, моей нужде, – соглашаясь, говорит священник.

– А вы выполняете это не для меня, а для нее, – сговори-

вается парень.

Я смотрю на гроб. Крышка открыта. Внутри девушка. Я ее уже видел. Вчера или позавчера. Не помню. Помню только, как она лежала на асфальте. Вокруг бегали санитары. А я просто смотрел на нее. Я – любознательность.

– Сегодня мы просим господа нашего Бога принять к себе Крестину... – не успевает договорить человек в черных одеждах.

– Просто Кристи. Она любила, когда ее звали Кристи, – сказал парень.

– Хорошо... Сегодня мы просим господа нашего Бога принять к себе Кристи.

Я наблюдаю за парадом лицемерия, после того как посмотрел серию о купленном помиловании. Я смотрю за всем этим и чувствую, как холод ноября сковывает кости внутри.

«Надо работать», – мелькнуло в мыслях.

Я – аппарат, механизм. Мне необходимо топливо. Оно будет вечером, после причастия, а пока что – работа.

Я рою землю, вгрызаясь все глубже. А потом поп подзывает меня. Он говорит, что пора закрыть крышку и погрузить девушку. Я беру одного из тех, кто завтра не придет, и тащу к гробу. Мы закрываем ее. Мы используем веревки, чтобы опустить его на самое дно. Затем ждем, пока желающие кинут по горсти на крышку, и только после закидываем смерзшейся землей.

Ветер ноября, злой и холодный, треплет толстовку на кре-

сте. Ветер ноября пытается сломить меня, но мне жарко. Я ощущаю лишь огонь под кожей. А руки держат древко, крепко. Так сильно, как только можно! Вниз спускается кровь, и с каждым броском земли через плечо несколько капель летят вслед. Красная жидкость согревает руки.

Волосы промокли от пота и холодного дождя, в волосы впутались кусочки льда. Они бьют меня по лицу, прядями свисают вниз. Длинные, черные волосы скрывают лицо. Я смотрю сквозь пряди черного холода.

Когда все заканчивается, святой отец подходит ко мне и говорит, что клеенку можно достать и прибрать для клиентов через одного. Он смотрит на меня с жадностью. Я – его любимый инструмент. Я – голем. Я – существо.

Жирный ублюдок достает деньги и трясет ими перед моим лицом.

– Если бы ты знал, если бы ты понимал, если бы ты видел смысл в этих бумажках, – начинает он. – Ты бы тоже получал кайф.

«Мразь, – думаю я. – Я знаю, что такое и для чего нужны эти купюры».

– Да, отец. Я глуп и ничего не смыслю ни в жизни, ни в деньгах. Во мне нет Бога, – в итоге говорю я.

– Ударь его, – звучит другой голос в моих мыслях. – Вонзи лезвие лопаты в шею.

– Да-да! Пробей трахею и послушай, как он будет хрипеть, как будет проклинать тебя, – появляется еще один голос. –

Затем возьми его крест и натяни им цепь на этой жирной шее.

– Смелее, – еще один голос. – А потом начни двигать из стороны в сторону, распиливая шею, и так до позвоночника!

– И просто оставь его таким, – прозвучал еще один.

– Простите, наисвятейший, – говорю я.

«Ненавижу и преклоняюсь перед тобой, мразь», – думаю я.

– Позвольте вернуться к работе? – говорю я. – Хочу участвовать поскорее, а работа сокращает время.

Батюшка кивает и жестом позволяет мне идти копать еще одну дыру в земле, чтобы ноябрь наполнил ее водой, чтобы продать погребение. Этот человек, он демон жадности, что прикинулся добром. Мразь.

—

– Могу ли я поговорить с богом? – спрашиваю я человека, мне противного.

– Конечно! Правда, сейчас он занят, – говорит тот, кто даровал мне кров и пищу, говорит тот, кто сделал меня цепным животным. Говорит один из самых мерзких из людей. – Ты можешь все сказать мне, а я потом ему передам твои слова.

– Хорошо, – говорю я, а после начинаю. – Господи, прости меня. Я согрешил. Каждый день я повторяю один и тот же грех. Он заключается в том, что при рождении я отведал запретный плод. Поддался искустителю. Вкусил сладость и познал первородный грех. Обрел сознание и последовал по

стопам твоих детей. Прости меня за это.

– Каждый день ты просишь за это прощение, и каждый день я тебе говорю о том, что ты не прав, – говорит святой отец, и его подбородок трясется подобно флагу на ветру. – Мы все дети детей Божьи, на нас нет того греха, за который ты просишь прощения. Все искуплено.

Он говорит, и внутри меня закипает ярость.

– Простите, – говорю я.

«Сдохни», – думаю я.

«Этого больше не повторится», – говорю я.

«Завтра я вновь буду просить прощения за это», – думаю я.

Все эти мысли тесно сплетены в одну цепочку из правды, которую я храню в себе, и лжи, которую я произношу. Я – грешник... Но не больше того, кому я исповедуюсь.

– Святой отец, за мной имеется еще один грех.

– Какой?

– Ярость. Я испытываю ярость. Чувствую злость, когда вижу праведного грешника.

– Так нельзя, сын мой. Ты пойми, каждый выбирает собственный путь. Мы с тобой на том, который ведет нас к Богу.

– Только не ты, – звучит голос в моей голове.

– Мы с тобой? – еще один.

– К Богу? – следующий.

– Сын? – очередной голос.

«Я ненавижу тебя, – думаю я. – Когда ты передо мной, я

хочу превратить тебя в ничто! Ты искусно слепленная фигура, сочетающая в себе грехи».

– А что же мне делать, отец? – говорю я. Я – лжец.

– Ищи усмирение в молитве, – отвечает он мне и начинает читать.

Он забывает строчки. Перевирает стихи. Он может петь, только когда носом чешет страницы библии. Я знаю все его ошибки. Знаю каждый стих наизусть. Знаю разницу между тем, что он читает и что поет людям во время службы. Я – система, что следит за грешником. Я ни разу не открывал святую книгу, но знаю ее наизусть. Он ее держит открытой всегда, но не знает ни единой строчки. Он – создатель веры, наполненной ложью. Он – спекулянт Бога. Он – коммерсант захоронений. Он – грех во плоти.

«Ты то, что ты ешь! – думаю я и несую перед собой чашу каких-то помоев.

Каждый день после причастия он кормит меня каким-то мусором. Это мясные отходы, какая-то каша. Это какие-то овощи, какие-то фрукты. Все это перемолото в единый фарш. Все это воняет тухлятиной. Все это кинута с горькой в чашку, которую каждый вечер я приношу обратно, чтобы взять кружку с горячим чаем.

То, что не обладает вкусом, лишено формы. Это что-то цвета грязи и с ужасным запахом. Это то, что подпитывает скудным своим объемом мышцы, что трещат во время ра-

боты. Это мой рацион на конец этого дня и на практически весь следующий день. Я знаю, из чего его делает этот мерзкий священник. Он перемалывает в пюре все то, что не может съесть сам. Из того, что некогда было шедевром кулинарии, он делает отходы. То же он делает и с верой... То же он делает с библией, которую не знает, с богом, которому и во имя которого должен, но не служит, с людьми, которые возлагают на него свои надежды. Он берет все это, пихает в мясорубку и пропускает через механизм, сквозь лопасти, несколько раз, чтобы в итоге наверняка получить дерьмо.

Я несу перед собой это. Выхожу на улицу, где холодный ветер ноября бьет в грудь, в лицо, пробирается внутрь и сковывает легкими судорогами. Через несколько секунд я привыкаю к этому. Продолжаю идти в свою скромную обитель с панцирной койкой, украденной для меня из детского дома все тем же святым отцом. С пахнувшими мочой и рвотой матрасом и несколькими одеялами, которые он бесплатно вынес из психиатрической больницы после смерти на них одного из пациентов. С библией, на которую я потом поставлю кружку чая, со словарем Даля и его «сочувствием» между «сукой» и «сифилисом», с блокнотом, в который я уже мысленно записал все это. Причем библию он взял с рук старика, которому книгу положила его супруга-старуха прямо перед погребением. Сделал он это со словами: «Бога вместе с человеком хоронить нельзя». А после отдал мне. Словарь Даля я нашел на кладбище. Его потеряли школьники, которые трахались

среди могил в целях получить острые ощущения. А блокнот я сам купил, когда святой отец отпустил меня погулять. Он делает это раз в месяц. Дает мне деньги и отпускает сразу после причастия. Раз в месяц я свободен. Раз в месяц я такой, каким был прежде. Я – обычный человек.

А пока что я сижу на влажном от сырости сегодняшнего дня матрасе и заставляю свой организм питаться. Впитывать и насыщаться тем, что навалено в чашу. Каждая ложка дается мне с трудом, с боем, с принуждением организма. Но я понимаю, что должен питаться. Я тот, кого обнаружат уже остывшим, уже разлагающимся на полу этого гнилого домишки, я тот, кто останется валяться на воняющем аммиаком и тухлятиной матрасе... И все это будет, если я откажусь записываться этими отбросами.

Зато дальше будет чай. Горячий и обжигающий. Кружку с которым я буду ставить на томик библии. А сам тем временем буду писать об этом дне. Я – система протоколирование событий.

Голоса в голове унялись. Они молчат. Знаю, они вынашивают мысль, которая разрастется в бурную беседу после. Это произойдет тогда, когда я скрою свое тело от холода под влажным, по вине погоды сегодняшнего дня, одеялом. Я буду лежать и трястись. Я буду чувствовать силу ноября, который неустанно лупит дождем. Я буду слушать барабанный оркестр капель дождя. Я – дирижер для ударников.

Я буду смотреть в темноту комнаты и представлять то, что

я не один. Что кто-то кроме меня здесь есть. Я буду думать об этом всю эту ночь, как и ночь перед этим, как ночь перед ночью перед этой ночью, как ночь перед той ночью, перед ночью перед этой ночью. Я буду лежать и смотреть в дальний темный угол и представлять, что там кто-то есть. А потом и голоса сформулируют свою мысль. И начнется громкий и протяжный спор длиною в одну новую ночь.

А пока что я пытаюсь проглотить очередную ложку того, что откровенно навалено в чашу, и не сорваться. Не разнести все в этом месте, будучи ведомым своим безумием. Я – психопат. Я – загнанный в угол. Я – зверь... Но мне это нравится. Мне это необходимо... Сейчас. Я – психопат.

– Да, это ты! – один голос.

– Психопат – это ты, – второй голос.

– Загнанный зверь – психопат, – третий голос.

– Ты перемолотый в кашу своих недостатков и достоинств безумный кусок дерьма, – последний голос озвучил свое мнение, и я громко засмеялся, почувствовав безграничную радость в груди.

Время неумолимо мчится вперед. Как гончая, которая несется за куском поролона, обшитого дешевой поддельной шерстью. Эта псина никогда не сможет догнать свою цель. Только время, оно безумно, как я. Оно – бешеная гончая псина, которая мчится вперед, ведомая своим инстинктом, мозгом, умирающим по причине болезни. Оно, время, оно еще та сука.

Оно утекает сквозь пальцы, оставляя свежие мозоли, которые своими наростами сдерживают температуру кружки с чаем. Я тяну его с огромным удовольствием, будто бы это единственное, что у меня осталось в жизни. Я пью чай и представляю совершенно глупый сценарий о том, как у меня отбирают или выбивают из рук сосуд с милой моему сердцу жидкостью. Я представляю это в мельчайших подробностях.

– Бери за волосы, – один голос.

– Давай! Бей об землю лицом, – второй.

– Смотри внимательно, это глаз! Он вылетел из черепа!

Ха-Ха! – третий.

– Еще пару ударов, и ты уничтожишь это ничтожество, – четвертый.

– Стоп! – кричит пятый голос в моей голове, и я возвращаюсь в суровую реальность.

Мой внутренний мирок лопнул. Он раскидал вокруг тысячи маленьких кусочков себя подобно мыльному пузырю. Я смотрю в другой конец комнаты и вижу там отражение своих иллюзий. Я – генератор глупых мыслей.

Я пью горячий чай и смотрю на то, как это сырое, холодное место, в котором жизни нет и быть не может, изменяется благодаря мультикам моего сознания... Как бешеная гончая псина мчится за своей призрачной целью. Если она догонит этого иллюзорного кролика, если это случится, то вселенная лопнет из-за того, что время не будет знать, что делать со своей добычей. Вселенная лопнет подобно мыльному пузы-

рю мультика моего сознания.

А я пью чай и вношу эти заметки в небольшой блокнот, купленный мной на кладбищенские деньги. Я пишу о том, как сегодня утром резкий запах людских нечистот поприветствовал меня на улице. Описываю скользкую глину, мерзкую грязь под ногами, которая проникала сквозь пальцы при каждом шаге и пачкала мои стопы собою. Я пишу о холодном ветре ноября, который мириадами тончайших нитей чистой стужи пронизывал мое тело позже, когда я кидал лопатой грязь. Как я смотрел на капельки пота, смешанные со струйками крови, скользящими вниз. Как толстовка, повешенная на крест, изображала собой сына божьего. Вспоминаю торговлю, вспоминаю покупку посмертной индульгенции, приобретение освобождения от грехов у того, кто торгует верой тем, кто в Бога не верит.

«Слепцы, – думаю я. – Все вы будете приглашены на собрание вам подобных, и там, в большой светлой комнате, в компании Сократа и Декарта вы будете обречены на вечные беседы. Вы все будете сосланы на один из уровней единственного заинтересованного в человеческих жизнях, человеческих душах. Вы все будете убажывать его слух своими догадками и теориями, своими гипотезами и аксиомами о том, что мироздание является чем-то другим и отличается от места их заточения. Все они будут рассказывать про крепкий сон в летнюю ночь где-нибудь в яблочном саду, где в ожидании прелестницы они уснули и теперь наблюдают даже не

кошмар, а просто странный сон длинной в бесконечность».

Я вновь вспоминаю о приобретении милости божественной и о девушке в деревянном ящике. Она была такой живой и счастливой, когда я встретил ее впервые. Она лежала на сером асфальте, прислонившись к нему щекой, и улыбалась так, будто бы слышала, как город дышит, или же слушала сказки этого города. Она лежала на асфальте и была недвижима, полна безмятежного спокойствия, а в глазах ее я видел счастье от создания нового мира. Такого выражения глаз никогда раньше я не видел и, думаю, больше никогда не увижу.

Она лежала на асфальте. Вокруг бегал тот самый покупатель очищения запятнанной самоубийством души. Он ее любит, до сих пор... Уверен.

Я – беспрекословная вера своим мыслям.

Я помню, как девушка-санитар помогала уложить бездыханное тело в черный пакет. Я наблюдал за этим словно замороженный, и мысли потоком капель, наполняющих океан, неслись сквозь меня. Я стоял как вкопанный. Стоял и мешал ей пройти к дверям грузового отделения машины скорой помощи. Не знаю, почему стоял именно там, не помню этого, это не важно... Она коснулась моего оголенного из-за формы майки плеча. Она такая милая, она коснулась моего плеча, и я ощутил холод кубиков льда Сабзиро, холод Антарктиды, холод космоса, холод азота, холод абсолютного нуля.

Я описываю ее погребение, Кристи, и то, что на этих по-

хоронах было всего несколько человек. Не было тех, кто обсуждал бы гроб, покойника, что внутри, организацию похорон, близких, те пирожки, что еще будут поданы чуть позже во время скорбного обеда в ресторане или же дома. Я пишу об этом сейчас, вспоминая, что было чуть раньше сегодня, и одновременно сама вселенная возвращает меня к опыту практически бесчисленного количества погребений. Всякий раз я сравниваю каждое новое запомнившееся с одним особенным. Я – алгоритм сравнения товаров.

В тот день солнце жарило с силой приближающейся к поверхности земли кометы. Десятка раскаленных космических объектов, которые передали атмосфере часть своей температуры. В тот день каждый вдох обжигал внутренности. В тот день мне пришлось набрать пять ведер холодной воды, чтобы подготовить лот на продажу. В тот день были похороны, на которые собралась чуть ли не тысяча человек. В тот день кладбище заполнилось венками. В тот день близкие, еще живые люди, покойника были самыми тихими во время и после погребения. В тот день труп вонял хуже выгребной ямы, к которой я хожу каждое утро босиком по холодной земле. В тот день я был счастлив от увиденного.

Они, все эти люди, они несли венки, на которых было написано: «Конченной мрази, ублюдку, гори в аду, слава богу, ты сдох...». Они все были жителями одного дома, они все были родственниками и близкими тех, кто жил в том доме. Они все были в ярости. Они – тупое стадо без пастуха. Они

– слепой гнев. Они – посмертный суд Линча.

Он – воняющий разложениями труп в дешевой коробке из дерева. Он – наркоман, поставщик... Он тот, кто подсаживал малолеток, рассказывая им сказки про вечный кайф. Его мозг и мысли свело судорогами белой горячки и, бегая по подъезду, он всаживал использованные шприцы в жильцов. Он собрал этот арсенал с пола своей тухлой квартирке, в которой лежали заблеваннные школьники, менеджеры среднего звена, сбившиеся с пути, уголовные элементы разного статуса. Он слышал голоса, которые заставили его творить еще больший хаос.

Перед тем как выбежать в подъезд, он открыл газ в своей маленькой, переполненной дерьмом, квартирке. Он покинул свое маленькое царство будучи ведомым голосами, которые управляли им как кукловод марионеткой. Он – ошибка природы.

Потом, когда приехали копы, он занял другую точку обороны. Он, сидя на лестничной площадке, начал угрожать подрывом дома. К тому моменту газом пропитался весь этаж.

Переговоры затянулись, и газ спустился ниже. А потом захватчик на мгновение забыл о том, что происходит, о том, кто он и что делает. Он вставил сигарету себе в зубы и прикурил. Он – насмешка над человеческим разумом.

Не знаю, каким чудом, но от него остался обгоревший труп, который родственники решили похоронить. Они –

глупцы.

Я помню все те венки. Я помню, как могилу не стали выкупать и гроб опускали прямо в воду. Помню, как особо пьяные и разозленные мужчины ссали на покойника, которого не закрыли крышкой. Помню, как кто-то принес канистру с бензином, и могила полыхнула огнем. А еще помню, как на следующий день новенькие чистили это место, и через несколько часов святой отец пихнул его в втридорога приличной семье. Он – сам сатана. Мы – ошибки мироздания. Такого мяса я никогда больше, никогда раньше не видел.

Я вижу это все на исписанных листах, которые держу в своих руках. Все эти образы кажутся даже реальней, чем я сам. Я смотрю на листы, слушаю удары капель дождя, чувствую вонь матраса. Я помню ту девушку, которую зарыл сегодня и вспоминаю холод ладоней той, которая упаковывала тело в черный мешок. Я пью чай, и он обжигает мое нутро. Кайф.

– Давай, напиши про сны, – звучит голос в моих мыслях.

– Расскажи о тех снах, которые являются тебе в короткие часы твоих провалов, – второй голос сменяет первый.

– Не можешь написать – нарисуй, – третий голос приходит на смену второго.

– Если не умеешь рисовать фигурами, образами, силуэтами, если ты не видишь этого внутри своих мыслей в подробностях, рисуй словами, описывая свои сны, – слышу уже четвертый голос в своей голове.

– Ты – псих, – говорит последний, и голоса вновь на миг утихают.

– Мои сны? Мои сны – лишь сны, – произношу я. – Пора ложиться.

Последняя фраза шепотом срывается с моих губ, и через несколько минут я накрываюсь холодными и вонючими одеялами, которые пропитались влагой и морозом. Можно сказать, что я лежу подо льдом. Мое тело сводят судороги. Больно.

«Скоро тело уймется, – говорю я себе и закрываю глаза, после чего вижу образ той медсестры. – Мне необходимо провалиться, иначе станет плохо, иначе я начну жить иллюзиями, мультиками своего сознания».

Дальним эхом в бесконечности музыки повторов этой фразы я вижу ее танцующей в дальнем углу своего угрюмого, убогого, холодного, гнилого убежища.

—

Очередное дерьмовое утро, точнее очередная дерьмовая ночь. После провала в царство Морфея я стараюсь открыть глаза. Ресницы смерзлись. Сначала я прикладываю пальцы к глазам и жду, пока лед растает. Потом чувствую капельки холодной воды, что скатываются вниз по пальцам, в ладони, и там остаются навсегда потерянными на линиях судьбы. Я – капелька воды, охваченная вечным льдом.

Я лежу под одеялами, которые не согревают. Я лежу на матрасе, который пропускает холод снизу. Мне холодно...

Даже холоднее, чем несколько часов назад. Я понимаю, что температура резко упала ниже нуля. Я кладу ладони, которые недавно были чуть влажными от капель воды с ресниц, на щеки. Тепло от рук обжигает лицо. Ладони ощущают холод, который отдает кожа.

«Если я не начну двигаться, я сдохну, – думаю я и поднимаюсь с матраца. – Холодно... Хочу полежать... Мне это необходимо».

Сначала, положив одеяла на матрац, я начинаю приседать. Голые стопы сводит холодом до боли. Я надеваю те самые сапоги и сдерживаю себя от того, чтобы закричать. Они промерзли и впитали в себя холод, как губка. Все это в одну секунду врывается в ноги миллионом тончайших иголок.

Вытерпев эту боль, я подхожу к окну, из которого прорывается холодный, пронизывающий ветер, и сквозь тьму вижу метель, которая воеет, подобно волку, которая плачет, подобно младенцу, которая стонет, подобно раненному воину.

Холодно.

Холодно.

Холодно.

Подхожу к постели, беру одеяла, укутываюсь в них и вновь начинаю приседать. Холодно.

Через несколько минут я больше уже не могу выполнять это простое упражнение, поэтому сменяю его на отжимания. Упираюсь руками в пол, и ладони сводит от холода. Пальцы поджимаются сами по себе. Больно.

Расправив их, уже не ладонями, а кулаками упираюсь в пол и начинаю отжиматься. Потом вновь меняю на приседания. Вновь на отжимания. Вновь на приседания. Вновь на отжимания. Вновь на приседания. Вновь на отжимания, и из кулаков начинает сочиться горячая кровь. Больно. Холодно. Надо продолжать.

Эта длинная, паршивая, непредусмотренная ночь селит в моих мыслях идею о том, что я лягу рядом с той девушкой, которую закопал утром, с другими молодыми и старыми.

«Нет... Не-е-ет! Не бывать этому! – грозным шипением сквозь тяжелое дыхание из меня вырываются слова. – Буду жить... Буду жить... я буду ЖИТЬ!»

Я произношу это, еле двигая замерзшими губами, тяжело дыша, а кровь с кулаков все интенсивнее окрашивает грязный пол в дополнительный оттенок, а грязь с пола все больше смешивается с кровью на руках.

– Начинать работать, – появляется голос в моей голове.

– Укутывайся всем, чем только можно, и иди на улицу, – появляется второй.

– Бери лопату и вперед, копать новую дыру в земле для новенького, – третий голос.

– Вперед, копать, а потом к тебе присоединятся новые новенькие и к тем, кто уже лежит на дне, присоединятся новые новенькие, – звучит четвертый голос.

– Вы все уже давно СДОХЛИ! – безумным криком, полным счастья, орет пятый голос, и от него меня переполняет

радость, и я тоже начинаю смеяться, стоя во тьме и холоде своего маленького затхлого, поросшего плесенью пристанища. Я смеюсь и поднимаю руки к лицу, смотрю на костяшки без кожи, с которых сочиться кровь, потом поворачиваю руки и смотрю на ладони, на то, как красная жидкость проникла в трещины линий, на то, как она в точности повторила узор. Я смотрю на это, и из моей груди пробивается смех. Глубокий, тяжелый смех сотрясает стены этой хрупкой постройки, пока ладони ползут со лба вниз по лицу, а потом переходят на шею, оставляя после себя грязно-алый след.

Беру все то, что есть из одежды, и надеваю на себя, беру одеяла и обвязываюсь ими, беру лопату и выхожу на улицу. Метель снегом и ветром ноября встречает меня как глупца, посмевшего бросить ей вызов.

– Вызов принят, – представляю себе ее ответ и отправляюсь в сторону кладбища.

Здесь посреди ночи одинокая фигура роет землю, преследуя одну единственную цель – не умереть.

– Ты слышишь их? – вновь терзает меня первый голос.

– Ты их слышишь, я знаю! – второй голос подхватывает волну.

– Я знаю об этом, потому что сам слышу их, – третий голос продолжает общую мысль.

– Мы все их слышим, эти голоса под землей, – четвертый говорит мне.

– Земля танцует под ногами! – злобно усмехаясь, произ-

носит пятый голос, и я начинаю приглядываться к земле.

Она содрогается, будто бы внизу есть колонка, что дышит басом. Земля под ногами становится мягкой. Земля выпускает из своего плена ошибочно забранного. Он зовет остальных, кто просто лежит здесь, рядом. Я чувствую, как своими костлявыми пальцами он обхватил мою лодыжку и подтягивается по ней вверх. Я – средство побега.

Через минуту я вижу сотни и тысячи трупов, что окружили меня. Они смотрят на меня, как на равного. Они пытаются понять, кто же я. А потом расходятся в разные стороны. Я – уже мертв.

– Смейся! – появляется пятый голос, и я улетаю вместе с истерическим хохотом.

В следующий миг я понимаю, что все так же стою посреди кладбища и ковыряю смерзшуюся землю. Все это время я видел галлюцинацию, в которой рыл, копал, уходил все глубже под землю, но это было лишь помутнением рассудка. Холодно.

Возвращаюсь в хижину и ищу там лом. Только так можно выкопать яму при данной температуре.

Найдя я возвращаюсь на прежнее место и уже ломом начинаю разбивать землю под собой. Медленно, но верно начинаю погружаться ниже и ниже. Я думаю лишь о том, что я не мертвец. Я обманываю себя. Холодно.

Меня окружают лишь кресты и лики. Меня окружает злая погода ноября. Меня окружает тишина и спокойствие. Меня

окружают маленькие капельки пота и крови, что срываются с меня вместе с каждым новым резким движением.

Пока я работаю ломом – все в порядке. Когда я беру лопату за древко – холодно, но терпимо. Когда в моих руках вновь появляется лом, содранные участки кожи с ладоней тут же начинают болеть и гореть. Кровь вступает в реакцию с холодным металлом и словно бы впивается в него, не желая отпустить. Эта боль держит меня в сознании и не дает отрубиться. И вот я стою на дне глубокой ямы. Тяжело дышу от проделанной работы и холода.

– Боже мой, – слышу голос пастора. – Я тебя ищу уже с половину часа. Погода испортилась. Я привез тебе куртку и буржуйку в домишко.

С этими словами он бросает мне нечто похожее на куртку.

– Спасибо, отец, – говорю я.

«Гори в аду», – думаю я.

– Я продолжу работать, – говорю я.

«Демон для всех, ангел для меня», – думаю я.

– Сначала на планерку. Я привел тебе новых друзей, – говорит он, после чего берет в ладонь золотой крест размером в две ладони и целует его.

Я выбираюсь из могилы, которую долбил безумное количество времени, чтобы согреться, чтобы не окоченеть. Я был увлечен своим занятием, поэтому даже не заметил того, как ночь сменилась темным, холодным, злым утром ноября. Оно, это утро, также пришло в сопровождении метели.

Словно претенциозная барышня, ведомая под ручку своим кавалером. Холодом это утро смотрело на всех и все сверху вниз.

Я выбираюсь из могилы и иду вслед за жирным ублюдком, который в очередной раз спас мою ничтожную жизнь, полную несоответствий, несовпадений, похожую на бред. Я – ошибка.

Вот они, те самые новенькие, которые пришли на смену другим новеньким, которые были раньше предшествующих новеньких. Все эти новые, очередные, сегодняшние друзья – пылинки, встречающиеся в зыбучих песках моей жизни. Все они затягивают меня на дно своими лицами, своими словами, своими голосами, что множатся обрывками в моей памяти. Все они – букашки, размазанные дворниками автомобиля моей жизни, который несется вперед по автобану без тормозов. Я превращусь в ничто.

– Сегодня вы должны... – слышу я привычную речь растра, стоя в строю ошибок. – Рабочий день будет сложным, но надбавки не ждите...

После этих слов в строю появляются несогласные.

– Это лотерея, и вы проиграли, – говорит он, и я смотрю на это свиноподобное подобие человека, на которое натянули черную наволочку, потому что ряса оказалось слишком маленькой. – И помните! Все это мы делаем ради проведения душ до Рая, где они смогут быть счастливыми около Бога, в вечности времен.

Эти слова оказывают магическое влияние на строй, на всех, кроме меня.

«Единственное место, куда можешь проводить ты, так это в ад. Причем ты, сука, очернишь даже самую светлую душу, устроив самые пышные торги среди желающих занять свеженькую могилку без воды», – думаю я.

В это время налетевшая еще ночью лютая стужа бьет в лицо ветром ноября, полным снега. Холодно.

Холодно.

Холодно.

Я хочу приступить к работе, чтобы согреться и прикончить последний день этого месяца. Я хочу выйти в город.

Вновь лом в руках при помощи действия мышц, при воздействии нейронов, что мчатся по моему телу по проводящим каналам, вновь этот кусок холодного металла, испачканного в крови, вонзается в землю перед тем, как я возьму лопату в руки, чтобы выкинуть лишнюю землю в сторону. Я наблюдаю за процессом со стороны. Я вижу себя, скрюченного от усталости и холода, из-за боли, по причине бессонницы. Я смотрю за новыми одноразовыми друзьями. Они готовы бросить все и пойти прочь, но есть одно «но», которое удерживает все эти души на местах. Их держат деньги. Деньги жирного, лживого, алчного пастора, которого я называю отцом.

«Он сказал набирать кипяток в ведра, чтобы наполнять места на продажу. Он сказал делать это за 15 минут до начала

представления», – думаю я и перед тем, как приступить долбить очередную дыру, иду за ведром, а потом в монастырь, где смогу набрать воды требуемой температуры.

Мою руки в теплой воде, смывая могильную грязь вместе с кровью в водосток. Капельки свернувшейся красной жидкости смываются с трудом. Каждая уже мертвая частичка меня отправляется в водосток, чтобы смешаться с нечистотами. Я – человеческая грязь. Я – уже мертвые части себя...

Мои руки чувствуют, как боль из содранных ладоней проникает внутрь. Это происходит из-за душистого мыла и горячей воды, что попали на поврежденные, на отмороженные, на мои руки. Я ощущаю это в полном объеме. Чувствую, как боль забирается под кожу и растекается там по разным сторонам на капельку пигмента, попавшего в воду. Я чувствую эту боль и понимаю, что все еще жив снаружи, телом... Я все еще жив.

Беру два ведра с кипятком и иду наполнять могилу. Потом еще один маршрут за водой и еще один, и еще один. Каждый раз я смотрю на то, как пар поднимается вверх. Каждый раз я выливаю свежую порцию горячей воды в земляное хранилище и смотрю на то, как струйки белых линий поднимаются вверх, устремляясь к небесам. Я смотрю и вижу в этом символизм нашего существования. Смотрю на этот пар в сосуде из земли и понимаю, что я и сам как эта горячая вода. Что постоянно, ежесекундно я также испаряюсь в стремлении оказаться не здесь, в другом месте. Я смотрю на это, как

на прекрасный мираж, и голоса в моей голове затихают. Мы все как вода в могиле, которая не может впитаться, которая не может смешаться с почвой из-за сдерживающей клеенки, что находится внизу. Все мы – линии пара, устремленные длинными худощавыми пальцами в сторону неба.

Я – тупые мысли в моей голове.

И когда вырытая яма наполняется до необходимого уровня, я вновь беру в свои руки лом, чтобы продолжить долбить холодный сосуд, который держит нас здесь, который притягивает к своей поверхности и настойчиво требует остудить тягу к полету. Я долблю куском металла дорогу в будущее, я пробиваю броню мира артефактом, найденным внутри где-то под разбиваемой коркой. Я строю этот путь своими окровавленными и грязными руками, держа отмороженными пальцами свою собственную судьбу. Я – свой собственный кошмар... И так каждый день, и так в любую погоду. Я остаюсь тем, кто выкладывает дорожку перед собой из цветного кирпича...

За этот день я продал четыре могилы. Точнее, создал четыре уже проданных произведения искусства. Я – художник, который не продал душу Дьяволу. Мой работодатель – Священник, у которого и вовсе нет души.

И обо всем об этом я пишу в своем маленьком блокноте и греюсь около буржуйки. Я чувствую, как тепло болью проникает внутрь меня. Я чувствую пораженные, обожженные холодом ноги и руки. Я чувствую кончики пальцев... Нако-

нец-таки я чувствую пальцы. Теперь мне тепло. Теперь те отходы, тот мусор, который мне выдает святой отец, теперь все это работает на благо моего организма. Я чувствую слабость и понимаю, что простуда положила свои тяжелые ладони на мои худощавые плечи. Я – первая стадия анорексии.

Завтра мой месячный выходной. Всего один день, когда я смогу выйти в город и посмотреть на то, что происходит вокруг. На то, как меняется Мир. На стандарты красоты. На эталоны произведений искусства. Я увижу все это, чтобы на следующий месяц вновь погрузиться в ад! А перед этим я непременно напьюсь, чтобы первый день в аду был максимально ужасным, чтобы первый день в аду был по левую руку от самого Дьявола в облиции слугителя господа, чтобы грусть декабря была по правую руку и терзала меня чистейшим белым и холодным голубым оттенками мороза, чтобы не осень – олицетворение смерти, преследовало меня своим постепенным увяданием, а чтобы вечность и нетленность льдов далеких полюсов грозила забыть меня во времени одной из бесчисленного количества льдинок.

Я буду гулять по замерзающему городу и слушать редкое его сердцебиение. Я буду выполнять задачи, возложенные на меня, я буду похожим на обычного персонажа этого сраного спектакля, а потом вернусь сюда, чтобы вновь увидеть мерзкую жирную рожу священника, чтобы пропитаться запахами, чтобы вновь стать художником... Я – скульптор вечности.

А пока что мне тепло... Тепло. Мне тепло! После того, как было холодно.

В это время за окном младенцем воет метель, в это время все мои клиенты уже заняли свои места, в это время уже ставшие старенькими те новенькие, которые были сегодня, рассказывают небылицу о реальном мне, в это время за пределами стен и двери моего ветхого убежища холодно... Холодно... Холодно.

– Холод заберет душу каждого, – звучит пятый голос в моей голове, и я заливаюсь истерическим смехом вместе с внезапным счастьем в моей груди.

Первое декабря. Холодно. Город. Сонный город, заполненный снегом и льдом. Город, который может принадлежать холодной леди. Город, который мог бы стать оплотом смерти. Город, в котором живут тени и манекены, город, наполненный грязными мыслями, город, поделенный на районы, город, в котором живут грязные полицейские, сумасшедшие девушки, изможденные клерки, город, в котором по капиллярам контрабандных путей пульсирует кайф, город, в котором можно найти самое мерзкое пойло и самую дешевую медицину за дозу, город, в котором живы слова «честь» и «дружба», город, который в спешке забыл отметить на карте картограф. Город, кладбище которого является его пригородом и единственным въездом, город с многоэтажками, готическими постройками, сталинками, палатками и ларька-

ми, барами и частными домами, город с единственной церковью на склоне горы, город, в котором ангелы назначают рандеву демонам, город, в котором возможно совершенно все. Мой город А дышит под подошвами дешевых кед, непредназначенных для данной погоды.

Я – частичка этого города. Мы – жители, душа нашего города.

Я, словно нейрон нервной системы города, несусь из точки А в точку Б, чтобы потом направиться в точку В, чтобы выполнить все поручения святого отца, чтобы разобраться со своими личными планами и обязанностями, чтобы убить этот холодный день количеством передвижений и действий, которые я совершу за 24 часа, прежде чем утром завтрашнего дня встретить новых новеньких и провести с ними мой первый, персональный, самый худший день в аду, чтобы остальные казались лишь слабым отголоском этого похмельного кошмара наяву. Я – самоубийца, и я знаю об этом.

Подошвы моих кед плавают снег. Подошвы моих кем несут меня вперед согласно тем мыслям, которые наполняют мою голову. Сегодня я не слышу голоса, которые обычно поддерживают диалог между собой. Сегодня они тоже наслаждаются выходным днем, сегодня они молчат и ждут, сегодня они вынашивают хитроумный план, тысячи идей для тысячи разговоров на весь следующий месяц. Сегодня они молчат.

На сегодня осталось всего одно очень важное дело – напиться. Поэтому я направляюсь в старенький бар. На баре

висит табличка: «Стакан ставить на свет», а на входе в это заведение я каждый раз читаю название заведения. Оно магическим образом действует на меня. Оно обещает мне Мир спокойствия и тепла. Бар называется «Посадочная полоса». И пока я стою на улице и смотрю на вывеску, мне холодно, но я знаю, что внутри тепло.

За стойкой сидят трое. Они общаются, обсуждают что-то. Направляюсь за стойку и встречаю там милую мисс. Она меня знает много лет.

– Дрянь, – говорю я, и она лезет в специальный ящик под стойкой. Оттуда она извлекает бутылку цвета земли в пыли и без этикетки.

– Совсем все плохо? – спрашивает она мягким голосом.

– Да, – говорю я и открываю бутылку.

– За последнее время ты изменился еще сильнее, – ее слова словно кошка, которая на мягких подушечках крадется в темноте.

– На то есть причины, – говорю я и наливаю граненный до краев.

– Знаешь, я видела один сон, – говорит она. – Этот сон, он меня напугал. Там был ты.

Я – чужой сон.

– Да? И что было в этом сне? – спрашиваю я сквозь боль, сквозь огонь внутри, после того как осушаю стеклянный сосуд.

– Ты был... Ты выглядел как до того, как все началось.

Ты был счастливым и улыбался, – говорит она, а я наливаю вторую порцию.

– «Я был», это ты очень правильно сказала, – говорю я и опрокидываю второй. – Я был... Ладно... А что тебя напугало?

– Скажи, ты устал? – спрашивает она.

– Нет, я в порядке, – отвечаю я ложью на ее вопрос.

Девушка смотрит на меня, мне в глаза... Она знает, что я соврал.

– Скоро отдохнешь, – говорит она и отходит от меня.

Она направляется к компании трех парней, между которыми идет живая беседа.

– Скоро отдохну... – шепотом произношу я, и волна холода сковывает все внутри. Наполняю стакан и опрокидываю его еще раз, чтобы наполниться обжигающей жидкостью, полной смерти.

Теперь я подвисаю, засмотревшись на свет лампочки под моим стаканом. Он преломляется, он разбивается на фигуры. Несколько капель жидкости из бутылки начинают играть со светом, и в итоге я наблюдаю калейдоскоп на дне стакана. Он гипнотизирует меня вплоть до того момента, пока со стороны компании не доносится: «Наш мир это мясорубка».

– Наш мир – это не мясорубка... Наш мир – это всего лишь наш мир, остальное – твое восприятие, – говорю я, наполняю стакан в четвертый раз, а потом осушаю его в одно движение.

Они смотрят на меня и оценивают. Но в итоге страх неизвестности делает свое дело, и они решают не вступать в диалог. Они понимают, что я не совсем адекватен.

Проходит с полчаса, и я вновь прошу девушку за стойкой подать мне дрянь. Этот напиток, который можно найти только в этом городе. Его редко заказывают за очень большие деньги. Его редко пьют из-за чудовищного вкуса, из-за высокого градуса, из-за консистенции. Этот алкоголь чем-то напоминает кисель. Вязкий, обжигающий, мерзкий, уносящий кисель. Как-то раз я слышал, что другое название у этого напитка «Автомагистраль в рай».

– Дрянь, – говорю я, и девушка вновь ныряет под стойку, а потом достает вторую бутылку.

– Как ты вообще можешь пить это? – спрашивает она.

– Пробовала?

– Нет, от одного только запаха меня начинает тошнить, – с брезгливостью в голосе говорит она. – Поэтому и не понимаю... Я смотрю, как ты наполняешь стаканы этим, и не понимаю того, как ты можешь это пить! Вообще, вас, психов, которые заказывают дрянь, можно пересчитать по пальцам.

– Да? – спрашиваю я и опрокидываю стакан.

– Смотри, ты, один чувак, который выступал здесь несколько раз... Ему кажется, что с ним есть еще двое. Станный персонаж, но, знаешь, свое дело он делает, погружая посетителей в транс своими романтически-кровавыми бреднями... Эммм... Есть одна девушка, которая периоди-

чески заказывает это пойло. Мне кажется, она... Мне кажется, у нее было много проблем раньше, сейчас еще больше, но, когда становится чисто коллапс мирового масштаба, тогда она приходит и произносит кодовое слово. И последний, кого я знаю, это наш святой отец. Время от времени он за скакивает к нам, берет несколько бутылок и уходит прочь.

«Этот демон пьет дрянь? – думаю я, и это меня забавляет. – Значит, в нем все же есть хоть что-то святое, раз он хочет промчаться по «Автомагистрале в рай».

С этими мыслями выпиваю еще порцию ядовитого напитка.

– Ты улыбаешься? – спрашивает она. – Неужели впервые за последние полтора года ты улыбаешься?

Но я ее не слышу. Вижу только ее губы, вижу только ее силуэт, вижу только калейдоскоп на доньшке и понимаю, что вторая бутылка подходит к концу, понимаю, что новый месяц скоро стартует и все повторится вновь. Понимаю, что первый день в аду будет самым сложным из-за простуды, из-за усталости, из-за похмелья, из-за спокойного, сконцентрированного холода декабря.

Но в данный момент мне тепло! А на улице холодно. В лачуге холодно. На кладбище холодно. Но мне тепло...

Первый день в аду начинается с полета на вертолете по холодной, промерзшей земле. Я босыми ногами ступаю по снегу, оставляя после себя глубокие следы. Меня шатает из

стороны в сторону. Пару раз падаю, оставляя после этого силуэты себя в снегу, на земле. Я добираюсь до замерзшего сортира. На улице бешеный холод, из-за которого выгребная яма даже не воняет. В нескольких метрах до двери с сердечком меня начинает рвать. Каждая новая волна рвоты сопровождается выкриком убийственного напитка из бара «Посадочная полоса».

– Дрянь, – кричу я, растягивая «я» так сильно, будто бы говоря про самого себя, будто бы сравнивая себя с тем, что вырывается из меня.

Как только мой желудок полностью освобождается от вчерашнего яда, я захожу в туалет.

– Почему именно сердечко? – звучит первый голос в моей голове.

– Ведь именно сердечко вырезается на дверях уличного сортира, – задумчиво говорит второй голос.

– Уличный сортир с сердечком это просто удачная шутка, которая живет до сих пор, – выдвигает свою теорию третий голос.

– Шутка, которая своей сатирой сравнивает чувства с выгребной ямой, в которую можно справить нужду, – заключает четвертый голос.

– Мы – свои и чужие нечистоты, – со злобой произносит пятый голос, и ярость вместе с этим переполняет меня.

По сухому из-за мороза снегу я иду в лачугу, чтобы одеться. Чтобы взять лопату и лом. Чтобы самый худший из дней

начался окончательно.

Моя голова раскалывается. Мое тело ломит простудой, ломит похмельем, ломит холодом. Я прошу Бога забрать меня к себе, а в следующий миг вспоминаю о том, что меня ждет рабочий день, и говорю ему: «Заберешь меня потом. Сейчас еще не время».

Я – сконцентрированный комочек боли.

В одной руке лом. Пока что он не въедается в остатки кожи на ладонях. В другой руке лопата. Она еще не сдирает остатки кожи с ладоней. Оба этих предмета пока что безобидны. Эти средства труда находятся в равновесии, в спокойствии... Они пока что спят подобно этому кладбищу. Пока что здесь никого, кроме меня, нет. Здесь пока что только я и мои голоса.

Я – единственная живая душа на кладбище, полном мертвых тел. Я – мертвое тело с пока еще живой душой.

Планерка. Мои новые одноразовые друзья курят, зубоскалят, косятся в мою сторону. Позади раздается голос.

– Его святейшество не может сегодня выйти к вам. Он заболел, – твердит молодой голос.

«Жирного ублюдка сразила молния за все прегрешения?» – думаю я.

– Вы его замените? – спрашиваю я, даже не узрев человека.

– Да, – отвечает он и появляется перед строем.

Это его сын. Сын жирного ублюдка. Поджарый парень лет

двадцати пяти. Он коммерсант, который может даже мертвому впарить набор чудо-ножей, чтобы тот мог отрезать от себя куски гнилого мяса и скармливать червям. Я его знаю. У меня есть набор причин, согласно которым я должен его знать. У меня есть ряд мотивов, чтобы знать о нем больше, чем кто бы то ни было.

– А кто же будет вести церемонии погребений? – спрашиваю я.

– Я – сын нашего многоуважаемого сына божьего, – с гордостью накокаиненного порно-режиссера выдает он. – Мой отец научил меня всему, когда я был маленьким.

«Учил тому, чего не знает сам, – думаю я. – Учил бредням, учил вранью».

– Тогда ведите нас, сын нашего святого отца, – говорю я, и мы направляемся к месту, в котором начнется новый ряд ям для тел.

Уже на месте он обращается ко мне.

– Отец просил передать тебе это, – он протягивает мне перчатки. – Отец считает, что именно твой внешний вид и манеры приносят много проблем со стабильными сотрудниками нашего предприятия.

«Нашего предприятия... – мысленно ловлю словосочетание. – «Нашего предприятия» – чертовски правильное выражение по отношению к церкви в руках этих людей. – Для них это просто конвейер, который на выходе ссыпает бумажки и мешки. Подходи, меняй, забирай, наслаждайся».

– Но, – продолжает молодой человек, – Твоя работа и преданность кресту вызывают не просто восхищение, а достойны уважения! Поэтому ты по-прежнему здесь, поэтому ты тот, кто нам нужен. Но об этом как-нибудь позже.

В этот миг из его носа выскальзывает капелька крови, которая медленно стекает вниз и попадает на губы.

– Ох уж это давление! – говорит он и запрокидывает голову наверх. – Бери перчатки и начинай работать. Поговорим позже.

Он отдает перчатки и уходит прочь, чтобы привести себя в надлежащий для священника вид.

«И если его отец катается по автомагистрали в рай и обратно, то это ублюдок предпочитает прямой контакт со святыми посредством ангельской пыли, – думаю я. – Что же касается меня... Скоростная трасса в рай, а после американская горка с небес прямо в ад...».

Я веду за собой строй новых друзей на один раз. Они все напоминают мне пакетики сахара, которые выдают в кафе и ресторанах. Они на один раз, как и приборы в самолете, которые выдаются, для того что бы полностью эмитировать процесс потребления пищи в ресторане или общепите быстрого обслуживания.

– Говоря о сахаре, – начинает первый голос в моей голове.

– Вы слышали что-нибудь о том человеке, кто придумал эти длинные пакетики? – спрашивает второй голос.

– Каждый из вас хотя бы раз в жизни использовал такие

длинные пакетики с одной дозой сахара, – говорит третий.

– Так вот, – начинает четвертый. – их создатель повесился из-за того, что их открывали неправильно. Все отрывают крайнюю часть такого пакетика и высыпают содержимое в чашку. Гений-создатель предполагал, что сахар будет высыпаться от перелома такого пакетика пополам из-за давления сладкого песка на стенку своего хранилища, – заканчивает четвертый голос в моей голове.

– Каждый из нас – безумный кретин, создающий для себя помост для повешения! – злобно прорычал пятый голос, а затем я начал тихо смеяться от осознания глубины его мысли.

Вот только я внес поправку в своем стиле и в итоге получил выражение типа: «Каждый из нас – безумный кретин, копающий себе могилу под ногами».

Эта идея поселилась в моей голове, когда я долбил промерзшую землю ломом, перед тем как собрать ее лопатой и кинуть в сторону.

Я – генератор идиотских идей, гениальных мыслей и глупых выводов.

Помимо всего этого моя голова трещит по швам, тело слабо из-за простуды, на улице холодно, и от этого все кажется в сотни раз тяжелее. Мой вагончик на американской горке намного тяжелее обычного, и поэтому я лечу вниз с огромной скоростью. От этого меня укачивает все сильнее и сильнее. От этого я жду отряд специального назначения, который

высадится в тот момент, когда вертолет в моей голове наконец-таки коснется воображаемой площадки для приземления.

Яма в загробную жизнь закончена. В висках пульсирует боль, в глазах в танце прыгает картинка мира, мне плохо.

– Хорошо! Одна готова! – говорит сын святого отца. – Клеенку внутрь и за водой!

Я стою внутри могилы, мне плохо. Даже холод, опустившийся на этот проклятый город, не спасает меня. Рука сама по себе упирается в стенку канавы. Меня вновь начинает рвать. Еще сильнее, чем утром. Меня рвет туда, куда скоро положат тело.

– Твою ж мать! – кричит сынок. – Что же ты делаешь, мерзкая тварь?! Совсем с ума сошел?

«Ты, сученыш, нужен мне живым», – думаю я про себя.

– Простите меня, – произношу я сквозь волну, вырывающуюся из меня.

– Кинь пару лопат земли, чтобы прикрыть, клади клеенку и бегом за водой! Ты слышишь, кусок дерьма? – кричит он на меня, понимая, что все идет не так, как планировалось несколько часов назад.

Он быстро старается просчитать все варианты развития событий. Он уже прикидывает, за какую цену толкнуть. Этот парень, этот коммерсант прекрасно знает, что делать.

– Давай-давай-давай! Бегом! Ты, нечистоплотная гнида! – кричит он на меня.

«Поверь, в скором времени все изменится. В скором времени твоя и жизнь твоего любимого отца кардинально изменится, причиной этого стану я», – думаю я, выбираясь из заблеванной могилы, которую сам и вырыл.

Затем кидаю туда землю, прикрывая то, что вырвалось из меня. Закрываю клеенкой, потом ее прячу под землей и иду за водой.

Умываюсь, полощу рот, чтобы избавиться от привкуса вчерашней дряни и рвоты. Наполняю ведро почти кипящей водой, затем еще одно и несу жидкость на кладбище.

Холодно. От этого вода практически полностью успевает остыть. Холодно. Если бы мои руки не были в перчатках, то кровь капала бы в воду. Холодно. Но мне, моему самочувствию это не помогает.

Могилы заполнены и проданы.

– Лезь туда и выдергивай клеенку. Будем надеяться, что то, что ты сотворил, не всплывет, – говорит молодежь ком-мерсант.

Я смотрю вниз, смотрю на воду в яме и вижу то, как мой мир резко начинает вращаться. Падаю на колени. Со стороны я похож на скорбящего по тому телу, которое уже там лежит.

– Сраный сэндвич с автозаправки, – думаю я, и меня вновь начинает рвать все в ту же могилу.

– Да что ж ты делаешь, мразь! Ты, гнида, еще сдохни здесь! – говорит он, пиная меня ногой. – Пойми, если ни кто-то другой, то именно ты ляжешь здесь!

Я – готовый умереть, не закончив то дело, которое начал.

Спускаюсь вниз, в эту проклятую яму. Она заполнена мной даже больше, чем необходимо. Ногой в сапоге отодвигаю в сторону то, что выплюнул желудок. Снимаю перчатки и лезу в воду, чтобы найти угол клеенки. Нашарив его рукой в холодной воде начинаю тянуть вверх. Как только в углу могилы появляется свободное место, становлюсь туда. Продолжаю тянуть клеенку вверх. Вода медленно проливается в стороны и орошает холодную землю. Вода плохо впитывается в грунт. Такое ощущение, что вода вообще никуда не девается.

– Достал? – спрашивает парень.

– Да, – отвечаю я, и он подходит к краю этой ямы.

– Сука! – громко говорит он. – Иди отмывай этот кусок целлофана. А что с водой? Почему не уходит?!

– Холодно, – говорю я.

– И что с того? Хочешь сказать, что земля настолько...

– Да, промерзла и не пропускает воду вниз, – говорю я, по-прежнему стоя в воде, полной того, что вырвалось из меня раньше.

– Сука! – кричит он. – Что же делать...? Что же делать? Ладно, иди, мой клеенку и возвращайся. Мне кажется, что ничем разумным и хорошим это не закончится.

Отмыв главный артефакт для заработка денег на повторной продаже мест для мертвых, возвращаюсь в строй.

Новые друзья на один день, уставшие и изнеможенные, ку-

рят, шутят и мечтают о том, чтобы этот день наконец-таки закончился. Сейчас наши желания совпадают и звучат в унисон. Сейчас тот момент, когда мне тоже хочется закончить совершенно все, что связано, что связывает меня с этим местом.

– Кидай землю до уровня воды, – говорит коммерсант.

Не задавая лишних вопросов, делаю так, как он велит.

– Давай, давай! Скоренько дергайся, да! – кричит он, и я понимаю, что парень спешит. – Так, сброд, полчаса перерыв! Покинуть территорию кладбища!

Услышав это, новенькие оставляют место пустым, разбежавшись подобно тараканам.

– А ты жди здесь. Скоро продолжишь и закапывать, и копать, – говорит он и уходит куда-то, прижимая мобильник к уху.

Минут через пять возвращается в сопровождении черного автомобиля. Останавливаются в нескольких метрах от меня.

Из машины выходят два мордоворота и идут к багажнику. Оттуда вытаскивают тело и несут в мою сторону.

– Кто это? – спрашивает один из них коммерсанта.

– Да так, отцовская игрушка. Типа цепной пес, – говорит он, глядя на меня и ухмыляясь.

– Не разболтает? – спрашивает другой.

– Нет, – холодно и уверенно на все сто процентов говорит сын святого отца, по совместительству страшного демона,

что собрал в себе несколько грехов, а затем породил потомство. Еще более порочное и гнилое.

Двое наклоняются над ямой, наполненной водой с рвотой и разбавленной землей.

– Что за болото?! – спрашивает один из них.

– Не нравится? Вытаскивайте и валите отсюда. Почему я должен решать ваши проблемы?! – нервно рычит коммерсант.

– Ну, босс... – начинает другой.

– Закрыли пасти, кинули и работать! Обрато на точку! Иначе ляжете здесь же! – орет он на тех, кто в несколько раз больше него по комплекции.

– Вот оно! Наконец-таки началось! – думаю я, понимая, что выжидал этот момент не напрасно.

Двое кидают тело в могилу. Затем я его закапываю, а тех двух уже рядом нет. Только сын святого отца наворачивает круги и подгоняет меня.

– Ну, вот и хорошо. Вот так, значит, и поступим. А вон и твои сегодняшние друзья, – говорит он, указывая куда-то в сторону.

—

Вечером первого дня в аду сынок святого грешника принес мне пакет бургеров и бутылку газировки.

– Несмотря ни на что, ты отлично потрудился, – говорит он. – Думаю, я начал понимать отца. Ты ценный сотрудник, хороший, если так можно выразиться, халдей, который ло-

вит каждое слово и выполняет.

– Рад услышать эти лестные слова, – рад служить господу Богу нашему, – говорю я и окидываю стены храма взглядом.

– Да! Мы все дети божьи. Именно поэтому сейчас мы стоим под главным символом нашей веры, – говорит он, указывая на алтарь. – Я надеюсь, ты понимаешь, что наш Бог достоин роскоши и богатства, которое мы ему обеспечиваем?

– Да, – отвечаю я. – Конечно, сын святого отца этого дома божьего.

После этого мы выходим из здания. Я направляюсь в свое скромное жилище. Он остается на крыльце. Коммерсант кого-то ждет. Останавливаюсь и начинаю вытряхивать камешки из сапог. Таким образом я тяну время, чтобы увидеть, чтобы застать ожидаемого им человека.

Это девушка, молодая, красивая. Белые, как снег, волосы, белая, как снег, кожа и огненные веснушки на лице. Вот как она выглядит, эта девушка. Она будто бы явилась в этот мир из другого, похожего на наш, мира. Она подходит к коммерсанту, и пухлые губы впиваются в линии его губ. Он хватается за задницу. Делает это так, что и без того короткое платье поднимается неприлично высоко, наполовину оголяя ягодицы.

После того, как эта сцена заканчивается, сын святого отца открывает двери храма, и они заходят внутрь. Я отправляюсь в лачугу, чтобы начать писать все это. Чтобы рассказывать историю не прошлого, но настоящего, окропленного

прошлым, словно стена кровью после выстрела в голову.

Я – множество историй одной жизни. Я – белая стена с каплями крови и дерьма в виде опыта. Я – единица времени и пространства.

Сейчас я сижу в холодном домике и греюсь буржуйкой. Жру бургеры и заливаюсь шипучкой. Пишу заметки о том, каким я стал.

«А те помои, которыми кормит жирный ублюдок, они питательнее», – вот, о чем я думаю в этот момент.

Открываю глаза. Темная, холодная ночь в этом сером городе. Она больше похожа на липкую слизь, что медленно проникает в самые потаенные уголки людских мыслей, что заползает в сны.

Открываю глаза от непривычного для меня звука посреди ночи. Обычно я слушаю истерику ветра. Слушаю, как он разбивается о кресты и озлобленно свистит. Слушаю, как он плачет дождем. Слушаю, как воет снегом. Но здесь что-то другое.

Я недоверчивый кусок мяса.

Прислушиваюсь. Мультипликаторы, сидящие внутри меня, уже начали составлять страшные картинки, чтобы показать мне то, с чем сопоставляется этот пришедший из темноты звук. В углах лачуги я вижу маленькие глаза, что наблюдают за мной. Это могут быть крысы. Голодные грызуны, что готовы питаться плотью и кровью. Что готовы накинуться на меня, поняв, что из меня получится неплохой ужин для це-

лой стаи.

Я вижу в углах маленькие глазки, что с интересом наблюдают за мной, и думаю, что помимо крыс это может быть просто тот самый мульттик сознания. Сейчас он находится в разработке, и поэтому я вижу лишь черные точки зрачков на фоне совершенно белых белков.

– Эта иллюзия не может быть источником этих звуков, – говорит первый голос.

– Слишком громко, слишком далеко, слишком неотчетливо, – говорит второй голос.

– Даже для ветра это было бы слишком странной песней одинокого скитальца, – третий голос озвучивает свои мысли.

– Это не могут быть мертвецы. Ведь они уже мертвы. Это не может быть галлюцинацией, мы бы ее распознали, – задумчиво произносит четвертый мой невидимый собеседник.

– Ведь это чистое счастье, это стоны оргазма, – кричит пятый голос, и мое лицо расплывается в улыбке.

Выхожу на улицу. Ночь неподвижна. Я смотрю в сторону рабочих суток и понимаю, что звук исходит не оттуда. Начинаю прислушиваться и теперь, покинув теплое помещение, нагретое буржуйкой, я могу различить слова, которые доходят до сюда.

– Давай! Давай сильнее! Трахай меня! – кричит женский голос. – Не останавливайся! Никогда не останавливайся! Двигайся!

Поворачиваю голову в сторону храма. Там горит свет, и

мозаика в моей голове собирается в полноценную картинку.

Я – подслушивающий сотворение греха.

Холодно. Возвращаюсь в лачугу. Темно. Теперь звуки отчетливо слышны. Я различаю слова, и мне это не нравится. Мне не нравится слушать стоны счастья, которыми закатывается девушка с кожей белой, как снег, и огненно-рыжими веснушками, которыми усыпано все ее белое лицо.

Нужно отвлечься от этого. Нужно занять себя, свои мысли. Собираюсь и иду работать. На улице холодно. Сама улица не издает ни единого звука. Сама улица мертвенно тихая, какой и положено ей быть на кладбище. Сама улица не содержит ни единого тела, ни единой здоровой души... Здесь только я. Я безумная душа в гнилом теле.

Очередная холодная рабочая ночь в этом протухшем городе. Опять клацающий о землю лом, опять звенящая лопата. Все это, чтобы прогнать мысли о сексе, все это чтобы забыть, все это, чтобы перестать слышать ту девушку, которая пришла к коммерсанту.

– Первый день в аду был тяжелым, – думаю я. – Первый день в аду закончился тогда, когда меня вырубил на вонючих матрацах. Первый день был наполнен физической болью и слабостью, первый день был отравлен количеством выпитой ранее дряни, первый день был в стиле крутого пике из рая прямо в ад. Но за что мне это второе испытание?

– О, да! То, как она стонет, это звучит музыкой, – говорит первый голос.

– Эта музыка пробуждает в тебе человека, – второй голос подхватывает тему.

– Эта музыка стонов вытаскивает из глубины твоего человека зверя, – третий голос говорит во мне.

– Зверь древний и озлобленный, зверь бешеный и не подвластный контролю! – четвертый голос заканчивает свое предложение, и я вытягиваясь в полный рост.

Руки сами по себе раскидываются в стороны, в одной зажат лом. Затем голова запрокидывается назад. Я смотрю в ночное заполненное звездами холодное небо декабря. Из моей груди волной пробивается смех. Совершенно безумный, будто бы рассудка вовсе больше нет...

– Ворвись в храм! Подвесь его гвоздями на распятии и возьми эту девчонку прямо под крестом, – истерически орет пятый голос, вырываясь из меня наружу вместе со смехом.

В этот момент я по колено стою в свежевырытой мною яме.

Я не человек в этот миг.

Лом рывками вгрызается в мерзлую землю. Я с яростью вколачиваю его каждым новым движением в почву. Двигаюсь так быстро, как только могу. Давление резко подскакивает. Пробивается пот. Лицо красное, сосуды глаз залиты кровью. В висках начинает пульсировать. Уши закладывает. Я будто бы под водой.

От интенсивности движений на глаза опускается мутная темная дымка. Движения становятся более плавными, длин-

ными. Я даже вижу траектории, которые медленно испаряются по истечению нескольких секунд.

Я истерически смеюсь и продолжаю долбить ломом дыру в земле. Глаза щиплет пот, не могу дышать, даже стоять больше не могу. Опрокидываюсь назад, падая на спину. Тяжело дышу от одышки, наполняя мешки под названием «легкие» холодным воздухом декабря. Я лежу в могиле и смотрю на то, как траектория падения медленно исчезает, соединяясь со мной. Я лежу в могиле холодной ночью, в висках стучит кровь, которая с переизбытком наполнила каждый сосуд, каждый капилляр. Я больше не слышу, как стонет от кайфа та девушка, я больше не слышу своих мыслей, я вообще больше ничего не слышу, потому что уши заложило от давления...

Я в шаге от обморока.

Я лежу, смотрю в чистое небо декабря и вижу звезды. Я истерически смеюсь. Я получаю кайф от всего происходящего. Закрываю глаза и проваливаюсь куда-то глубже, вниз. Я чувствую это падение, я чувствую, каким легким стало мое тело. Открыв глаза, вижу ту самую комнату, с которой все началось много лет назад.

– Твоя задача заключается в том, – говорит человек с усами, и я помню каждое его слово. Знаю, что будет после, в курсе каждой секунды своей жизни в том плотно сплетенном веретене. Знаю, что так в моей голове поселился первый голос. Точно так же там зародился второй, третий и четвер-

тый с пятым. Я помню все, и сейчас это кадрами диафильма мелькает передо мной.

– Стоп! – говорю я сам себе, и картинка того, как я попал сюда, в этот ад, остановившись, дрогнула. – Хватит! ХВАТИТ!

Медленно и протяжно выдавливаю из себя крик и понимаю что заперт в клетку внутри сознания.

– А-а-а! – еще раз выдавливаю из себя, понимая, что из этого сна меня сможет вывести только мой собственный голос.

Я начинаю сквозь дурман бессознательного состояния слышать хрип своего голоса:

– Д-А-В-А-Й! – кричу я еще сильнее, и в следующий миг подскакиваю в могиле.

Люди вокруг начинают орать вместе со мной.

– Твою ж мать! – кричит коммерсант, приближаясь к моей яме. – Ты какого черта творишь, скотина? Сука! Прямо здесь тебя, мразь, надо закопать! Мы тебя ждем, а ты, гнида, спишь в могиле!

– Ты выбрал себе место? – с издевкой спрашивает первый голос.

– Ничего так, живописное местечко, – подключается второй.

– Хоть послушников художественной школы высаживай в ряд на маленьких сборных стульчиках, – откровенно угорая произносит третий.

– В этом месте не хватает большого черного ворона, который сидел бы подле свеженького тела, – язвит четвертый.

– Я всех вас заберу с собой в ад, – мои голосом, моими губами произносит пятый голос, пока я смотрю в камень под ногами коммерсанта.

Затем волна истерического смеха прокатывается по кладбищу. Так опустошаются мои легкие. От этого люди вокруг, те, которых через несколько минут сын жирного ублюдка назовет моими новыми друзьями на один день, отпрыгивают на несколько шагов назад. Даже этот кусок дерьма, что прелюбодействовал столь громко в доме света и чистоты, даже он с испуганным видом отходит назад.

Беру лопату в одну руку, лом в другую, поднимаюсь из могилы и произношу единственную фразу, которая приводит всех в чувство.

– На планерку, – говорю я, и это словно бы выводит всех из состояния гипноза.

Вразнобой мы идем к тому месту, где обычно выстраивается строй и дается задание. Сегодня пускай и холодный день старого месяца декабря, но светлый. Нет ни ветра, ни снегопада. Лишь тишина, которая в течение всей ночи разрезалась тонким лезвием стонов оргазма и звуками лома, вгрызающегося в землю. Впервые за долгое время в этом проклятом городе спокойно и тихо. Впервые за долгое время здесь, на кладбище, тишина.

Несмотря на тишину, здесь, на кладбище, работают лю-

ди. Мы создаем наши творения искусства, чтобы потом продать их. Мы скульпторы. Кропотливые и уставшие. Я гуру, который даже ночи коротает как можно ближе к рабочему месту...

А ведь раньше было не так. Раньше я появлялся здесь по случаю смерти близкого человека. Правда, здешний траур для меня всегда был загадкой. Я всегда искренне был рад за того, кто покинул этот мир. Из-за этого пальцы «судей» всегда указывали на веселящегося меня. За это я получил достаточно спорную репутацию среди окружающих меня людей. Они считали меня нелюдем, порождением ночи, лично знакомым с костлявой старухой. Но это не так. Я действительно был рад за ушедшего. Я был тем, кто хочет быть на месте остывших...

Вместо этого я торчу среди крестов. Простуженный, уставший, безумный, но идущий к своей сумрачной, смутной цели что висит где-то вдалеке. Я – концентрация на задании.

Этот день, он не такой уж и плохой сам по себе, но почему-то время этих суток ползет медленно, подобно слизи по листу лопуха. Мне становится все хуже и хуже. Видимо, ночь на холодной твердой земле дала свои плоды, и простуда начала прогрессировать. Чувствую страшную слабость. Как тогда, когда ушел из жизни близкий друг. Тогда я дал себе слово, что никогда не забуду об этом, и я до сих пор помню.

На улице пускай и холодно, но не на столько, как это вос-

принимает мое тело. Понимаю, что меня колотит от жара. А рабочий день тем временем подходит к завершению. Коммерсант, довольный проделанной работой, отдает деньги моим одноразовым друзьям и после подходит ко мне. Его глазки пытаются просверлить меня, пытаются вытащить тайну, но разбиваются о мое самочувствие.

– Твою ж мать! Да на тебе можно яйца жарить! – говорит он, пожимая мне руку, а после протягивает пакет с тем же дерьмом, что было вчера, пакет с такими же гамбургерами.

– Фантазия не относится к семейным чертам, – думаю я с отвращением и вспоминаю о тех помоях, которыми меня кормил жирный ублюдок. – Тот мусор, он был куда питательнее.

За озвучивание этой фразы нормальный человек может загреметь в психушку.

– Иди ешь, короче, – говорит он. – Чуть позже к тебе придет человек.

Он отправляет меня в лачугу. Краем глаза я замечаю белые, как снег, волосы и кожу той громкой мисс.

– Кто это? – улавливаю я краем уха ее вопрос.

– Откуда она появилась? – звучит у меня в голове в тот момент, когда коммерсант сухо озвучивает:

– Да так, сотрудник один... Работник месяца на службе у моего отца.

Я – сотрудник приспешника дьявола в церкви, где молятся Богу. Я недоразумение. Я всего лишь человек.

Через некоторое время раздался стук в дверь. Меня ломает от жара. Меня колбасит из-за усугубившейся болезни. На самом деле это уже пятый раз, как я слышу стук, но каждый предыдущий был лишь слуховой галлюцинацией.

С трудом поднимаюсь с постели. Суставы ломит. Медленно подхожу к двери, открываю. Передо мной стоит девушка. Я ее уже видел. Я встретил ее на улице когда... Когда она была в группе тех, кто забирал труп с асфальта... Труп, который я недавно закопал.

– Очередная иллюзия, мультипликация моего сознания, – думаю я.

– Можно войти? – спрашивает она.

– Отчего же нельзя, заходи, – говорю я, заигрывая с мультиком, который показывает мне мозг.

Девушка заходит в комнату лачуги. Позади хлопает дверь. Она осматривает помещение крайне брезгливым взглядом.

– Да, это мое скромное жилище, – говорю я и раскидываю руки в стороны и немного наклоняю голову вперед, будто бы циркач закончивший выступление.

– Отличное место, чтобы сдохнуть в тишине и одиночестве, – холодно говорит она и подходит к тумбочке, на которой лежит записная книжка, томик библии и словарь.

– Ложись, – говорит она.

Меня начинает напрягать и даже пугать происходящее, потому что она слишком реальна, чтобы быть лишь мультиком моего сознания. Меня охватывает желание посмотреть

в ее глаза.

Я лечу сквозь глубокий темный космос со скоростью мироздания – настолько велика глубина ее черных радужек и зрачков.

– Ложись, – говорит она и касается моей руки, и если бы следующий исход мог бы быть реальным, то девушка, точнее ее ладонь, начала бы испаряться подобно льду на раскаленном металле. – Господи!

Она вскрикивает будто от ожога.

– Его здесь нет, – говорю я.

В следующий миг, обмякший, я падаю в шаге от постели. Все то, что происходит потом, я вижу и слышу очень далеко и крайне смутно, но кое-что я все-таки запомнил. Та девушка сказала одну очень интересную фразу, перед тем как меня окончательно унесло в мир безмолвия, почти в смерть. Она сказала: «Сегодня я точно буду бухать Дрянь.»

—

Голова гудит, а я даже не успел открыть глаза. Колотит все нутро. Тело будто бы залито свинцом. Я готов попрощаться или поприветствовать... Не знаю.

Тепло. Несмотря ни на что я больше не ощущаю холода.

– Мне тепло... И мокро...? – приходит осознание.

– Обоссался? – звучит первый голос.

– Вот так, взрослый человек обоссался? – с издевкой подхватывает второй голос в моей голове.

– Нет, жидкости слишком много, – появляется третий го-

лос.

– Будто бы мы лежим в воде, в теплой воде, – четвертый голос крайне осторожно говорит об этом.

– Открывай глаза, слабак, – злобно рычит пятый голос, и я, ведомый страшным по силе внутренним импульсом, с трудом открываю глаза.

Я вижу свое голое тело, вижу ноги, что свисают с бортов емкости, в которой я лежу. Руки лежат вдоль тела, они тоже в воде.

– Что?... Где?... Что это? – пытаюсь выдавить из себя более-менее порядочное предложение, и в этот же миг мир перед глазами начинает свое хаотичное вращение.

– Закрой рот, – слышу девичий голос. – Будешь сотрясать воздух, я уйду, оставив тебя здесь подыхать. Умрешь или выживешь, мне плевать, потому что мне уже заплатили за то, что я пришла, а не за результат.

В голове тысячи мыслей, миллионы идей, но ни одной о том, что же мне делать. Благодаря этому я молчу. Я расцениваю мыслительный процесс как средство к тому, чтобы выжить.

Я цепляющийся за жизнь слабак.

– Интересно было бы узнать, как ты докатился до этого, – говорит она и появляется в поле моего нечеткого зрения. – Мне сказали, что ты спал в могиле, но это последствие чего-то большего.

В руке она сжимает до боли знакомую по форме, по цвету,

по отсутствию опознавательных знаков бутылку.

– Ты, видимо, наш, городской... Хотя нет! Наверное, кладбищенский сумасшедший, – говорит она и опрокидывает бутылку. Через пару глотков ее лицо становится красным и искривляется от вкуса Дряни.

– Вот она, та, о которой говорила барменша из «Посадочной полосы», – думаю я и пытаюсь понять, почему я лежу в воде.

– Та емкость, в которой ты находишься, зовется купелью, – говорит она, будто читая мои мысли. – Эта херня используется в церкви для крещения. Кстати, мы сейчас в храме.

Только в этот момент я понимаю, что лежу, по сути, прямо под крестом. – Считай, я тебя крещу и лечу в горячей воде, смешанной с водкой, – говорит она и поднимает бутылку с «Дрянью», потом делает движение, похожее на перекрещивание и заканчивает это действие словом «Аминь!», и затем отпивает из горла.

Только после этой речи я начинаю чувствовать запах чистейшего напитка... Я начинаю понимать что то, что она делает, очень спорно в плане медицины, но на меня это действует. Мне действительно уже не так плохо, как...

– Сколько? – выдавливаю я из себя.

– Час-полтора как ты в отключке, – говорит она. – Как так получается, что я тебя откуда-то помню? Будто бы мы недавно где-то пересекались...

Я смутное припоминание в чужих мыслях. И я хотел бы сказать ей об этом, но не могу. Кажется, раствор, в котором я лежу, впитывается в кожу, и от этого, плюс от паров исходящих, я пьянею.

– Дай, – выдавливаю я из себя.

– Это? – спрашивает она, указав на бутылку. – Не, ты это не оценишь.

– Дрянь... пью, – выцеживаю из себя слова, и ее глаза округляются.

– Да ладно... Еще один человек с таким же дерьмовым вкусом к алкоголю? Ну, ладно... За этот вечер! – говорит она и приставляет к губам горлышко, а потом немного опрокидывает его.

– Аминь, – произношу я через огонь дряни.

– Подожди, – начинает она. – дрянь дико дорогая. И ты ее пил?

– Пил, и?

– Деньги откуда? – спрашивает она. – Нет, я, конечно, понимаю, что ты, возможно, не всю жизнь тут торчишь но...

– Что? – кое-как произношу я.

– Попробуй пошевелиться, – говорит она, и я пытаюсь немного приподняться на локтях, не получается. – Ладно, пальцами пошевели. Вот, получилось, Короче, буду задавать вопросы на «да» или «нет». Если да, бей по воде один раз, если нет, то два раза. Согласен?

Я не успеваю дать ответ, как где-то позади открывается

дверь.

– Что здесь происходит? – слышу голос коммерсанта.

– Лечение, – сухо и разочарованно из-за срыва плана говорит девушка.

– Какого... – стопориться он. – Какого... Что здесь происходит?

– Я уже ответила на этот вопрос. Лечение, – говорит девушка.

– Какого... – вновь запинается он. – Почему он голый?

– Просто мне так захотелось, – сухо отвечает она.

– О-о-о! Голенький мужчина. Хочу посмотреть на него! – появляется еще один голос, а после в поле моего зрения появляется девушка.

Она подходит к той, которая в своем белом халате сидит на алтаре под крестом и бухает Дрянь.

– О-о-о! Хи-хи-хи! Неплохо, – говорит девушка с белой кожей и волосами цвета чистого арктического снега, девушка с лицом, усыпанным огнем веснушек. Она смотрит на меня, а затем посылает воздушный поцелуй.

– А он мне нравится, – говорит она, улыбаясь, – Интересный такой мужчина.

– Если тебе нужно то, зачем ты сюда пришла, закрыла рот и в комнату! – говорит коммерсант, и я понимаю, что будет дальше.

– Фу, как грубо! – фыркает девушка с кожей цвета запретной пыли и пропадает из поля моего зрения. – Но именно

это мне и нравится.

Я слышу, как начинают стучать их зубы в поцелуе.

Я локатор, что ловит звуки.

– Потихе, искорки, – вставляет слово девушка с бутылкой дряни.

– Он очухается до завтра? – спрашивает сын жирного ублюдка.

– Если не сдохнет, то хуже точно не будет, – отвечает она и отпивает из бутылки.

– Я надеюсь, что твоя худощавая задница завтра поведет за собой строй новых новеньких, – вновь говорит сын святого грешника, но уже обращаясь ко мне. – А вообще, твою мать! Как ты можешь пить эту дрянь?!

– Молча, – она вновь опрокидывает бутылку.

– Лучше бы попробовала сансару, – говорит он. – Прет лучше! Ручаюсь за товар!

– Вот оно, – думаю я.

– Не, это не мое, – отвечает девушка в белом халате.

Слышу, как закрылась дверь. В помещении настала тишина.

– Он вновь будет трахать ее, – первый голос появляется в моих мыслях.

– А ты будешь слушать, неспособный двигаться, – второй голос продолжает мысль первого, вместе с этим губы девушки в белом начинают двигаться, и я понимаю, что она что-то говорит, но голоса в моей голове звучат громче.

– Ты будешь слушать и сходить с ума, потому что, признайся, эта белоснежка пришлась тебе по вкусу, – третий голос говорит свое предположение.

– Она действительно очень хороша, она действительно крайне исключительная, – четвертый голос говорит, будто бы подводя черту под всем выше сказанным.

– ВСТАВАЙ! – начинает орать пятый голос. – Поднимайся и иди работать! Или иди убей его и овладей ей! Здесь, в доме Божьем .

– Воу-воу-воу! Ковбой, ты куда начистил тапочки? – подпрыгивает с места девушка с дрянью. – Отпей и обратно в ванночку для крещения чистым раствором!

Не знаю как, каким образом, но мое тело поднимается будто бы само по себе, берет бутылку и начинает вливать в меня Дрянью. е

– Подожди пару минут, добавлю тебе тепленькой, – говорит она и уходит.

Оставшись в одиночестве, я уставился на распятого на кресте святого сына.

– Интересно, из чего был крест, на котором его распяли? – появляется первый голос.

– Осина, – говорит второй.

– Почему именно осина? – спрашивает третий.

– Потому что только осиновым колом можно остановить вампира, – говорит четвертый голос.

– Безумие! – начинает ржать пятый голос, и он пробива-

ется сквозь мысли и выплескивается из меня наружу.

Я совершенно пьян от водки в купели, я совершенно пьян от дряни, которую разделил с девушкой в белом халате, я смеюсь от абсурдности ситуации. Я вспоминаю, с чего все началось. Помню усатого мужчину, который рассказывает мне о ситуации на улицах этого проклятого города. Помню, как я явился на порог храма в состоянии шага перед смертью и тем самым попал сюда. Помню, как таким способом и упорной работой втерся в доверие жирного ублюдка. И сейчас я по-прежнему здесь, и только сейчас все пришло в движение.

Я команда шхуны, и мы дождались ветра после длительного штиля. Я безумен...

Она вернулась с кастрюлей кипятка, с бутылкой водки и бутылкой дряни.

– Еще один заход в теплую ванночку, после которой ты будешь в таких дровах, в которых ни разу в жизни не был! Еще один заход в купание в адском напитке, который проспиртует тебя, как кусок мяса для шашлыка, положенный в маринад из уксуса! – говорит она и начинает смеяться.

– Она «в щи», – думаю я. – Дрянь уже впиталась в кровь, Дрянь уже двигает ее сознание на уровень моего мировосприятия. Именно такой доктор сможет поставить меня на ноги.

Я начинаю растворяться в воде, которую она добавляет к той прохладной, в которой я лежу, в водке, которую она добавляет на смену уже впитавшейся.

– Дрянь, – выдавливаю из себя.

– Сейчас накатим, не торопись, – говорит она. – Сейчас автомобили наших жизней выйдут на автомагистраль в рай. Сейчас мы с помощью Дряни сможем узнать помыслы сына Божьего, слова которого стали жизненными законами!... что должны были быть аксиомами, а стали всего лишь законами... А все эти законы, они как шлюхи...

Последнюю фразу она произносит, коснувшись указательным пальцем губ, прижимая его к своим пухлым алым губам, говоря об этом шепотом, как секрет, как тайну, как будто бы об этом никто, кроме нее, раньше не знал.

– Продажные, – заканчивает она после некоторой паузы, открывая бутылку дряни.

– А вообще, вернемся к нашей прошлой теме. Один удар по воде – «да», два – «нет».

– Ты вменяемый? – спрашивает она, и после поит меня ядом из бутылки, будто заботливая мать младенца. А я два раза бью пальцами по воде.

– У тебя есть для этого повод, какая-нибудь прям стоящая причина?

– Конечно, есть! Это максимально тупой вопрос, который можно было задать, – думаю я, ударяя один раз воде пальцами.

Я смотрю в ее черные, как смоль, глаза и там вижу отрывки того, почему я пришел сюда. Я вижу смерть близкого человека, вижу то, как под дождем несут гроб на это самое клад-

бище, вижу то, как выкупаю место у жирного ублюдка, я вижу это так, будто бы все это происходит сейчас.

В ее космически глубоких глазах я вижу осколки разных фрагментов, последних глав своей жизни, которые привели меня сюда. Я – фотоальбом, наполненный воспоминаниями.

– Хорошо, причина есть, – начинает говорить она. – Интересно, какая... Что-то личное, так?

Один удар по воде в ответ.

– Пить будешь?

Один удар по воде.

– Тебе не нравится эта тема? Тебе не нравится, когда кто-то пытается копаться в тебе?

Один удар по воде.

– Пойми, мне просто интересно, почему ты здесь. Явно не из-за денег. Тобой движет личный мотив, – говорит она, и в комнате повисает тишина. – Ты хочешь, чтобы я завтра пришла полечить тебя еще раз?

Два удара по воде.

– Даже так?! – оскорбленно говорит она, но девушка ничего не знает и не понимает. Обо всем знаю только я.

– Ну ладно... В таком случае будем ставить тебя на ноги. Это, конечно, не сансара, но штука интересная! – говорит она и пропадает из моего поля зрения.

– Что? – кое-как произношу я, не понимая, к чему она клонит.

– Поверь, при всем при этом ощущения незабываемые!

Ну, из тех, на ком тестировался этот спорный способ, до сих пор живы все, – говорит она.

Что происходит дальше, помню крайне смутно. Помню большое количество хлористого, пенициллина и адреналина, которые она мне вкалывала один за другим через маленькую иголку, вставленную в вену.

Меня пихают в плечо. Открываю глаза. Лежу под крестом. Тело в шоке.

– Как ты? – ловлю голос коммерсанта. Лежу на полу, накрыт какой-то накидкой или пледом. Тепло.

– Я, – выдавливаю из себя и понимаю, что звук вышел очень мягко. – Не знаю...

Пытаюсь встать. Получается. Придерживаю то, чем был укрыт. Голый.

– Отлично! – говорит коммерсант, и я вижу, как в его глазах начинают вращаться маленькие цифры, символизирующие величину банковского счета. – Значит, не придется закапывать тебя, значит, не будет лишнего геморроя.

Голова немного болит. Тело сочетает в себе тысячи ощущений, которые невозможно охарактеризовать в одном-двух словах. Мне и хорошо, и плохо одновременно. Я неопределенность в квадрате.

– Иди, короче, одевайся и тащи свою худошавую задницу на планерку. Отец вернулся, – говорит он и разворачивается в направлении к двери. – Кстати. К тебе будет дело. Но об

этом чуть позже, ближе к вечеру.

Разворачиваюсь к кресту. Смотрю на распятие. Смотрю на гвозди. Смотрю на лик сына божьего.

– Прости, – говорит первый голос в моей голове.

– Сохрани, – второй голос подхватывает.

– Помилуй, – третий голос озвучивает слово, и мне становится страшно от того, что может прозвучать дальше.

– Аминь, – говорит четвертый голос, и помещение наполняется тишиной.

– Всех нас принесут на Голгофу... И там, смешав кровь с дерьмом, мы станем бесконечностью, – впервые за долгое время спокойно высказался пятый голос, живущий в моей голове.

После его слов мне даже стало как-то легче, и я пошел одеваться в свою лачугу. По пути я все думал о сансаре. Я был рад тому, что смог приблизиться к очагу возгорания. Я понимал, что то, что будет происходить дальше, будет в рамках расплаты за спасение моей жизни в этом дрянном мире. Но это лишь одна сторона медали, которая приблизила меня к моей цели на еще один шаг.

– Теперь надо быть крайне осторожным, – думаю я по пути в свое скромное жилище. – Теперь у меня нет права на ошибку.

– Это будто идти по канату, растянутому между двумя вышками, да? – спрашивает первый голос.

– Балансировать даже не на краю, а вообще, – второй го-

лос вставляет свою фразочку.

– Получать кайф от адреналина, которым тебя намерен накачали, так? – третий голос.

– Признайся! Ты адреналиновый наркоман. Именно поэтому ты здесь, именно поэтому ты делаешь то, что ты делаешь! Именно поэтому нас уже...е

– Пять! Тех, кто погружает твой Мир в ад божественного пламени, – начинает громко смеяться последний из моих внутренних демонов. Он делает это так громко и с таким наслаждением, что его смех срывается с моих губ. Если бы я мог увидеть себя со стороны, вызвал бы санитаров и после заряда галоперидолом отвез бы худощавое тело в специальное заведение для психов и сумасшедших.

—

Жирный ублюдок вернулся и теперь толкает нам свою блевотную тягомотину. Он говорит о вечном и насущном. Рассуждает о бытовухе и прочей чепухе. Он говорит о том, сколько, чего и в каком объеме необходимо сделать мне и мои новым друзьям на один день, с которыми я даже не стану разговаривать. Он заканчивает свою речь и подходит ко мне.

– Сынок, я рад, что ты в добром здравии, – говорит он.

– Спасибо, отец. Я тоже рад, что вы вернулись дабы занять свой высокий пост, – говорю я.

«Я так хочу избавить Мир от тебя, и потом, когда твоя душа попадет в ад, там я хочу превратить ее в пыль, в ничто, чтобы забрать у сатаны возможность взять тебя на свою

службу... снова», – думаю я про себя.

– Ну вот и хорошо. У моего сына есть к тебе дело. Сегодня вечером он придет сюда, чтобы встретиться с тобой.– Надеюсь, что с этого момента твоя жизнь станет немного лучше, – говорит он, и в этот момент даже некая симпатия проскакивает в моих мыслях.

Это происходит вместе с кадром из памяти, который показывает мне меня в прошлом.

В обрывках одежды, в крови, мокрый от дождя я стучусь в двери храма поздним вечером. Он открывает и спрашивает о том, что случилось.

– Я не помню. Я не знаю, – говорю я, и это чистейшая ложь.

Он начинает предлагать какую-то помощь, но это все поверхностно, это все не то, что мне нужно.

– Можно остаться здесь? – спрашиваю я.

– Нет, это дом божий. Неправильным будет оставить тебя здесь. Но здесь есть одно место, которое я могу предложить тебе в качестве временного жилья, – говорит он, потом берет меня за руку и ведет к этой самой лачуге.

Так я оказался здесь, в этом мрачном месте, что даже не было пригодным для жилья. По факту здесь был склад разного барахла. Склад никуда не делся, барахло тоже, просто место было освобожденное и сюда встала кровать и тумбочка. Первую неделю я спал на полу. На второй день пребывания здесь меня подняли утром и дали в руки лопату, сказа-

ли, что я должен делать, и объяснили, что должен держать язык за зубами, аргументировали почему. С того момента я и живу даже хуже, чем бомж. Тот хотя бы свободен. А я прикован к этому месту чувством долга, но не перед этим злом, что лишь прикидывается добром...

«Я ненавижу себя, – мелькает в мыслях. – И мне это нравится, ненавидеть себя». Это вызвано тем количеством ошибок, которые я допустил раньше. Но мне не стыдно, я рад всему тому, что сотворил. Всем тем предательствам, которые воплотил в жизнь. Я Цао Цао. Я олицетворение подлости, точно так же, как святой отец этой церкви – воплощение греха, как его сын не имеет ничего общего с сыном божьим.

И когда все закончится, я найду себе место под стать этому. Это будет на отшибе всего мира, это будет совершенно одинокое, отдаленное место, где я смогу спокойно сходить с ума, где я смогу слушать те жизни, которыми я жил годами.

Это началось, когда мне еще не было 20. Тогда я начал жить другими жизнями. Тогда я начал плести паутины предательств. Тогда в моей голове появился, наверное, самый правильный, логичный, самый обоснованный своими суждениями и самый логичный своими выводами голос. Тот, который сейчас является пятым. Он безумен, потому что я знаю, что такое сансара. Потому что я пью дрянь, чтобы не было искушения запустить лютый бульон по жилам. Потому что до того как прийти сюда, я прошел курс реабилитации, чтобы вновь лететь вниз и барахтаться.

– Адреналин – наш кайф! – смеясь, кричит пятый голос внутри меня, и внутри все охватывает огонь, внутри просыпается демон, и его смех вырывается наружу.

Я коллекция масок. Я актер и предатель. Я мастер-лицедей. Я кусок дерьма.

А внутри все по-прежнему кипит. Лом и лопата по очереди вгрызаются в землю. Сейчас каждое движение резкое, каждое движение жесткое, каждое движение – отчаянная попытка бежать от собственного безумия.

– Эй, чувак, достаточно глубоко?

– Что?

– Посмотри, достаточно ли глубокую яму я выкопал? – звучит голос неподалеку, и я оставляю свое рабочее место и свои мысли, чтобы посмотреть на выполненную кем-то работу.

– За водой, – говорю я и вновь направляюсь в долину глупых вопросов и мыслей.

Так я пропускаю сквозь пальцы песок времени этого дня. Так мы все пропускаем сквозь пальцы пески времени своих жизней. В томлении какого-нибудь события. Для меня это вечер этого дня. Я представляю, как все наконец-таки закончится. И я смогу поставить точку в истории своих голосов. И я обрету шестой последний голос. И пока что не известно, каким он будет.

– Ты станешь одним из нас, – первый голос.

– Точно так же, как мы стали частью тебя, – второй.

– Ты ведь понимаешь, что мы даже не голоса в твоей голове? – третий голос.

– Мы те жизни, которые ты предательски бросил вместе с людьми, мы те самые пески жизни, которые ты развеял по ветру подобно пеплу сожженного усопшего, – четвертый голос, как и предыдущие, говорит совершенно бесстрастно.

– Сожгите меня после смерти и развейте прах по ветру, чтобы я вновь смог поиметь этот мир по-своему! – с диким смехом говорит пятый голос в моей голове, и эта мысль мне действительно нравится.

За всеми этими мыслями наступает вечер, и я получаю порцию помоев, перемолотых в кашу с помощью мясорубки.

– Ммм... Любимое! – прорывается пятый голос, когда я несу чашку с этим нечто в свою хижину.

Через час заходит коммерсант.

– Сейчас мы сядем в машину и поедем в одно место. Там ты не будешь задавать вопросы. Там ты будешь работать. Причем быстро. Помнишь того чувака, которого ты зарыл на днях? Это твой предшественник. Будешь неаккуратен или будешь задавать тупые вопросы – алгоритм тебе известен, так? – говорит он сухо и быстро.

– Понял, – говорю я и начинаю одеваться.

Потом мы вместе выходим из моего пристанища и идем к машине. И вот она уже несет нас по кольцевым дорогам этого мрачного, суетного, гнилого города, наполненного смогом и снегом, тупыми людьми, разными слухами... Мы несемся

по улицам города-легенды, которого нет ни на одной карте, и название которого состоит всего из одной буквы. Мы едем по делам сына святого отца, и я надеюсь, что это ночное путешествие принесет мне много необходимой информации.

И вот мы на месте. Это какой-то склад. Коммерсант стучит по двери, будто отбивая ритм какой-то веселой песенки. Я запоминаю этот ритм, потому что тот выедается в память как то, что мне необходимо. Я смотрю и запоминаю совершенно все, что делает этот порочный скот.

Двери склада открываются. Там стоит детина. За ним находится еще одна дверь. Огромная, будто бы за ней спрятано банковское хранилище. Я понимаю, что в этом деле дороги назад нет и, в принципе, не было.

Я одинокий огонек свечи в старой землянке. Так я себя ощущаю в развивающихся событиях. Словно бы я маленький огонек, который практически гаснет под натиском сквозняков в ветхом здании. Меня кидает из стороны в сторону, а иногда я остаюсь маленькой раскаленной точкой на краю фитиля.

– Открывай! – говорит коммерсант, и эти слова действуют на громилу лучше, чем «Сезам откройся». Охранник берет рацию и начинает переговариваться с кем-то по ту сторону. Они используют слова-шифры, они говорят на неизвестном мне языке.

– Эту дверь можно открыть только изнутри, – говорит коммерсант. – Запомни: всегда изучай место битвы. Ведь

любая дверь может стать последней. Из них состоит весь наш мир. Все это – порталы в места, в жизни, в мысли. И мы должны знать те двери, которыми мы пользуемся или воспользоваться хотим.

– Я вас понял.–

«Повернутый debil, – думаю я. – У него явно есть проблемы с головой. Наверное, он уже спалил все свои капилляры и сосуды, наверное, он уже сжег все свои слизистые оболочки порошками и прочим дерьмом».

– А что открывает эта дверь? – спрашиваю я.

– Сансару, – отвечает он, и в этот момент внутри двери начинают шевелиться механизмы. Каждый из них открывает свой собственный замок. И через некоторое время дверь открывается, и следующее помещение начинает с жадностью всасывать в себя воздух в образовавшуюся щель.

– Здесь мы с отцом производим воплощение круговорота жизни в капсулированной форме. Сечешь, парень? – спрашивает меня порочный сын еще более порочного святого отца, и я понимаю, что открыл не столько Сансару, сколько ящик Пандоры.

– Заходим. Я показываю. Берешь и несешь в машину, – сухо говорит сын святого отца. Предпочитаю промолчать. Я здесь как грузчик. Так даже лучше. Непосредственный близкий контакт с... Сансарой.

– Выдержишь? – появляется первый голос с хорошим вопросом.

– Ты же сидел на этой дряни в прошлом, – второй голос сообщает и без того хорошо известный самому мне факт.

– Насколько я помню, ты наслаждался тем временем, – третий голос говорит в моих мыслях.

– Ты получал кайф от безнаказанности и знал, что тебе за это ничего не будет, – четвертый голос говорит в моей голове.

– Пора насладиться лютым бульончиком! – кричит пятый голос. – Давай! Запускай мультипликатор в сознании на полную катушку!

Я предвкушаю будущий кайф... Я хочу насладиться этим... Я уже придумываю, как я несую порцию, достаточную для нескольких доз... Я уже в пути по бесконечному сплетению тоннелей своих мыслей!

– Нет! Тихо! Успокойся. Нельзя запускать эту дрянь в свои мысли. Слишком многое поставлено на кон, – говорю я сам с собой и в этот момент чувствую, как сознание вновь расслаивается и внутри начинает появляться нечто новое, темное. – Ты должен быть сильным. Ты должен! Чтобы вырвать сердце жирного ублюдка и затолкать его ему в задницу! Ты должен отрубить кисти и стопы его сыночку. Вырезать язык. Выколоть глаза. И в гробу выбросить на обозрение всем. Сотвори с этим человеком то, о чем писал Шекспир в романе «Титус». Сделай все это на потеху себе.

– Лиши его возможности рассказать о тебе, узнать тебя, – продолжает говорить новое что-то внутри меня, пока я за-

гружаю машину Сансарой. – Представь, что ты воин света и перед лицом господи ты искупишь все свои грехи, когда под распятием совершишь страшную казнь того демона, что обосновался в доме святом. На лице моем улыбка.

– По какому поводу скалишься? – спрашивает коммерсант.

– Счастлив оказанному мне доверию, – на автомате говорю я, скрывая свои подлинные мысли.

Я искусный лжец.

Загружаю полный багажник. Садимся в автомобиль и возвращаемся на кольцевые дороги нашего проклятого города. Они символизируют длинные кровеносные сосуды организма, они гонят людей, груженные автомобили и деньги. И сейчас мы мчимся каплейкой эндорфинов.

Мы возвращаемся в дом веры, который находится на окраине. Который кладбищем разделен с лесом. Который в грозу не выглядит, как место спасения, который смотрится местом, к которому лучше не приближаться.

– Выгружай, – говорит коммерсант, нажимая на кнопку, открывающую багажник.

– Куда?

– Неси в церковь. Там кидай на ближайшую лавочку и возвращайся.

– Ты видишь? Ты понимаешь, что происходит? – вновь темная материя в моих мыслях приходит в движение. – Ты собственноручно порочишь святое место, кидая сюда нарко-

ту. Но у тебя есть оправдание. Ты расцениваешь это как самопожертвование. Жизнь одного стоит тысячи жизней! И на страшном суде...

– Мы будем готовы отправиться в ад! – появляется пятый голос в моей голове с характерным совершенно сумасшедшим смехом, полным холода уже ушедшего ноября. – Ты все же подумай о том, чтобы дернуть немного... И унести далеко... И больше не знать и не чувствовать разума... Чтобы стать неуязвимым, – с интонацией готовящегося заговора продолжает говорить пятый голос в моей голове, и моя крыша начинает съезжать в мыслях о возможности оторваться от земли.

—

Очередное паршивое утро. Слышу, как снег лупит в окно. Понимаю – сегодня холодно. Такое чувство, словно за мной наблюдают. Мне кажется, что в лачуге кроме меня кто-то есть. Пытаюсь понять, что происходит. Точно помню мешок наркоты, который я несу в дом божий. Я помню как те голоса, что обычно живут во мне, в моих мыслях... Точнее, нечто новое, промывало мне мозги в тот момент, как появился пятый и начал склонять меня...

– Не может быть, – думаю, я и в тот же момент в моей голове отзывается темная материя.

– Я не позволил ему, – говорит новое нечто, что я не хочу называть новым, шестым голосом в моей голове.

– Почему? – спрашиваю я и чувствую себя на пороге окон-

чательного безумия.

– Потому что дело превышает всего, – получаю спокойный ответ.

– Но почему я ничего не помню? – вслух произношу я.

– Совсем ничего? – девичий голос неожиданно бьет по психике, и теперь до меня доходит, почему мне казалось, что за мной наблюдают.

– А что должен помнить? – спрашиваю я, понимая, что этот вопрос подобен самоубийству.

– Ну, как же! Несколько бутылок... – начинает говорить она, но голос девушки перебивается тем новым, что поселился в моей голове.

– Да, я сделал это, и мне это понравилось, – говорит он, и в следующий миг из тени появляется белая кожа, белые волосы и огненные веснушки.

– Проклятье... – думаю я. – Он знает?

– Кто? – заигрывая, спрашивает она.

– Сын того демона, что обосновался в церкви, – появляется первый голос.

– Тот, под которым ты стонала и кричала, – второй голос сменяет первый.

– Тот, что опасен на все сто процентов, – третий голос.

– Что же будет дальше? – четвертый.

– Неважно! – Сейчас мы продолжим начатое. – – вырывается из меня пятый, и я теряю контроль над телом.

Стук в дверь останавливает даже не меня, а того, кто мною

правит.

– Кто? – голос резко стал сумрачным и хриплым, то яростное и кипящее сумасшествие сменило тихое и размеренное безумие.

– Тащи свою тощую задницу на планерку, тебя ждет отец, – слышу голос коммерсанта. – Да куда же она могла деться?

Девушка подходит ко мне и нежно целует в губы.

– Ты же понимаешь, что теперь мы связаны одной тайной? – спрашивает она, и змеи губ расплзаются в улыбке.

Проходит несколько минут, и я выхожу на улицу, чтобы встретить очередное дерьмовое утро. За пределами стен дует свирепый ветер декабря. За собой он несет кристаллы воды, принявшие причудливые формы... Они будут впиваться в кожу стараясь рассечь ее до крови.

– Декабрь больше не будет спокойным, – думаю я пока иду к месту встречи с закинутой лопатой на одно плечо и лопатой в другой руке. – Холодно. Мои ежедневные одноразовые друзья не смогут вынести этот день.

Становлюсь в шеренгу. Во главе этого строя ошибок. Снег лупит прямо в лицо, ветер придает ему ускорение. Глаза чуть открыты. Приходится смотреть на этот мир сквозь узкие щели. Хочется отвернуться, но жирный ублюдок занял самую выгодную для себя позицию – спиной к этому холодному ветру.

– Сегодня нам надо поработать как следует. Каждому про-

цент за работу и молчание.

Он подходит ко мне:

– Спасибо за преданную службу, сынок.

– Все во славу господу, – говорю я, думая о возмездии, которое я совершу во имя Бога, когда настанет время.

А пока что мы идем копать место нашего существования, чтобы спрятать в его лоне актеров, отыгравших свои сцены в полном объеме. Пока что я должен ждать дальнейшего развития событий. Пока что я должен опасаться этой девушки.

Проходит несколько часов утомительной работы. С меня капает пот. Мне тепло не смотря ни на что. Я слушаю, как скулят одноразовые друзья. Меня это отвлекает от собственного безумия.

– Эй! – слышу позади. – Иди сюда!

Голос коммерсанта направлен в мою сторону.

Подхожу.

– Сегодня пойдешь в город. Приведи себя в порядок. У тебя есть один час. Потом найдешь меня в храме, и я скажу, что делать дальше..

– Что же это будет? – первый голос.

– Какого черта творится? – второй.

– Намечается что-то интересное, – третий.

– Не нравится мне это, – четвертый.

– Можно напиться, – пятый голос очень довольным тоном вставляет свои пять копеек. Жду продолжения, но его нет. Иду в хижину, чтобы взять свои вещи.

– Падре будет недоволен, – думаю я, сжимая лом в одной руке, лопату в другой.

– Тебя волнует его мнение? – откликается темная материя, тем самым нанося точный удар, который отрезвляет меня.

– С чего я начал думать о том, что скажет жирный ублюдок? Почему я переживаю о сопляках, пришедших на смену предыдущим? Почему я вообще обо всем этом думаю? – эта мысль появляется и задерживаешься во мне, как навязчивая идея.

Я идущий наощупь, идущий в кромешной тьме.

Мне сложно судить о происходящих событиях, мне сложно судить об адекватности происходящего. Только сейчас начинаю понимать, что пути моего сознания запутались и застряли в узел.

– Чего я хочу? – задаю себе этот вопрос в ожидании ответа, но его нет, поэтому я сам озвучиваю единственный возможный для всех ответ. – Закончить начатое дело.

Я говорю это сам себе, будто бы назначая эту цель по умолчанию. Чтобы больше не отвлекаться, чтобы сосредоточиться.

Все эти мысли несутся по конвейеру всякого бреда, расположенного где-то в голове. Они проходят сквозь некоторый считывающий прибор, транслируются мне, а затем пропадают в небытие, уступив новым.

«Это похоже на односторонних друзей, которых мне приво-

дят каждый день, – думаю я, взяв более-менее цивилизные вещи, что притащил мне старший продавец могил, собираюсь выходить в сторону церкви».

Холодная улица с бешеным снегопадом сменилась душем с горячей водой в стенах церкви, при которой я служу. Сегодня происходит много перемен, сегодня прервалась привычная чередa событий... Вот оно – тектоническое движение жизни... Вот то, чего я ждал.

Через некоторое время я нахожу коммерсанта. Он доволен тем, каким он меня видит. На его лице застыла мерзкая улыбка, и я понимаю, что возможная выгода сегодняшнего мероприятия куда больше, чем продажа нескольких метров под землю.

– Идем за мной, – говорит он, и мы двигаемся в сторону комнатки для исповеди.

Открыв дверцу, я вижу маленькое помещение. Внутри маленькое переговорное окно с мелкой сеточкой внутри и небольшой стульчик. Сын местного управленца берет стул и выносит его из комнатки. Только после этого я замечаю две щели в полу.

– Что смотришь? Поднимай, – говорит он, указывая мне головой на те два отверстия. Просовываю пальцы в них и начинаю тащить на себя вверх. Несколько дощечек легко отрываються от пола, открывая сxрон. Там, внутри, лежат те самые мешки, которые с «фабрики» мы привезли сюда, те самые, что прервали мою адекватность...

– Бери один и иди со мной, – говорит коммерсант.

Все, что мне остается, – делать то, что он говорит.

Я марионетка, сотворенная психопатом из парализованного тела пока что живого человека.

Он ведет меня по лабиринту коридоров церкви. Я даже не мог представить, что здесь так много поворотов и комнат. Я даже не представлял, что в этом небольшом здании столько хитросплетений разных маленьких помещений, у каждого из которых свое сакральное предназначение, и одно из таких он искал. Оно скрывалось за обычной дверью, и, по сути, это была самая обычная кладовка. Внутри был шкаф со всяким барахлом, но одна вещь резко выбивалась из общего вида. Это была машинка, с виду напоминавшая блендер.

– Идем на кухню, – говорит он, забирая это странное приспособление.

Мне хватает мозгов, чтобы не спросить его, что это и для чего предназначено. Я понимаю, что сейчас сам все увижу.

На кухне он ставит этот прибор на стол, убирает все лишнее с поверхности и жестом показывает мне положить мешок с сансарой рядом с машинкой. Он подключает ее к сети, и теперь мы просто молча стоим.

– Начнем через минуту. Она должна прогреться. Интересно узнать, что это такое? – спрашивает он.

– Я в любом случае узнаю, что это такое и его предназначение, – отвечаю я.

– Да, ты прав. А знаешь почему?

– Нет.

– Потому что мне стало лень заниматься всем этим, но это только первая причина.

– Какие еще есть причины? – цепляюсь за его последние слова.

– Ну, по сути, ты мне должен свою жизнь... По причине того, что я ее не так давно спас. Так что теперь всем этим будешь заниматься ты. Это обеспечит безопасность мне, отцу и нашему предприятию, потому что ты должен будешь молчать. Это твоя плата. – говорит он, косясь на машинку. На ней загорелась маленькая зеленая лампочка. – Время пришло. Открывай мешок.

– Высыпай содержимое в машинку, – говорит он, и я делаю.

Потом он жмет кнопку, и машинка начинает жужжать, после чего открывается небольшое отверстие, из которого устройство начинает выплевывать маленькие, одинаково расфасованные, пакетики с сансарой.

– Сыпь еще, – говорит он. – Фасуй весь мешок, а я сейчас вернусь.

Проходит минут десять. Стол усыпан пакетиками с сансарой.

– Кидай сюда, – заходя в помещение, говорит сын святого отца.

– А посчитать? – спрашиваю я в недоумении.

– Не требуется. Все уже вымерено и посчитано, – отвечает

он и протягивает мне рюкзак. Делаю так, как он сказал.

– Возьми список. Здесь имена, контакты, адреса, по которым ты сейчас отправишься в виде доставщика. Вот тебе мобила. Если что, звони клиентам. Связи со мной или отцом нет. Если поймают, то ты ничего ни о ком не знаешь, понял? – спрашивает он.

– Да. Вопрос можно задать?

– Давай.

– Мне пешком шариться или как? Город немаленький...

– Вот тебе деньги на передвижение и так, если что надо, пожрать, бахнуть, купить чего, – говорит он и достает из заднего кармана джинс конверт.

– Я вас понял. Спасибо.

Застегиваю молнию на рюкзаке и покидаю помещение, затем дом божий.

Я маленькая лошадка, я везу людям сансару прямо из церкви.

– Вот мы и начали подбираться к финишной прямой, – первый голос появляется в моей голове.

– Да! Скоро все закончится, и можно будет уйти на покой, – второй голос сменяет первый.

– Скоро можно будет забыть обо всем об этом и отдохнуть, – полный умиротворения третий голос говорит в моих мыслях.

– Наконец-таки мы сможем отдохнуть, отоспаться, – четвертый голос сменяет третий.

– Отоспимся в гробу, – протягивает пятый голос.

– После того, как раскидаем кишки этих ублюдков вперемешку с их же мясом и дерьмом по мраморным обелискам, – темная материя вновь пришла в движение.

– Конечно, мы устроим танцы под кровавым дождем, – теперь уже я сам подхватываю волну безумия, а в этот миг такси проносит меня мимо магазинных витрин.

На светофоре я наблюдаю за манекенами, разделенными со мной двумя стеклами, расстоянием, людьми, идущими по улице, металлом и пластиком из которых состоит дверь автомобиля. Эти манекены, они как живые, и они смотрят на меня с высоты своей красоты. А потом они начинают, двигаться... Это девушки. Это прекрасные, словно ангелы, девушки. Их наняли на работу манекенами. Они стоят в витринах, меняют позы, освещают этот гнилой, темный Мир светом своих сияющих лиц и тел.

Они – что-то вземное... Что-то, о чем вожделеют мужчины. Они живут в мыслях женщин как образы идеалов. А я смотрю на них и при всем великолепии вижу лишь обезличенность.

Мы плывем по городу из пенобетона, из стали, из людей, циркулирующих по сосудам улиц. В моем рюкзаке сильный дорогостоящий наркотик, что я везу из церкви по адресам, что дал мне сын святого отца. Я курьер сансары.

– Скоро все закончится. Скоро ты узнаешь лица, места, суммы... Скоро ты сможешь наполнить себя необходимой

информацией, – крутится у меня в голове. – Скоро мы прибудем по первому адресу. Потом ноги отнесут на второй, третий, четвертый... Затем вновь такси, опять новые лица... Так я проведу весь день.

Я думаю, пока желтый автомобиль несет меня сквозь время и пространство... Пока я смотрю в окно и наблюдаю за тем, как жители этого города борются с дерьмовой погодой очередного дерьмового дня... А потом такси останавливается, я расплачиваюсь с водилой и отправляюсь на знакомство с первым, вторым, третьим лицом... А потом список заканчивается, а вместе с ним и этот день подходит к концу.

– Дрянь, – именно это слово сопровождает мое прощание с этой датой.

– Я все равно не понимаю, как ты можешь это пить, – говорит девушка за барной стойкой.

– Моя жизнь похожа на этот напиток, – говорю я. – Я дрянь.

– Как самокритично, – фыркая, говорит моя подруга и передает мне бутылку, а в это время, недалеко от меня сидят трое парней и что-то оживленно обсуждают. Смотрю на них и понимаю, что количество то же, что и в прошлый раз, а вот лица другие.

– Совпадение, – мелькает в моих мыслях.

– А что ты скажешь о том, что мы все бомжи? Не в буквальном, а в переносном смысле, – говорит один из них.

– Ну, как тебе сказать. Я не согласен, – говорит второй.

– Да ты сам посмотри, – вновь говорит первый. – Санечек, каждый из нас коллекционирует мусор в своих жизнях. Причем тащит как свой, так помимо этого хватает все дерьмо, что под руку попадет.

– Приведи пример.

– Легко! Ты смотришь телевизор?

– Ну, бывает.

– Читаешь новости?

– Да.

– Потом, бывает, думаешь обо всем об этом? Если сейчас передадут о чрезвычайном положении, о надвигающейся войне, к примеру, ты ведь будешь обо всем этом думать. А это – дерьмо, причем чужое. И ты будешь таскать за собой это. Примерный смысл ясен?

– Хорошо, допустим... – включается третий. – Допустим, что твоя теория верна и все мы бомжи, вот только жилища-то есть, правильно? Прописки и так далее. Документальные свидетельства.

– Это все есть, ты прав, Джон, но смотри, ведь бомжи тоже живут в разных зданиях. В подвалах, заброшках, в самовозведенных сооружениях типа, не знаю, бунгало. Так?

– Так. И? – спрашивает Джон.

– И то, всем и каждому есть куда тащить все это жизненное, накапливаемое, – говорит первый, и на некоторое время в этой компании повисает тишина.

– Но, знаешь, все равно, даже если так, то мы, каждый из

нас, сами ответственные за выживание, – говорит Саша. – За то, как будешь выживать ты, ты, он. Каждый сам выбирает это.

– И каждый сдохнет в итоге, так? – темная материя вырывается из меня голосом.

– Да, это правда, – говорит Саша.

– Как сказал классик: «Каждая тварь этого мира умирает в одиночестве», – заключает тот, чье имя Джон.

– А ты-то кто такой? – первый парень обращается ко мне.

– Посетитель этого заведения.

– А поподробней? – он продолжает обращаться ко мне.

– Разве есть разница? – спрашиваю я.

Один из парней всматривается в меня, в мое лицо, и я понимаю, что уже где-то видел его.

– Какое совпадение, – говорит Джон, – Какое интересное совпадение. О смерти говорит тот, кто непосредственно ведет дела с этой жизненной ситуацией, так?

– Что ты имеешь в виду? – внутри все сворачивается в плотный комок, который говорит мне, который шепчет мне на ухо: «Он знает о тебе что-то и этого слишком много, чтобы оставить его в живых.»

– Ты же могильщик на нашем кладбище, – говорит он.

– Откуда знаешь?

– Не так давно ты закопал мою любовь, – говорит он.

Мозг сам отправляется в путешествие по памяти. Он сам по себе проматывает события уже минувших дней. Это про-

исходит со скоростью света, так что я успеваю ухватить лишь мелькающие картинки, лица, какие-то ощущения. И так до момента, пока мой мозг резко не останавливается, показывая мне фотографию одного из последних дней холодного и мерзкого ноября.

– Сожалею, – выдавливаю из себя фразу на все сто процентов состоящую из фальши... На самом деле мне плевать.

– Какая интересная компания у нас собралась, – включается в наш диалог третье лицо, расширяя его до дискуссии. – Артист, психолог, клерк и могильщик... Не канонно...

– Да, – протягиваю я, а сам думаю, если так, пусть этот Джон оставит при себе свое существование.

– Каждый живет в рамках своего выживания, – врывается в разговор Саша. – Именно поэтому, я так думаю, профессия вообще не должна характеризовать человека как личность.

– Да ладно! – издевательски заявляет Джон. – А если это наемный убийца, который отрезает головы в тайном месте где-нибудь в лесу, тело выбрасывает, а отделенную часть прячет в пластиковый пакет и доставляет заказчику? Разве это не характеризует эту личность как законченного психопата?

– Эм, да, ты прав, – соглашается Саша, а я тем временем наблюдаю мультипликацию моего сознания, которая показывает мне постановку казни в лесу, при всем при этом пятый голос истерически смеется и кричит: «Сделал дело, прикрой ветками!»

– А вообще, – вновь начинает тот парень, чье имя ни разу до сих пор не прозвучало в ходе беседы, – Вообще, я хочу с вами поделиться одной мыслью. Вы можете себе представить еще один слой земли над землей. Будто бы есть наш шарик, а над ним, высоко в небе есть что-то типа скорлупы.

– С такими мыслями и рассуждениями я сейчас позвоню хлопцам, и мы заберем тебя на дурку, – говорит Джон.

– Нет, подожди... Есть такой вот слой, где-то вверху. И, короче, засыпая, ты можешь попасть туда. А там, точнее, оттуда ты видишь все. Вообще все! То есть совершенно все!

– Чувак, ты пьян, – говорит Саша, а мне становится скучно слушать их. Я начинаю опрокидывать стакан за стаканом. Смотрю на девушку, которая работает в этом месте. Пытаюсь сосредоточить мысли на своих целях, на плане дальнейших действий.

– Ты даже не представляешь, насколько холодные у нее руки, – вновь в мое личное пространство врывается голос пьяного парня. – Это просто кошмар. Не знаю... Лед теплее, чем ее руки.

Я слышу эти слова, и мне вспоминается та девушка, что приходила устроить мне сеанс лечения.

«А ведь на следующий день она не пришла, – думаю я. – Она не пришла, вот и хорошо. Не будет никаких лишних проблем... Интересно, не о ней ли говорит это пьяное тело?», – мелькает в мыслях, но я решаю не ввязываться в очередную дискуссию и продолжаю пить дрянь. Точно такую же,

что пил вместе с ней той ночью, когда чуть не сдох прямо под распятием.

Допиваю бутылку, расплачиваюсь, ловлю такси и направляюсь обратно, на свое кладбище, а в голове крутится навязчивое: «Устал. Я очень сильно устал».

Эта ночь. Она давит на меня грузом мыслей. Я пялюсь в темный угол своей хижины. Там показывают мультики. Там сидит чертик и собирает кубик Рубика. Он смотрит на цвета и поворачивает грани, соединяя их. Он напевает странную песенку, и я повторяю слова этой песенки подобно мантре темному богу. Я сектант собственной шизофрении.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда, – поет чертик

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда, – подпеваю я.

– Почему я вижу это странное существо? – думаю я.

– Потому что тот, которого зовут Джон, говорил о подобном, – первый голос.

– Он рассказывал о той, которую ты закопал в проданную жирным ублюдком могилу, – второй голос.

– О том, что она съехала с катушек, помешавшись на теории о существовании, – третий голос.

– Она говорила, что мы существуем в плотном канате жизненных нитей, и все они возникают за миг до смерти в воображении умирающего, – четвертый голос.

– Ха-ха-ха! Мы – предсмертные галлюцинации Бога, – ржет пятый голос.

– Он говорил о том, что это может стать причиной того, что мы помним некоторые события не так, – говорил Джон. – Будто бы мы проживаем одно и то же примерно одинаково во всех воплощениях.

Чертенок подбирает цвета и поет:

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда...

Он поет, увлеченно собирает головоломку и изредка косятся на меня. Каждый такой взгляд вгоняет меня в гнев, каждый такой взгляд вспышкой жажды крови бьет в виски. Я хочу подойти, взять его за его маленькую головку и ударить ее со всей силы об стену.

– Чтобы капли крови окропили меня, – темная материя вырвалась из меня жутким голосом.

Тут же, все в том же темном углу вместо играющегося чертенка я увидел нечто похожее на экран, и там мне показывали кино. Будто полицейский участок взорван. Будто он был полон сотрудников. Будто их останки сыплются с неба жутким дождем... Будто бы я умываюсь кровью, что стекает с волос на лицо.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда... – крутится песенка чертенка в моих мыслях.

Я вижу этот сон наяву о том, что эта история уже про-

изошла, но иначе. Вижу, что нет дряни, нет Сансары, отсутствуют многие встречи. Вижу так, будто бы это единственная правда, но это всего лишь иллюзия в углу моей хижины. Такая же, какой был чертенок.

– Куда он делся? – думаю я и начинаю искать его глазами, забывая о фильме про другую мою жизнь.

Я нахожу его сидящим под окном. Теперь он молчит и продолжает двигать грани, собирая цвета.

Смотрю в окно. Там темно. Ночь окутала этот проклятый город вместе с жителями. Город лежит смиренно. Биение его сердца практически не слышно. Жители спрятались под одеялами в своих теплых квартирах. Они скрыты в своих пенобетонных камерах общего поселения.

– Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены, – начинает напевать чертенок.

– Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены, – повторяю за ним, лежа на воняющем мочой матрасе, что лежит на ржавой-скрипящей постели в холодной кладовке при церковном кладбище.

– Интересно, что будет, когда он разгадает эту головоломку? – первый голос.

– Разгадает ли он ее вообще? – второй.

– А если разгадает? – третий.

– Что случится? – четвертый голос.

– Он прекратит свое существование, – хихикая, вырывается из меня пятый голос, что предвкушает кайф от кончи-

ны бесенка.

А тот недвижимо сидит под окном и напевает свою песенку. Его освещает луна, что незваным гостем зашла в мое скромное жилище. Но я благодарен за такой визит. Белые лучи отгоняют от меня щупальца спрута-ночи, что накрыл собой этот ужасный город. Он, миновав зашторенные занавески, пробрался в камеры с людьми, пробрался в их мысли и теперь высасывает их жизни. И лишь я спасен от этого гнета, лишь я впустил спасателя и теперь он помогает мне следить за чертенком.

– Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены, – поет чертенок, и я неосознанно повторяю за ним и продолжаю наблюдать битву луны и спрута ночи за душу города, что спит лежа на боку, лежа на костях его основателей...

– Это не муравьиная колония, – темная материя, оживая, подает голос. – Наш город – это скорее тюремная колония с единственным выходом отсюда...

– Каким? – перебиваю я сам себя.

– Смертью, – отвечает темная материя. – Что повлечет за собой другие смерти, что повлекут за собой еще больше смертей, что переплетутся в плотный узел взаимоотношений между жителями.

– Смерть... – думаю я. – Лишь еще один виток спирали нитей, что образуют канат существования.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизнью в бли-

ке последнего взгляда... Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитьями все связаны, переплетены, – слышу голос чертенка и вновь понимаю, что тот сменил место своей дислокации и теперь его вновь придется искать.

Я бегаю взглядом по всей комнате, но его нет... Его нет, но я слышу шелканье граней разноцветной игрушки. Я ищу его на полу, ищу там, где кинул одежду, ищу около лопаты и лома, под окном, но его нигде нет, а шелканье граней продолжает будоражить мои мысли.

– Где же ты? – думаю я, и поднимаю взор выше, на потолок. Его нет ни в углу напротив меня, ни около лампочки... Он сидит ровно надо мной. Он сидит на потолке, поэтому я вижу его голову, вижу длинные заостренные ушки, вижу то, как он крутит в руках головоломку и продолжает подбирать правильную комбинацию. Он вновь затих, будучи увлеченным игрушкой.

– Все перевернулось кверху дном, с ног на голову... Все поменялось до неузнаваемости, – думаю я, смотря навязчивый мультяшечный мультик моего сознания.

– Кверху дном перевернулось все. Прошое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено, – начинает напевать чертенок новые строчки своей дурацкой песни.

– Кверху дном перевернулось все. Прошое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено, – напеваю я эту песенку дьяволенка.

Он ровно надо мной, он пассивен своим вниманием по

отношению ко мне, он активно двигает цвета, и я наблюдаю за тем, как он постепенно приближается к достижению гармонии. Он стремится преобразовать хаос до гармонии. Он, чертенок, хочет преобразовать разрушенное совершенство до перевозданной прелести. Чертенок старательно воссоздает целостность головоломки... Я наблюдаю за тем, как ангел, тот, кто им должен быть, пинает ногой в спину порядок вещей, сталкивая его таким образом в бездну. Я помогаю сыну этого святого человека тащить еще живую тушу социума, захватив ее под ключицы крюками из пакетиков доз.

– Все неправильно, – первый голос.

– Все совершенно неправильно, – второй голос.

– Все настолько неправильно, что страшно, – третий голос.

– И мы выступаем мериллом неравных сил зла и того добра, что является еще большим злом, – появляется четвертый голос.

– Это как сопротивляться влиянию секты спасителя, – пятый голос начинает говорить что-то вразумительное. – Который сам выберет кандидатов в достойных жителей нового общества....

– А всех остальных он сожжет в праведном огне без сожаления, без чувства вины... Так должны поступить и мы с этим семейством: разрубить их тела, положить в бочку вместе с рубленной шиной, залить бензином и бросить в этот адский супчик спичку... Чтобы напиток был пикантнее... Что-

бы сам сатана явился попробовать специальный коктейль из подчиненных, что считали себя служителями отца падшего ангела.

Все эти мысли наполняют меня, в то время как где-то на полу, где-то в углу, экран продолжает показывать фильм, компиляцию из других моих жизней, нарезку кровавых историй со мной в главной роли, и от этого пятый голос внутри моих мыслей смеется истерическим смехом. В это время где-то за окном я вижу громадного спрута, что тянет свои щупальца в сторону колонии, возведенной из пенобетонных и кирпичных коробков. Этот ужасный сон бросил свое тело на кладбище подобно тому, как люди выбрасывают туда отработавшие милые тела или останки...

Я вижу чертенка, что продолжает свою игру, не обращая на меня ни капли внимания. Таким жестом он указывает мне мое место в этой жизни... Я пустое место.

Таким меня сотворила моя профессиональная деятельность, от которой по сей день я получаю кайф и удовольствие, которая наполняет мое сердце самым действенным наркотиком – адреналином, которая дает мне повод не просто прогуливаться, – жить на самом краю. Жить и умирать несколько раз за отведенное мне время.

Вот о чем я думаю, наблюдая за маленькими ручками, в которых вращается игрушка.

– Кверху дном перевернулось все, прошлое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено, – продолжает напевать су-

щество, сотворенное моей фантазией, а я вспоминаю те дни, когда слезно клялся самому себе, что никогда не позволю дурманить мысли допингом и градусами. Вместо этого теперь это часть меня, это часть моей профессии, которая сейчас выражена в форме землекопа.

– Прости меня, Господи... – произношу я шепотом. – Но я не сожалею о содеянном...

Чертеночек связывает кусочки песни, словно нанизывая на иглу.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизнью в блике последнего взгляда... Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены... Кверху дном перевернулось все, прошлое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено, – произносит он и вновь пропадает.

Я начинаю искать пропавшую из поля зрения мультипликацию моего сознания, но не могу найти. Я лежу в своей скромной обители в полной тишине. Даже все то, что находится за пределами окруживших меня стен, не издает ни единого звука.

Я изолированный этими стенами от внешнего мира.

Между тем, в этой тишине время остановилось. Ничего не движется, не меняется.

– Вот так бы и остался бы лежать, – появляется первый голос.

– Вот так бы и оставил все свои планы позади, – второй голос.

– Оставил бы все позади и остался здесь, в покое и тишине, – третий голос.

– Променял бы все на забвение и вечный освободительный сон в ночи, – четвертый голос звучит в моей голове.

– Но я смешаю кровь с дерьмом в честь и память... – начинает озлобленно говорить пятый голос. Он выплевывает эти слова из моих легких. Он в гневе. Я в гневе.

Я орудие смерти в руках своих мыслей.

Слова, что вырываются из меня потугами пятой личности во мне, гаснут где-то в пространстве комнаты. Настолько здесь тихо...

– Кладбище впервые замолчало на одну ночь, – думаю я, продолжая искать своего маленького друга на одну ночь. – Впервые здесь тихо. Я впервые слышу тишину, здесь, на кладбище! Мне нравится это чувство. Никогда бы не мог подумать, что в этом месте живут звуки! А они живут круглые сутки! Даже в нашем проклятом городе есть пара часов тишины, но здесь, на кладбище, до этой ночи всегда были звуки. А сегодня их нет...

Я говорю шепотом, и лицо расплывается в улыбке.

– Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен, – вновь начинает напевать спрятавшийся от меня чертенок.

– Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен, – я слушаю его и повторяю, тем самым прогоняя тишину прочь, тем самым вгоняя мой маленький ночной Мир в

уныние из-за его скоротечности.

– Настал конец этой целительной, этой волшебной тишине, – думаю я в поисках источника звука. – А я так и не смог насладиться ею в полной мере.

В моей голове мелькают мысли, пока за окном луна борется со страшным спрутом ночи, пока весь этот город, спрятавшись за тяжелыми занавесками, подписал себе приговор на минус одну ночь, которую выпьет своими щупальцами это порождение зла, пока мы катимся в бездну, в то время как где-то в городе люди, пропагандирующие Веру в единого Бога, производят наркотик, что назван кругом перерождения... Пока все это случалось и проворачивалось подобно шестерням механизма, я впервые за все время слушал первую наступившую тишину на кладбище. А теперь все закончилось благодаря моей собственной фантазии, что проворачивает грани игрушки вокруг центра, чтобы собрать головоломку.

– А я ведь не знаю, что случится, когда он соберет ее, – думаю я, но меня это не волнует. Меня волнует только цель, что маячит впереди, что видна сквозь туманность будущих событий, что немым кино транслируется в вариациях моих прошлых, будущих или же просто параллельных жизней, которые существуют отдельными линиями и пересекаются в моменте под названием «сейчас».

Я всего лишь человек. Я, живущий сейчас. Я, завершивший это дело в других жизнях. Я, ищущий свою иллюзию в скромной обители при церковном кладбище.

А игрушка продолжает клацать, но я не могу понять, откуда идет звук, потому что мне кажется, что он исходит отовсюду сразу.

– Я окончательно схожу с ума, – шепотом вырывается мысль всех моих предыдущих жизней в рамках одной этой линии. – Мы дойдем до конца, чего бы это ни стоило, а после канем в безызвестность бесконечности.

На лице моем вновь появляется довольная улыбка.

– И мы уйдем в тишину, подобную той, которую сейчас слушали, – первый голос.

– Мы уйдем в тишину, которой так наслаждались этой ночью, – второй голос.

– Это был чистый кайф, без примесей, без допинга, – третий голос.

– Кайф, который вызывает стойкое привыкание после первой удачной дозы, – четвертый голос говорит, будучи наполненный грустью.

– Теперь я хочу покончить с собой, чтобы больше не слушать этот суетливый мир, чтобы покинуть этот проклятый город, чтобы больше не видеть ряды крестов, – полный скорби говорит мой пятый голос, и я чувствую, как его настроение проникает в меня по сосудам, через нервы...

– Соберись! Это только начало... У тебя еще будет возможность... У тебя еще будет последняя возможность увидеть солнце, – начинает свое движение черная материя внутри меня.

– Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен, – слышу песенку чертенка.

– Да где же ты? Почему я тебя нигде не вижу? Ты не можешь быть невидимым! Почему я тебя не вижу? – ярость кипит во мне и вырывается злым шепотом наружу. – Я тебя найду, даже если мне придется встать! Начинаю искать его в своем скромном жилище, погружаясь в хлам, в пыль и грязь, но его нигде нет. Его нет нигде, но звук-то есть!

Я слышу, как он поворачивает грани. Вместе с этим внутри, слева, под ребрами, появляется тревога. По мере моих поисков чертенка в хижине эта тревога перерастает в панику, а паника в свою очередь в страх.

Я слышу голос чертенка, который исходит отовсюду сразу.

– Не играй со мной! – злобно шепчу я, продолжая раскидывать разный хлам в стороны.

– Я тебя найду! Слышишь?! – говорят все мои голоса, пользуясь моими голосовыми связками, легкими, языком, губами. – Мы тебя найдем и отберем кубик Рубика.

Вдруг ни с того ни с сего я начал бояться, что чертенок разгадает загадку.

От осознания этого страх перерастает в откровенный ужас. Он сковывает меня посреди лачуги. Даже дышать становится тяжело. Я практически не дышу. Я заставляю себя дышать...

– Не-е-ет! Я найду тебя, чего бы мне это не стоило, – злобным шепотом темной материи произношу я эти слова и тро-

гаюсь с места, вновь погружаясь глубоко в хлам кладовки, которая временно стала моим пристанищем.

– Сколько же здесь мусора! – думаю я. – Надо бы запустить сюда этого маленького гаденыша, чтобы он сам себя покалечил в грудах этого хлама, сломав там ногу, руку, шею... Чтобы просто стоять, смотреть со стороны и злорадствовать над ним.

Так думаю я, находя здесь резиновых женщин, ножи, какие-то крестики и иконки, которые не были проданы; паспорта людей, которых, по всей видимости, уже и в живых нет; какие-то контракты, согласно которым с помощью церкви отмывались огромные деньги разных организаций этого ужасного города; я нахожу здесь даже не предметы, а откапываю истории, подтверждающие то, насколько настоятель и его сынок прогнили изнутри.

– Как бы то ни было, – начинает первый голос. – Они мне нравятся.

– Да, эти черти достойны уважения, – говорит второй голос.

– Не просто уважения, они достойны того, чтобы увековечить их в писательской работе, – говорит третий голос.

– И ее непременно должен написать талантливый молодой писатель, которого прославит такая работа, основанная на реальных событиях, – говорит четвертый голос.

– А закончится эта потрясающая история не трупами, не расчлененными телами, не трагедией и не счастьем... – на-

чинает злобно и с наслаждением говорить пятый голос, но не успевает закончить.

– Закончится все тем, что этих двух ублюдков превратят в кровавую пыль, закончится все... сумасшествием, – движется темная материя в моих мыслях, предвкушая этот кровавый спектакль, что будет даже не столь страшным или ужасным, сколько завораживающим своей исключительной жестокостью... Представлением для смерти.

Меж тем голос чертенка звучит тихим и гипнотизирующим эхом в лачуге, и если раньше я никак не поддавался его влиянию, то сейчас я был охвачен паникой.

– Да где же ты?! – уже выплевывая слюну, кричу я, подбираясь к заставленной стене, но его там нет... А за моей спиной куча хлама. Я сам ее сотворил своими руками, потеряв контроль над собой. Я создал нечто отвратительное, нечто такое, что будет мешать моей жизни, и оно находится за моей спиной... Я это понимаю, но ничуть не сожалею, потому что это требовалось ради достижения цели.

И вот я стою у стены. Обернувшись, я обнаруживаю груды разного мусора и постель, которая находится в другом конце комнаты. Рядом с ней тумбочка, на которой Библия, словарь Даля и мой блокнот. Я направляюсь в сторону куска металла, на котором коротаю ночи.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда... Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитьями все связаны, переплетены... – чертенок

поет свою песенку, будто бы это тоже часть сборной головоломки. А я в это время подбираюсь к своему углу в этом ветхом жилище.

– Кверху дном перевернулось все. Прошлое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено. Тихо-тихо, все это сон. Он весь мир ведет, – произносит чертенок, и в этот момент я заглядываю под кровать.

– ...К концу времен, – он заканчивает петь, и я смотрю на него, сидящего под кроватью.

Его ручки быстро вращают игрушку. Еще несколько мгновений, и последняя грань становится на место. Он поворачивает собранный кубик в своих руках, но его лицо не выражает ни единой эмоции.

Я – затаивший дыхание.

Еще через несколько секунд он поворачивается ко мне. Он смотрит на меня так, будто бы я появился в его мире... Он внимательно изучает меня несколько секунд, а после расплывается в злобной зубастой улыбке.

– Так вот значит как, – произносит он, и в глазах моих темнеет, а уши закладывает оглушающий звон.

– Где я? – это место слабо подходит под какое-либо описание... Я даже не могу представить, где я очутился. Похоже на пустыню.

Здесь совершенно ничего нет... Только небо, которое впервые так близко ко мне. Я протягиваю руку и кажется, что

могу коснуться звезд... Словно этот чертенок, собрав голо-
воломку, открыл какой-то портал, в который меня засосало.
Будто в тот момент, когда он соединил все грани в нужном
порядке, лопнуло что-то похожее на стекло между мирами
и, осыпавшись, оставило нашу сторону совершенно нагой.

– Так вот почему он сказал ту фразу: «Так вот значит
как», – думаю я, вспоминая последние события. – Но это не
меняет того, что я где-то в неизвестности.

Я сижу на холодной земле и смотрю перед собой. До этого
момента я просто лежал, и камни впивались в мою спину.
Я сижу и смотрю на то, как луна освещает поверхность, на
которой я оказался.

– По-прежнему ночь... Это значит, что этот день еще не
настал в полной мере, – думаю я. – Но все же, что это за
место?

Я выпускаю воздух из своих мешков и пропускаю его
сквозь связки. В это время я поднимаюсь на ноги и поворачи-
ваюсь к тому пейзажу, что до этого момента был за мной.

– Блядь! – произношу шепотом.

Передо мной открывается картина, которую невозможно
представить трезвым умом, которая не может зародиться в
здоровых мыслях, что не имеет права существовать в жизни
нормального человека.

– Что это такое? – первый голос.

– Это башня! И она возвышается над этим местом и упи-
рается... – второй голос не успевает закончить мысль.

– Она не упирается, она устремлена тупо вверх, – третий голос говорит, перебив второй.

– Но откуда она берет свое начало? – появляется четвертый голос, и на этом диалог моих эго заканчивается.

– И что мне делать? – появляется вопрос, на который не следует никакого ответа. Единственное, что мне остается, это идти в направлении этой непонятной устрашающей, возвышающейся конструкции. Мне холодно, потому что я очутился здесь в том, в чем я был в своей скромной обители. Мне больно, потому что маленькие камешки и неровности поверхности впиваются острыми краями в мозолистые подошвы стоп, и холодно, потому что она напоминает бетон, что вытягивает тепло из кожи.

Здесь пусто. Только нечто сумрачное маячит вдали. Здесь нет звуков, кроме легкого шуршания ветра. Это место просто есть. Оно существует! Во всяком случае, мне так кажется, потому что здесь я по-прежнему могу чувствовать боль... Другие ощущения тоже присутствуют, просто именно это воспринимается мной как фундаментальное, как заставляющее собраться с силами, с мыслям, с собой, и уже сделать что-нибудь наконец. А здесь я просто иду вперед, и передо мной глухое плато, которое где-то вдалеке содержит нечто похожее на башню.

– Стоять! – неожиданно начинает орать темная материя внутри меня, она же берет контроль надо мной, над моим телом и останавливает в сантиметре от внезапно рухнувшей

куда-то вниз части поверхности. Я бы даже не успел среагировать, понять, что случилось, и уже находился бы в свободном полете и несея бы туда, куда сейчас просто смотрел заворуженным взглядом.

– Что происходит? – первый голос.

– Я не знаю, но это что-то лютое, – отвечает второй.

– Мне это что-то напоминает... – задумчивый третий продолжает тему.

– Как будто бы я об этом уже что-то слышал, – говорит четвертый.

– Лучше бы неслись вниз и чувствовали, как ветер разбивается о лицо, – внезапно грустно и расстроено произносит пятый голос. – А потом мы разбились бы обо что-нибудь или кого-нибудь.

Он наполнился жадой крови и стал походить на себя.

Я – стоящий на краю пропасти.

Я стою и смотрю на раскинувшийся подо мной город. Я вижу многоэтажки и частный массив, вижу центр и отшиб, вижу дом света на холме и кладбище, на котором возлежит спрут, высасывающий жизненные силы из жителей города. Я понимаю, что это мультипликатор моих мыслей, иллюзий, страхов... Я осознаю, что теперь он добрался до редких снов и теперь, возможно, мне вообще лучше не ложиться, чтобы не видеть его кошмары, что тот настойчиво пихает мне в виде сновидений.

Я – загнанный в угол.

Мне должно быть страшно, но я не боюсь. Я был бы напуган в том случае, если бы мне было, что терять, но терять нечего и некого. Все, что у меня есть – это настоящее имя, которое произносят, которое практически не называется вслух и которое редко фигурирует в документах.

Я практически призрак.

Условное существо в оболочке живого человека. Условный киборг с искусно написанным искусственным интеллектом. Условная кукла-марионетка с вселенной в нее душой. Просто условность, которая возникла в жизни, для того чтобы кто-нибудь выполнял эту работу...

– Хорошо, что я не спускаюсь вниз, разрезая воздух своим телом под действием притяжения, – вот о чем я думаю на самом деле. – Еще рано... Еще не настало время прощаний.

Я в последний раз смотрю туда, вниз... Я ловлю себя на мысли о том, что смотрю на землю, раскинувшуюся подо мной, как на дно могилы, местами затопленное, местами сухое, местами в снегу и скованное льдом. Я все это уже видел сотворенным своими руками, но теперь... Теперь это приняло какой-то глобальный объем.

– Неужели мы уже все мертвы? Мертвецы, скинутые с небес в эту могилу, где мы гнием? – думаю я.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда... Город – колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены... Кверху дном перевернулось все. Прошое, что будет и сейчас, в

плотный канат сплетено. Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен, – вспоминаю я песенку чертенка.

– Может быть, мы уже закончились, умерли? – появляется странная мысль.

– Завязывай, – темная материя начинает свое движение. – Завязывай нести чушь и двигай поршнями. Иначе мы никогда не закончим начатое.

Ноги сами начинают нести меня вперед, и я иду, позади оставляя кровавые следы ступней, стертых и порезанных о камни.

– Сколько же времени прошло? Когда это путешествие будет окончено? Или же я умер? Ведь я мог скончаться в тот момент, когда тот меня заметил. Все это могло быть приступом белой горячки на основе дряни, которую я пил этим вечером... А потом я, мой мозг, просто сгорел...

В этот момент я услышал крик.

– Эй! – прозвучало справа от меня. – Ээээй! Постой!

Какой-то парень бежал ко мне и махал рукой. Это было так странно... Я сразу понял, что он здесь гораздо больше времени, чем я.

– Ты реально здесь? – бросил он мне вопрос, находясь в нескольких метрах от меня. – Не глюк, реальный человек, да? Пойми, просто я здесь гуляю очень давно и д... Погоди... Не ты ли сегодня сидел на посадке?

– Где?

– Ну, в баре «Посадочная полоса», – сказал он, и я вспом-

нил этого мимолетного персонажа.

– А как ты здесь очутился? – спросил он.

Решив, что сама по себе сложившаяся ситуация уже отдаст маразмом, я ответил честно:

– Мне привиделся чертик, который, по всей видимости, закинул меня сюда.

– А что было до этого?

– В смысле? – вновь не понял я.

– Ты нигде больше не был? Столпотворение...?

– Столпотворение? – спросил я, и в следующий миг до меня дошло. – Подожди... Ты знаешь, где мы?

– Видимо, тебя сразу закинуло сюда каким-то образом, – сказал он и задумался.

– Сюда – это куда? – переспросил я.

– На пустошь мыслей, – ответил он и повернул голову в сторону строения, возвышающегося впереди.

– А это что за... ?

– Вавилон, – сказал парень на печальном выдохе. – Но, по всей видимости, он недостижим.

– А как ты здесь оказался? Как мы здесь очутились? Почему? – я начал сыпать вопросами.

– Да, хрен знает, – сказал парень, и в воздухе повисла тишина.

– Не верю. Ты знаешь об этом месте намного больше, вот только говорить не хочешь.

– Даже если так, какая разница?

– Разница в том, что, узнав, как я попал сюда, я смогу выбраться отсюда.

– Может и сможешь, – говорит он грустно. – Может, ты даже сюда больше никогда не вернешься. – А, может быть, навсегда останешься здесь вместе со мной, и, каждый раз засыпая, будешь оказываться здесь и бродить. А ведь идти, кроме как к Вавилону, больше некуда!

– Ты здесь так долго? – спрашиваю я, вдруг осознав безысходность положения этого парня. – Часто встречаются попутчики?

– Нет, – сухо и коротко отвечает он, – Но благодаря таким персонажам я верю, что однажды сюда больше не вернусь.

– Кто обычно здесь оказывается? – спрашиваю я, но тот молчит.

– Втащи ему по шам, – первый голос.

– Втащи с локтя по шам, – второй голос.

– Так, чтобы разбить ему рот, – третий.

– Чтобы он понял, кто хозяин ситуации, – четвертый.

– В этом нет смысла, – неожиданно спокойно, неожиданно взвешенно, неожиданно адекватно говорит пятый голос.

– Ладно, – говорю я. – Ты сказал «Засыпая будешь оказываться здесь», так?

– Да, – вновь сухо и коротко отвечает парень.

– То есть сейчас нам надо проснуться?

– Агась.

– Где тот пролом в поверхности? – думаю я. – Я должен

нырнуть туда, и тогда, от шока, я проснусь в своей лачуге.

– Даже не пытайся, – вдруг начинает говорить парень. – Все прыгнувшие возвращаются... Я уже устал прыгать... Думаю, если в реальности прыгну с парашютом, по привычке открывать не стану, думая, что вернусь в кукурузник.

Я выслушал его, но никак не отреагировал.

– Просто этот способ не подходит для тебя, – темная материя говорит от моего имени, обращаясь к попутчику.

– Стало быть, твой? – с издевкой говорит он.

– Возможно, – отвечаю уже я. – Возможно, и мой... Я должен самолично убедиться в этом.

– Знаешь, сколько было таких, как ты?

– Плевать...

– Все они возвращались к краю дыры в поверхности, а потом тупо пялились вниз.

Дальше мы идем молча. Но я продолжаю искать расщелину, чтобы прыгнуть в нее.

– А сколько ты уже здесь скитаешься? – спрашиваю я.

– Достаточно для того, чтобы сравнить это с заключением в одиночной камере, – отвечает попутчик, и между нами вновь повисает тихая пауза.

– Знаешь, – вновь начинает говорить он. – Я как-то читал одну статью про заключенных одиночных камер и карцеров. Там были представлены интервью тех, кто долгое время находился под стражей данного характера.

– И? К чему ты об этом?

– К тому, что я здесь практически как в одиночке. Кто-то посторонний появляется здесь крайне редко, и каждому я крайне рад. Ты пойми, я не знаю, как здесь все устроено, потому что иногда, по ощущениям, проходит всего несколько часов моего пребывания здесь, а иногда я уже просто лежу и не могу двигаться от усталости. Здесь нет времени, а если и есть, то движется оно крайне медленно, либо как-то варьируется... Я не знаю! В любом случае, это карцер.

– С головой все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, с головой все нормально. Просто, я здесь себя чувствую как в карцере. Ну, а ты прикинь, какого было бы тебе, если бы ты тут шарился.

– Неприятная движуха, ты прав, – говорю я.

– Да! Согласен! Так вот, насчет той статьи. Я читал ее намеренно, чтобы хоть как-то, хоть немного научиться пребывать в подобных местах, как-то коротать время. Кто-то рассказывал о книгах, кто-то о разговорах с самим собой, кто-то о занятиях спортом.

– И как тебе эти истории?

– Знаешь, страшно... Это, с одной стороны, потому что сам переживаю нечто подобное.

– А с другой стороны?

– А с другой стороны, неприменимо в моей ситуации. То есть я, конечно, могу начать развлекать себя отжиманиями, но в реальности это никак не отобразится, мое тело никак не изменится. Книгу сюда не протащить. Разговаривать с самим

собой... Такой практики давно не было.

– И что ты делаешь?

– Просто иду вперед, – отвечает парень, и мне становится не по себе от мысли о том, что тот сдался.

Я не сдамся.

– Ты спрашивал о том, как я сюда попал? Потом ты сказал что-то на тему того, что я здесь очутился сразу. Что это значит? – спрашиваю я.

– Да так, не важно, – отвечает он.

– А все же? – не унимается мое любопытство. – Ты что-то говорил... Слово такое... Столпотворение?

– Чувак, забей, не хочу.

– Ну, ладно, – говорю я.

– Тебе не холодно? – спрашивает он.

– Не холоднее, чем руки одной особы, – мрачно отвечаю я, вспоминая сцену под крестом.

В этот же момент выражение лица попутчика сильно меняется. Это выглядит, как смесь удивления, отвращения и рвотного позыва, который тот старательно старается сдерживать.

– Как она выглядит? – спрашивает он.

– Наша встреча была достаточно экстремальной... Для меня, – говорю я, вспоминая ту замечательную ночь. – Поэтому единственное, что я нормально помню, – больничный халат.

– Стало быть, она... Как же тесен наш город, – говорит он

и становится еще более мрачным.

– Знакомы?

– Ну, типа того...

– Не будем?

– Да.

И мы вновь погрязли в тишине.

– Интересно, чей это сон, – первый голос начинает очередную цепочку размышлений.

– А сон ли это вообще? – второй голос, как всегда без промедлений, подхватывает тему.

– Если даже сон, то он очень странный, очень персональный, – третий голос.

– Очень персональный, даже не смотря на то, что сейчас мы разделили его, – задумчиво говорит четвертый голос.

– Я хочу уничтожить того, кто заключил меня здесь! Его или чертенка! – орет пятый.

– Как же я устал! Что-то мне не очень хорошо, – говорю я и чувствую, как тело само по себе сползает на поверхность. – С чего бы это?

– Эй, чувак, ты чего?! – кричит попутчик. – А что за следы? Я этого не видел раньше! Не замечал...

– Это кровь... Моя кровь... С моих стоп... Они стерлись, сбились, рассеклись о неровности поверхности, – говорю я, и голова входит в крутое пике.

Я лечу сквозь пространство, оставаясь на одном месте.

– Я вращаю планету, оставаясь на месте? – думаю я. – Или

же планета вращает меня? Или же я двигался так быстро, что, остановившись, поплыл по инерции, как автомобиль, скользящий по льду? Или же это планета двигалась быстро и толкала меня вперед, а потом резко замедлилась, передав мне остатки импульса и запустив меня вперед, как вагон несущийся по рельсам, в то время как основной состав остался позади, сбавив скорость...

– Постой! – резкая мысль. – Поезда не толкают перед собой вагоны!

Вот что начало волновать меня в тот момент.

– Ты как? Идти сможешь? – взволнованно, напугано спрашивает попутчик.

– Поезда не толкают перед собой вагоны! – вот, что я произношу вслух, отвечая на его вопрос, двигаясь по инерции своих мыслей.

– Что?

– Нет, ничего. Это неважно, – отвечаю я, наблюдая за тем, как Вавилонская башня впереди переворачивается на сто восемьдесят градусов по вертикали, а затем размывается по краям в противоположные стороны, сливаясь в фигуру, напоминающую змею английской буквы «S».

– Встать сможешь? – спрашивает он.

– Помоги, – отвечаю я и протягиваю ему руку. Парень помогает мне подняться.

– Ну что, как?

– Нормально, – пойдем, – вместе с этими словами я под-

нимаю руку вверх, чтобы махнуть в сторону башни. Это движение влечет меня вслед за собой. Я лечу лицом в поверхность, раскинувшуюся над землей, под небом, в самом центре. Буквально секунду назад я видел ее, а сейчас лишь тень, наполнившая мои глаза...

Глаза закрыты. Руки шарят вокруг. Лапаю стройную и возможно красивую... холодную ножку кровати.

Я лежу на полу своего скромного жилища, я лежу практически под кроватью. Проходит еще пара секунд, моя голова начинает раскалываться от сильной боли.

– Похмелье, – медленно произношу я шепотом, но не слышу своих слов.

Только сейчас я понял, что уши заложило от давления. Открываю рот. Еще через несколько секунд начинаю различать глухие хлопки. Даже не хлопки, удары. Это стук. Стучат, нет, барабанят в дверь. Громко.

– Открывай, – далеким сумрачным голосом доносится до меня еще через несколько секунд.

Медленно и мучительно поднимаюсь на ноги.

– Сейчас, – говорю я и только через секунд понимаю, что ору, что есть сил. – Сейчас я открою!

Хриплый голос вырывается из меня криком. Подхожу к двери. Из-за похмелья перед глазами мутное стекло. Открываю. Там стоит сын жирного ублюдка... Просто ублюдок.

– Что надо? – спрашиваю я.

– Утро! Работать! Арбайтен-арбайтен! – кричит он. Медленно и лениво разворачиваюсь и иду вглубь хижины, чтобы собраться.

– Это последний раз, когда я столь благосклонен к тебе, – раздраженно говорит он. – Это последний раз, когда мой отец оказывает влияние на меня.

– Хорошо, дай мне две минуты, – произношу я сквозь хрип, передвигаясь в тумане и слушая приглушенные звуки мира.

Я досадная ошибка, допущенная жизнью.

– Еще один паршивый день в нашем Богом забытом городе, – думаю я. – Опять идет снег, крупными хлопьями летит прямо в глаза, чтобы скрыть нечистоты, скопившиеся на улицах, за их пределами, внутри стен...

– Голова... – коротко произносит первый.

– Болит... – второй.

– Сильно... – третий.

– Плохо... – четвертый.

– Как же я хочу сдохнуть! – говорит пятый.

В этом момент по холодному, по тающему от тепла стоп снегу я иду в туалет.

Желудок пустой. Мысли пусты. Я сам по себе опустошен. После общения с этим чуваком на пустоши мыслей. После пустоши мыслей. После взгляда чертика под кроватью. После звуков его игрушки. После поисков этого маленько гаде-ныша в моей скромной обители.

–Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда... Город – колония, мы в ней муравьи ниточками-нитями все связаны, переплетены... Кверху дном перевернулось все. Прошлое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено. Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен...

Я опустошен из-за этой проклятой песенки! А она до сих пор продолжает свое существование в моих мыслях.

Я всего лишь упоминание в архивах.

Эта песня. Она словно слова оракула, которые предвещают некоторую судьбу, будущее, которое меня ждет не за горами... Моя смерть. На дне могилы, на этом проданном кладбище, в самосозданной яме. Вот она, моя судьба, безжалостная и беспощадная.

Я хочу покончить со всем раз и навсегда.

Погода, что так неистово бушует, только разжигает огонь желания. Этот декабрь точно всех сведет с ума. Я это чувствую. Я об этом думаю, пока иду по улице, пока снег бьет меня в лицо.

Холодно.

Опять холодно. Снова температура играет похоть и лезет своими руками под одежды. В очередной раз длинные и тонкие пальцы скользят по коже, оставляя после себя линии мурашек, рисуя на коже карту дорог этого города. Вновь целует в щеки своими шершавыми и совершенно сухими губами.

Я иду на планерку, зная, что без меня она не начнется.

Погода дышит мне в лицо морозным ветром. Это единственное, что спасает меня сейчас. Это делает мое похмелье менее болезненным. Это заставляет дышать и наполнять мешки за сердцем температурой и погодой. От этого даже ненависть по отношению к хлопьям снега становится чуть менее нестерпимой.

– Всего лишь несколько часов работы на кладбище, а потом – в город, потом я еще приближусь к тому, чтобы мой план перестал быть мыслью и стал реальностью, – вот о чем я думаю по пути на очередную планерку, к новым друзьям на один день, к блевотному монологу жирного ублюдка, к тому, как меня назовут сыном, к свежей могиле.

И все происходит, как будто это было написано в рамках сценария. Ни единого отступления, ни какой импровизации, лишь четкое следование.

– Как же мне все это надоело, – думаю я. – Как же я хочу пропустить все это и переместиться вперед во времени, к моменту, когда все закончится, и мне наплевать на то, каким будет итог.

Я работаю. Моя жизнь – это работа. Я уже настолько привык жить своим делом, что иной жизни у меня нет. В принципе, моя деятельность именно на этом и построена. У меня не может быть ничего, кроме работы. Моя работа заключается в жизни. И нет никакой разницы в том, что именно я делаю: рою землю, продаю наркоту, или же...

Мои размышления прерывает коммерсант. Он подходит

ко мне. Под руку его держит девушка с совершенно белыми волосами и огненными веснушками. Ленты губ растянуты в уголках. Глаза немного прикрыты. Она смотрит на меня и, подобно погоде, тянет свои руки под одежды. Язык проплывает по лентам губ, как корабль по волнам.

Я объект чужого желанья.

– Готов мыться и идти на доставку? – спрашивает коммерсант.

– Мы пойдем вместе, – говорит девушка с кожей цвета свежего снега.

– Это плохо, – первый голос.

– Это очень плохо, – второй голос.

– Это ничем хорошим не закончится, – третий голос.

– Это вновь закончится грехом, – четвертый голос говорит, находясь в моих мыслях, а после – долгая пауза, которая сменяется диким смехом, что вырывается из меня.

– Мы останемся наедине с этой голосистой птичкой, – похабно, с вожделием говорит пятый голос, находясь в моих мыслях, и мне с трудом удастся удержать его в рамках этих самых мыслей.

– Сначала отобрать его гордость, его объект, потом отобрать его дело, его заработок, его планы... В конце забрать жизни его и его отца и очистить оплот демонов, что возник под крышей святого здания с крестами на куполах, с распятием над алтарем, со священными страницами, лежащими на трибуне, – предвкушая будущее наслаждение, злоб-

но шипит темная материя.

Иду в храм. Привожу себя в порядок. Вновь надеваю чистые, цивильные вещи. Я совершаю все эти действия механически, бездушно. В этом и не должно быть ничего такого...

Потом я иду, достаю мешок Сансара и несую его на кухню. Затем приношу туда ту странную машинку и фасую наркотик по пакетикам. Все это время я стараюсь собраться, стараюсь унять свои мысли о девушке, чьи глаза цвета самого чистого льда. Я смотрю на порошок и вспоминаю бархат ее кожи этого же цвета, но более теплого оттенка. Затем все пакетики отправляются в рюкзак.

Я не готов к этому дню.

Я нахожу любовников, забираю из этого дуэта частичку совершенного света, и вместе с ней мы покидаем территорию церкви и кладбища. Ловим такси и отправляемся по тому адресу, который называет она. Это наше первое место назначения.

Проходит около получаса, и мы прибываем. Это трехэтажное здание. Оно похоже на небольшое офисное здание. Мы расплачиваемся и выходим из автомобиля. Девушка мигом хватается меня за руку, и мы идем вперед. Огибаем этот дом и оказываемся у крыльца. Теперь я понимаю, что это не просто какое-то там здание, это государственная постройка. Через несколько секунд я вижу табличку, на которой написано «средняя школа».

– Проклятье, – думаю я в тот момент.

– А вот и моя школа, – радостно говорит девушка. – А вон одноклассники.

И она указывает рукой на кучку парней, которые трясутся руками пытаются завернуть косяк.

– Проклятье, – эхом раздается в моей голове.

– Она школьница? – первый голос.

– Мы около школы? – второй голос.

– Сансару, малолеткам? – третий голос.

– Ты что же делаешь? – четвертый голос.

– Забери весь кайф и беги прочь! Мы прокляты и больны этим наслаждением, но дети?! – пятый голос орет на меня бешеным от ненависти голосом.

– Я знаю!!! – кричу я посреди улицы.

Девушка отпрыгивает от неожиданности. Первые мгновения ее лицо наполняют страх, непонимание, отвращение и что-то еще...

– Что ты знаешь, милый? – в один миг все меняется. Она полна света и похоти, она ничего и никого не боится, но есть что-то еще...

Ее одноклассники смотрят на меня, будто бы мое лицо исчерчено кровавыми язвами, словно там уже проглядывает пара опухолей... Они пялятся, как на прокаженного, на заразного... Эти засранцы посылают мне взгляды, полные безгливости, содержащие недоверие и опаску по отношению к моей персоне.

Я ужасная личность.

– Доставай тридцать пакетиков, – говорит она.

Пересиливая себя, снимаю рюкзак и лезу внутрь. Оттуда по одному появляются пакетики поддельного счастья, упаковки, содержащие в себе решение всех проблем. Они коcząют из моих рук в белые, исписанные синими линиями капилляров руки девушки-снежинки, а после попадают к заказчику. Так происходит обмен, и через несколько секунд в рюкзак падают деньги школьников.

– Ты понимаешь, что это скопление обедов, ты понимаешь, что это целая вечность игровых часов и то малое время, что отведено другим людям, потраченное на зарабатывание этих бумажек? – с этим монологом черная материя будто бы выталкивает меня из тела, и я наблюдаю за тем, как оно собирает купюры и кладет их на дно сумки, и посыпает их дозами, упакованными в целлофан.

– Нет! К черту! – кричу я. – Я не хочу этого! Для меня это слишком! Сам я могу губить свою жизнь самыми изощренными способами, плевать! Я убивал и буду убивать... Я не сожалею об этом! Но я не могу убить ребенка! – вот что меня волнует в этот момент.

Но губы остаются недвижимыми, связки даже не напряжены. Я просто наблюдаю за собой со стороны. Мне противно это зрелище.

– Слишком поздно чтобы отступить, – посмотрев на меня, отвечает тело. – Если ты уйдешь сейчас, твоим действи-

ям не будет никакого оправдания. Это наша общая задача... Остановить это безумие, – телом, как марионеткой, управляют мои голоса, и лишь темная материя говорит со мной, стараясь донести мысль, успокоить и вернуть на прежнюю траекторию движения.

Отдаю пакетики, а внутри все сворачивается. Мне плохо от самого осознания того, что я делаю. Теперь я опустился на самое дно. Ниже меня ждет только смерть, что уже много лет идет хвостом за мной, которая следует за мной немым спутником и забирает встречных, но пока что не хочет забрать меня.

– Вот и хорошо, а теперь идем со мной, – веселым голосом произносит спутница.

Она улыбается улыбкой, полной света и тепла! Но помимо этого есть что-то еще...

Мы заходим за угол. Она снимает с плеча свою маленькую сумочку.

«Странно,» – думаю я, потому как раньше я не замечал этот ее аксессуар.

Она лезет внутрь и достает оттуда портсигар. Открывает его и достает длинный патрон, заряженный до отказа.

– Это особая трава. Только так я могу на время заглушить боль, – говорит она в тот момент, как в ее руках появляется зажигалка. – У меня рак. Но об этом знает только мой врач... и ты.

– Что!? – хором все голоса.

– Мне осталось недолго, – продолжает она. – Всего несколько месяцев и это в лучшем случае.

– А как же?...

– Никак. Они не знают... И не должны.

– Но ты же?...

– Всегда под кайфом? Ты об этом? – спрашивает она.

– Да! – хором я и все голоса.

– Нет. Не всегда. Только когда становится совсем невыносимо.

– Но как вы с?...

– Как мы провернули это?

– Да! – вновь все вместе хором.

– Я написала официальное заявление, заверила все бумаги и так далее. Бюрократия, короче, понимаешь? Потом врач предложил выписать мне болеутоляющее, но я отказалась. Он выписал мне лечебный каннабис... Но он стоит денег.

– Ты хочешь сказать, что именно поэтому ты связалась с этими ублюдками? – спрашиваю я, и в этот момент ярость наполняет меня.

– Нет, не поэтому, – спокойно отвечает она.

– Так почему?! – я перехожу на крик.

– Потому, что я хочу дожить. Не довыживать, а дожить. Как рок-звезда! И уйти в бесконечность, в безыизвестность, – говорит она, делая паузы на затяжки.

– Именно поэтому ты губишь других, гнида?! – взрываюсь я, и мои руки машинально хватают девушку за тонкую белую

шею.

– Не для того, чтобы погубить или забрать кого-нибудь с собой, а чтобы сделать свои последние дни, недели, месяцы более терпимыми, – говорит она без малейшего страха, делает затяжку и выпускает дым мне в лицо. – Пойми, милый, если ты придушишь меня, если ты пустишь кровь по моей белой коже или сожжешь на костре, пританцовывая вокруг на своем проклятом кладбище, ничего все равно не изменится... Все равно в скором времени именно ты меня там и закопаешь. И, кстати, каждый делает свой выбор сам. Кому-то просто не хватает кайфа. Я в этом не повинна.

– Да ты сама постоянно сидишь на дозе! – злобно произношу я.

– Да. И занимаюсь сексом за дозу и за деньги на каннабис... И что? – спокойно говорит она. – Я даже спала с тобой, потому что ты мне понравился...

Мне становится тошно.

– Ты безумна, как этот город, – говорю я.

– Да, потому что я здесь родилась, – отвечает она. И я понимаю, что ничего не могу с ней сделать... Это нарушит мои планы.

– Поехали дальше, милый, – говорит она, и мы отправляемся на поиски такси. Найдя, она говорит следующий адрес, и мы едем туда. Это очередная школа, и очередной приступ злости скручивает меня, и в очередной раз темная материя, что не так давно поселилась в моих мыслях, выталкивает ме-

ня наружу и правит телом, позволяя мне только наблюдать. А по окончании девушка вновь произносит слова о поиске такси, и все повторяется. Так мы посещаем еще три учебных заведения. Рюкзак практически пустой и она отдает мне короткий список.

– Там ты справишься самостоятельно, – говорит она. – Мне пора идти, милый.

Она подходит ближе, а затем приближается, чтобы поцеловать мои губы. Я скован, парализован, здравый смысл сопротивляется желанию.

– Это неправильно! – кричу я, не выходя за пределы мыслей, и тело поддается. В нескольких миллиметрах я беру верх над мышцами и отстраняюсь от девушки с белой кожей и огненными веснушками.

– Шалунишка, – улыбка появляется на ее губах и взгляд наполняется желанием и похотью... Но помимо этого есть что-то еще. Это не страх смерти, не жажда кайфа... Это что-то другое.

После этой сцены мы расстаемся, и каждый направляется по своим делам. Мы расходимся, и я чувствую облегчение. Оно связано со многими факторами: от отсутствия объекта запретного желания до присутствия постоянного раздражителя, по отношению к которому я чувствую лишь отвращение. И это все в себе сочетает всего один маленький человечек!

Остаток дня проходит в суете и беготне. Напоследок я за-

глядываю в свой любимый бар, беру бутылку – входной билетик на автомагистраль в рай и отправляюсь в лачугу. По пути на кладбище захожу в какую-то новую рыгальню, беру порцию китайской лапши на вынос и довольный возвращаюсь в пристанище. Здесь меня встречает уже ставшая родной обстановка не нищеты, но отчуждения. Обстановка отдаленности от мира, от людей, что этот мир наполняют... Чтобы не выплескивать в него свою мерзость, чтобы не заражать людей собой, своими идеями...

– Как это сделал кто? – первый голос особенно выделяет последнее слово.

– Сделал и канул в историю, – продолжает второй.

– А потом даже не его последователи сотворили величайшую мистификацию, – третий.

– И создали не персону, а легенду о личности, – шепотом в моей голове говорит четвертый голос.

В этот момент я уже сижу на койке из металлической ржавой сетки с обоссанными матрацем и одеялом. Я бухаю дрянь и смотрю на небольшую тумбочку, что держит на себе несколько моих персональных артефактов.

– Вера должна быть, а религии быть не должно. Вера – хорошая идея и отличная основа духовности, а вот религия – это выживший выкидыш политики, за которым мать присматривает как за юродивым, – спокойно декламирует пятый голос. Я чувствую его раздражение, я понимаю, что две поселившиеся в моих мыслях личности готовы уничтожишь

оплот сил зла, но они ждут, потому что рано.

– Интересно, – переключаются мои мысли. – Что было с альбиноской. Весь день меня не покидало чувство, что во всем, что она делает, скрывается что-то еще, но что?

В эту же секунду я заканчиваю бутылку дряни и выхожу прямо в самый центр магистрали до рая. Через пару мгновений раздается стук в дверь, и я встаю. Мир, отражающийся в моих глазах, ловит траекторию лопастей вентилятора.

– Вера в Бога и религия сравнимы с тем, что предлагает художник и требует заказчик, – мелькает мысль в моих хмельных мыслях, я открываю дверь впуская холодный ветер декабря и завтрашний день.

—

Утро. Холодное и мерзкое, как и этот проклятый город. Свинцовые тучи затянули небо, предвещая бурю. Выхожу на улицу. Все тело ноет и болит, будто бы ночью я занимался йогой. Внутри бушует странное чувство. Все мои голоса молчат. Это странно.

Выхожу на планерку. Там стоит жирный ублюдок и его сыночек. Я мечтаю об их смерти. О том, что я своими руками дарю им свободу и освобождение от скорлупы тел. Но сейчас я только стою и смотрю в их довольные рыла. Они в свою очередь окидывают своими сытыми взглядами шеренгу моих одноразовых друзей только на сегодня. Их глаза холодны, как этот проклятый декабрь, что своими похотливыми ветрами лезет даже не под одежды, а глубже, под кожу,

под мышцы, минует кости и проникает вовнутрь. Я чувствую это, но мне не страшно. В прошлом таких ситуаций было целое море, и оно закалило меня, мое тело, мое сознание...

Я стою во главе шеренги и чувствую дрожь всех тех, кто стоит после меня. Они все сломаются по окончанию этого дня, а я останусь здесь столько времени, сколько потребуются, чтобы свести личные счета.

Я бешеный пес, что мчится за составом.

Речь жирного ублюдка смолкает, и на передний план выходит его сынок. Он смотрит на меня, на всех нас. Он тянет улыбку во все свои зубы. Он выглядит так, будто бы сделал нечто великое. Коммерсант подходит ко мне поближе.

– Ты! Выбирай себе напарника на часть этого дня, – говорит он, и я беру ближайшего за шиворот. – А теперь идемте вместе со мной.

– Рано, – первый голос.

– Слишком рано, – второй голос.

– Подожди еще немного, – третий голос.

– Чтобы совершить задуманное, не хватает информации, – говорит четвертый голос, и через секунду я словно преодолеваю мембрану действительности. Тем самым мозг погружает меня в мир своей мультипликации, и я становлюсь невольным зрителем безумной анимации.

Я вижу весь мир таким, каким успел его запомнить ровно за секунду до погружения. Вперед идет порождение грехов, исчадие, сосланное на землю для службы. Позади тащится

друг на один день. Я смотрю на спину впереди идущего. Потом перевожу взгляд на руку. Она сжимает древко лопаты. Моему мозгу требуется малая доля мгновения, чтобы проанализировать ситуацию и дать рукам приказ.

Я – в бесконтрольном полете.

Вторая рука крепко фиксирует древко лопаты. Еще мгновение и обе руки наносят удар прямо в спину, но не лезвием, тупым концом, четко в позвоночник, и я слышу, как несколько костяшек с хрустом покидают свои позиции, а их обладатель летит вниз и лицом ныряет прямо в снег. Конвульсии долбят его тело, заставляя танцевать страшный танец прямо на земле.

Взгляд уходит в сторону. Там жирный ублюдок срывается с места. Он хватается за огромный крест на своей жирной шее. Снимает его и берет в свою огромную ладонь так, как обычно берут ножи. Они бежит на меня.

Выкидываю руку в сторону, рассекая воздух острым концом лопаты. Оно встречает препятствие на своем пути, и кровь окропляет свежий белый снег.

Святой отец отшатывается на несколько шагов назад и хватается за шею. Он что-то кричит. Я не понимаю, но вижу, что рассек огромный мешок жира, который тот отрастил под подбородком... Рана не смертельна, поэтому еще через секунду он старается ударить меня крестом, как ножом. Не знаю, как такое может быть возможно, но золото, оно словно заточено и легко кромсает одежду на мне.

Спотыкаюсь и падаю на землю. Жирный ублюдок наваливается на меня. Он двумя руками давит на крест, он направляет распятие длинным концом прямо в мою грудь, туда, где расположено сердце. Сопrotивляюсь. Но этот ублюдок слишком много жрал...

– Слушай внимательно, – начинает говорить пятый голос. – Я ногой вобью этот крест в тебя, мразь!

Голос кричит, а после посылает прицельный плевок этому демону в глаз. От неожиданности тот теряет напор, и мое тело использует этот момент, чтобы нанести контрудар и перегруппироваться.

Затем удар, еще один удар, и вот отец коммерсанта лежит на снегу. Из его мешка жира под лицом хлещет кровь. Руки раскинуты в стороны. Он тяжело дышит, но продолжает сжимать распятие. Подхожу и ногой, пяткой, наношу сильный удар по запястью. Пальцы разжимаются, и я отбираю реликвию, артефакт.

– Я же обещал, – злым шепотом произносит пятый голос, а потом, управляя моим телом, наносит мощный удар в грудную клетку. Крест входит под кожу, рассекает мясо и упирается в ребра. Жирный ублюдок орет, истекая кровью. Первым ударом я не достал до сердца... Даже не пытался.

– Вот и все, – сквозь смех сумасшедшего вырывается пятый голос, а затем пятка надавливает на крест. – Вот вам индальгенция, изгнание, сеанс спиритизма, обряд экзорцизма или чего-бы то ни было!

Пятый голос продолжает неистовствовать, а я наблюдаю за тем, как жирный ублюдок в муках боли захлебывается кровью.

– Твоя очередь отправиться в ад, – произносит мой персональный демон, и тело направляется к коммерсанту, который залил снег вокруг себя пеной и рвотой. – Хотя, нет, пожди.

Тело и возвращается к телу священника. Достает крест и идет за лопатой. Потом упирает ее лезвием в шею со стороны позвоночника.

– Прощай, – на выдохе, полном наслаждения, срывается слово с моих губ, и рука, используя крест вместо молотка, бьет по древку лопаты, разрубая шею демона.

– И напоследок. – говорю я, наклоняясь к голове, лежащей отдельно от тела. – Думаю, так будет живописней.

Я поворачиваю его голову лицом к себе. Все это было необходимым, чтобы вколотить крест в глазницу.

Я наблюдаю за всем этим и хочу блевать, но это лишь мультипликация моего сознания, которая заканчивается кадром, в котором мои волосы в крови лежат на лице, которое тоже испачкано красной венозной жидкостью. Я тяжело дышу но... я счастлив.

А по факту я по-прежнему иду за ним вслед и тяну за собой ежедневного нового друга на один день. Я иду и пытаюсь вспомнить, чем закончился вчерашний день. Помню стук в дверь, то, как я подошел и даже открыл ее, а после не помню

ничего. Будто бы все это уже было частью моего сна.

– Возможно, так и было, – утвердительно говорю я сам себе. – Возможно, это была первая нормальная ночь, и ты отдохнул. Это объясняет, почему я так легко поднялся и вышел на планерку... Интересно, куда мы идем.

Через пару минут мы подходим к машине сына святого отца. Он открывает багажник.

– Короче, это все в храм, – говорит он и указывает на мешки, и я понимаю, что ничего особенного в том, что мы будем делать, просто работа грузчиками.

– Как закончите, возвращайтесь к землеройству, – говорит он, потом обращается ко мне: – Сегодня ты без прогулок по городу, сегодня отцу требуется твоя сила... Много клиентов, – говорит он, и мы начинаем таскать мешки с сансарой в храм. На этот раз их не просто много, а очень много!

– Видимо, готовится какая-то грандиозная гулянка, или поставка, или черт знает что, – мелькают совершенно очевидные мысли, и они не покидают меня вплоть до самого вечера. Я живу ими в течение всего этого дня.

А потом я получаю порцию помоев из рук святого отца этой проклятой церкви и иду в свою лачугу. Там провожу вечер, который сводит меня с ума своей растянутостью. Там я думаю об эластичности времени, точнее, о том, насколько время эластично в плане ощущения.

Я жаждущий действия.

В последнее время жизнь сильно ускорилась, и этот день,

он как инфаркт. Он просто ввел меня в ступор, и даже мое тихое безумие затаилось где-то в углу сознания.

– Это не инфаркт, это инсульт, и сегодня он скрутил тебя, – темная материя начала движение. В следующий миг я покинул мир реальности и нырнул в сновидение.

Я лежу на койке и смотрю в потолок. За окном воет ветер. Иногда он затыкается, чтобы перевести дух, и начинает снова. Его голос напоминает мне крик тех, кто подвергается мукам... Я слышу кошмарные сны жителей города.

Около часа назад мои глаза открылись, тем самым прервав сон и отдых. Теперь я сам подвергаюсь мучению и коротаю ночь в одиночестве.

Время замедлило свой ход и дало мне бесконечность на раздумья, на поиски ответов, на тупые вопросы, на размышления о моей прошлой жизни, жизни перед той жизнью и жизни, что была еще раньше... На моделирование событий, которые приведут к казни демонов, которые приведут к очищению города от скверны. И планирование складывается по деталям, по секундам в алгоритм программы, которую мне предстоит реализовать.

В какой-то миг, когда ветер замолк, чтобы наполнить свои мешки воздухом, я услышал голос альбиноски... Она вновь кричала от удовольствия, она требовала и умоляла, и эти возгласы доходили до меня дикими фантазиями, которые я прогонял прочь.

– Но это не фантазии, – шептала темная материя. – Я, ты, мы все владели ею, ласкали ее тело, целовали шею и соски...

Внутри меня все сжималось. Я понимал, что все это неправильно и мне проще застрелиться, нежели жить с этим дальше, но пока еще слишком рано.

– Рано, но ты же и сам этого хотел... Твоя кровь вскипела, когда ты увидел ее впервые. В эту же ночь ты услышал ее сладкий, умоляющий голос, что сменялся на покровительственный тон, а после растворялся в удовлетворении...

– Это неправильно! Там был не я, это были все ВЫ! – кричу я, лежа на койке. – Что это?! Что еще за звуки?!

Я слышу, как из-под земли начинает доноситься гул. С разных сторон. Он звучит, как песня шаманов и ведьм. Словно они огромной толпой сидят у костра и завывают каждый свой мотив.

– Посмотри в окно, – говорит пятый голос, я встаю с койки и подхожу к окну. Белый свет освещает купола церкви, он отражается от золотой обшивки и падает на кладбищенскую землю.

– Присмотрись, – произносит темная материя, и, шурясь, я начинаю смотреть в сторону рабочей земли. Сначала я не понимаю того, о чем говорят эти двое живущих в моей голове. Но вдруг меня откидывает от окна, когда мой больной мозг в полной мере обрабатывает полученную информацию.

– Что происходит?! – кричу я.

– А ты еще не понял? – смеясь, произносит пятый голос. –

Вот и все! Пора! Нам больше нечего делать на земле.

– Что пора? Куда пора? Что происходит?!

– Не слушай его... Пока что, – темная материя в моей голове заменяет пятый голос. – Ты уверен, что хочешь узнать, что происходит вокруг?

– Да! – выпаливаю я.

– Ничего... Для всех адекватных людей, а вот с тобой все интереснее! – говорит материя.

– Не тяни!

– Ты сам себе создал сказку, в которую охотно веришь, и в ней земля движется, потому что трупы ползут друг к другу. Они тоже хотят секса, им тоже необходимо совокупление. Поэтому земля танцует. А звуки... Это как дополненная реальность... Это то, как уже добравшиеся до партнеров трупы трахаются под землей. Все эти разложившиеся, частичные тела, наполненные паразитами, все они сношаются и издают подвластные им звуки. Вот, что ты слышишь. Представив это, я выскакиваю на улицу и начинаю блевать... Земля под ногами движется и вибрирует, звуки становятся насыщенными и разборчивыми... За ними прячется стон альбиноски и унылая песня ветра.

Я трясусь от страха, блюю в двух шагах от лачуги и мечтаю сдохнуть... Но еще рано.

Что-то животное проснулось во мне... Инстинкт самосохранения... Он активировал пыльный рубильник «страх». – Мне нечего терять, – произношу я вслух. – Тебе нечего те-

рять. Земля спокойна, как и те тела, которые на самом деле лежат под землей.

Но я не верю своим словам.

– Так не бывает! Мертвецы смирно лежат, укрытые холодной землей декабря! СУКА! Хватит!!!

– Это закончится, когда ты сможешь это остановить, – говорит пятый голос. – А пока что слушай эти скрипящие, хрипящие, хлопающие и хлюпающие звуки секса после смерти...

Я срываюсь с места и бегу прочь. Спотыкаюсь, падаю и поднимаюсь. Метров через двести понимаю, что бегу по ледяной земле сурового декабря босиком, а земля шевелится и мешает мне бежать с кладбища, словно я бегу по волнам, которые относят меня назад, к моей хижине.

– Черт! – кричу я в отчаянии. – Пусти меня! Дай мне покинуть, если не эту иллюзию, хотя бы это место!

Звуки со всех сторон становятся ярче и громче, будто бы эта оргия покойников с церковного кладбища стала ближе к моему скромному жилищу.

Я понимаю, что единственное место, где я сейчас могу скрыться – лачуга. Поэтому я забегаю внутрь и начинаю баррикадировать дверь и единственное окно.

«Еще одна ужасная ночь на окраине этого не обозначенного на карте города», – думаю я в то время как звуки становятся все ярче, подробнее, громче. Иногда даже слышатся голоса, что сквозь хрип шепчут комплименты и призна-

ния, шепчут похабщину и содомию, шепчут все то, что можно услышать только в аду! И все это на монастырском кладбище!

Беру лопату и забиваюсь в самый дальний от двери угол. Мне кажется, что некоторые живые мертвецы уже покинули объятия земли и теперь лежат на поверхности и нежатся под луной, занимаясь грязным сексом... Каждое движение сопровождается все новыми паразитами, что высыпаются из гнилых останков и распухших тел.

Мне страшно. Я сижу в углу лачуги и крепко сжимаю в своих руках лопату.

– Как будто это поможет... Будто бы это спасет тебя, – говорит пятый голос, и эту волну подхватывает темная материя.

– Запомни, закончив друг с другом, они направятся на поиски теплой пищи, – шепчет темная материя.

В этот момент я наблюдаю за тем, как волосы, свисающие на лицо, белеют от страха. В этот момент сердце ломает ребра сильными и частыми ударами. В этот момент я бросаюсь к тумбочке и хватаю с нее библию. Я начинаю читать первый попавшийся мне стих. Руки трясутся, голос наполнен истерикой.

Я верю в Бога, но в этот момент готов уверовать в религию.

Стук в дверь резко поднимает меня на ноги. За окном тем-

но. Крепко прижимаю к себе библию, держу лопату перед собой.

– Открывай! Срочно! – слышу голос коммерсанта, и облегчение наваливается на мои плечи.

– Отпустило, – думаю я. – Иду!

Подхожу. Открываю. Сын жирного ублюдка стоит и пялится на меня первые несколько мгновений.

– О! Уже собрался! Отлично! Идем со мной. Не требует отлагательств. И библию с собой, с собой... Быстренько идем в храм.

Заходим в дом, пропитанный религией, затем по коридорам и лестницам идем в какую-то комнату. Дверь открывает мне картину, что шипованными тисками сдавливает сердце.

– Что...? – не успеваю договорить.

– Не твое дело, – перебивает он. – Шевелись.

«Как же я хочу прямо сейчас срезать тебе половину головы при помощи лопаты, ублюдок», – думаю я.

– Короче, нам надо... – тараторит он, но я словно не слышу его. Улавливаю смысл, но не слышу ни единого слова. – ...А потом я... И пока ты будешь все готовить, я быстро... Когда я приду, мы покончим с этим, и эта ночь закончится.

«О да! Эта ночь наконец-таки закончится», – думаю я, и в этот момент завывание ветра врывается в комнату. Я впадаю в панику. Я вновь вспоминаю ту иллюзию, что увидел не так давно. Я опять начинаю слышать голоса, шепот, хлопки, хрип, хлопанье... Опять начинаю представлять совокуп-

ляющихся трупов на кладбище... Паника, паранойя и ужас скручивают меня мыслью, что мне придется кидать землю среди голодных трупов.

– Тащи, гнида, свою задницу, давай-давай-давай, ты, Микки Маус, шевели своими крошечными культиками, – истерический крик коммерсанта возвращает меня в мир, отрезвляет мои мысли. Все то время, пока мы идем вдоль гранитных плит, он ругается в диапазоне между шепотом и истерикой. Это не дает мне сосредоточиться на своих мыслях.

Находим пустое место. Начинаю копать. В этот же миг коммерсант убегает прочь. Мне очень хочется положить его если не в эту яму, которую я копаю в данный момент, то в следующую. Он заслужил это, как и его ублюдок-отец, который лег бы здесь же, в третьей могиле. Но, рано, еще рано.

Поэтому я фокусируюсь на работе, а не на своих мыслях, ибо это погубит меня.

Примерно через час прибегает коммерсант, и мы совершаем погребение на скорую руку. Он смотрит на все с довольным видом. Потом смотрит на меня.

– А какого черта ты стал белым...? – спрашивает он, и в воздухе повисает тишина. – Хотя неважно... Отдохнуть! – говорит он и поворачивается ко мне спиной.

В этот момент ненависть переполняет меня. Глаза застилает пелена, и разум срывается на очередную ужасающую мультипликацию. В следующий миг коммерсант оборачива-

ется.

– Ты же понимаешь, что это наш небольшой секрет? – произносит он.

– Да.

– Я запомнил это место, гнида... Оно сыграет против тебя, мразь. Я сжимаю рабочий инструмент до боли в костяшках.

Подхожу к хижине и слышу, как там начинает разрываться будильник.

– Вот оно, очередное дерьмовое утро в нашем проклятом городе, – думаю я, открывая дверь.

– Слишком много всего происходит в последнее время, – первый голос.

– Слишком много всякого дерьма случается в последнее время, – второй голос.

– Самое темное время суток перед рассветом, – выдавливает из себя философскую жилку третий голос.

– Именно поэтому мы по уши в дерьме, – озлобленно произносит четвертый.

– Все равно мы все умрем, – певуче тянет пятый голос, а после заливается бешеным смехом. За время диалога моих личностей я вырубая дичайший звон будильника и прибираю в лачуге после моего ночного кошмара.

Выхожу на улицу. Меня в очередной раз встречает холод декабря, и я знаю, что там, дальше, сегодня, я увижу проповедника, который наполнен грехами по самые завязки... се-

годня я вновь встречаюсь с сыном этого создания, вырвавшегося напрямиком из преисподней, а потом отправлюсь сквозняком гулять по офисам и квартирам, забегаловкам и магазинам, чтобы доставить Сансару и пополнить список лиц, имен и адресов. Но это все потом. Сейчас я прохожу мимо гранитных плит и вспоминаю мультик моего сознания. Я смотрю на фотографии и вновь покрываюсь мурашками ужаса.

Я – обесцвеченная копия себя.

Несколько часов спустя, среди могил, неподалеку от утренней, меня вновь находит эта мразь, что утром тарабанила в дверь.

– Закругляйся. Приводи себя в порядок, и потом я жду тебя на кухне.

Примерно через час я пришел в назначенное место. Он уже частично наполнил рюкзак. Тишину прогонял звук работающей машинки.

– Это была прекрасная ночь, – начал говорить он. – Сначала я поймел ее так, как я того хотел. Потом дал ей дозу Сансары, и девушка отправилась в путешествие по мирозданию. Пока она летала и была Богом своей маленькой вселенной, я рассказал ей о том, что знаю тех малолеток, с которыми она коротает ночи, и сегодня, можешь мне поверить, их поглотило болото. Я сказал ей, что знаю, как она крадет излюбленное, но очень дорогое лакомство у меня из-под носа... Я высказал совершенно все! А потом разрядил две обоймы...

Ты, думаю, заметил сердечко вокруг сердца, так?! Это была одна обойма! Вторая ушла на ноги, колени, ладони, локти... Именно в этом порядке! И последний патрон я отправил ей прямо в рот. Вставил дуло, направил немного вверх, а потом – БАХ!

На несколько бесконечных секунд воцарилась тишина.

– Я кончил второй раз за ночь.

«Мразь! Я сниму с тебя скальп и затолкаю его тебе в глотку», – вот о чем я думаю и трясусь от своего бессилия.

– Слишком рано, – шепчут все мои голоса, все личности, что поселились в моей голове.

– Знаешь, этой ночью я впервые убил. Нет, раньше я тоже убивал, но так, косвенно. Я говорил: «Убей!» и убивали... Или та же самая Сансара! Она тоже рано или поздно сводит туда, на кладбище, где ты час назад кидал землю... А вообще, я давно замышлял это. Я давно решил, что первой жертвой должен быть кто-то особенный! Кто-то с чистой душой... Я увидел ее кожу, волосы, глаза и эти огненные веснушки и понял – она! Вот моя жертва! – сказал он и замолчал на несколько секунд. – Но, знаешь, просто так убивать мне не хотелось. Я решил для начала совратить, а после поиграть в инквизитора... Такая своеобразная ролевая игра. Как хорошо, что она была податливой. Больше всего меня порадовало ее содействие в распространении нашего замечательного продукта на рынок школьников. Я ей просто сказал: «Ты будешь продавать Сансару в школах». Она взяла десяток пор-

ций и через несколько часов принесла наличные. Мое сердце в этот миг остановилось! Понимаешь! Остановилось от любви! И я понял, что именно она, слышишь, никто другой, а именно она станет моей первой жертвой! И она, совращенная, утратившая душу, в итоге убита.

Он сказал это и расслабился.

– Интересно, а он знает, что спал со школьницей? – пятый голос игриво прозвучал в моей голове.

– Заткнись, мразь! – кричу я, не покидая границы своих мыслей.

– Я убил впервые, и мне это понравилось, – сказал он и расплылся в улыбке. – А ведь раньше я смотрел новости, слушал всякие сводки о серийных убийствах, о серийных убийцах и думал: «Как же так можно?! Убить человека, это же плохо!» – вот что я думал. Но мне было интересно, каково это? Ты прикинь, интересоваться не самой смертью, а процессом того, как кто-то сам принимает этот образ! Коммерсант увлеченно трепался, а я старался не выдавить ему глаза.

– «Это же насколько надо быть самовлюбленной мразью, чтобы стремиться к власти такого масштаба?!», вот что думал я обо всем об этом, а потом, понимаешь, вдруг понял, что я тоже такая же мразь! «О, да! Ты еще та мразь!» – подумал я и сдержал очередной приступ ярости, презрения и желание убить его.

– Сначала эта мысль обидела меня! Как я сам себя могу назвать мразью?! А потом я понял, что это нормальное же-

вание, стремление к власти такого масштаба. При всем при этом я уже обладал большим влиянием, но именно убийцы, ты шарить, браток, именно убийцы обладают совершенной, абсолютной властью, потому что они могут отбирать то, что дал сам Бог! Причем каждый из нас имеет свою, персональную жизнь.

И это говорит сын святого отца, сын святого отца, который пакует наркоту в святом доме, сын святого отца, который хранит и пакует Сансару в храме, в котором тот совершил убийство несовершеннолетней смертельно больной девочки.

– Конечно, ты не бог, чтобы из горстки пепла создать нечто, не алхимик, чтобы гнить в подвалах в поисках соответствующей формулы для создания существа, нет! Такой власти, к сожалению, просто не существует, а вот власть отобрать, это другое дело. Разрушать всегда проще! – сказал он с наслаждением.

– Конечно, проще! И именно поэтому я здесь... Ты моя цель, потому что ты, мразь, и я крючком зацеплю и намотаю на холодный металл твои кишки, – пятый голос вскипел во мне гневом, яростью, презрением, но я сдержался.

– И, знаешь, теперь мне хочется еще. Но просто так убивать будет скучно... Что скажешь? – он бросил мне этот вопрос как кость любимой, безобидной псине...

– Да, конечно, – ответил я, пересиливая ненависть к самому себе, пересиливая желание откусить собственный язык.

– Вот! – протянул он. – Знаешь, здесь есть очень уютный подвальчик. Думаю, будет интересным обустроить там небольшой кабинет... Ты смыслишь что-нибудь в ремонте?

«Попомни, голодный пес сожрет даже своего хозяина», – думаю я.

– Нет, ничего не понимаю в ремонте, – произношу вслух.

– Жаль... Придется нанимать кого-нибудь. Представь, кафельные стены, пол, потолок какой-нибудь тоже под кафель. Все алого цвета, чтобы было меньше проблем с отмыванием всего. Кстати, водопровод с каким-нибудь мощным душем или смесителем, чтобы можно было сразу отмывать все с пеной и мылом и не оставлять следов.

«Хватит! Хватит! Хватит! – кричу я про себя. – Прекрати подталкивать меня... Прекрати соблазнять меня на убийство!»

– Но, опять же, проблема в самом обустройстве... Кому это поручить? – Сам я не могу, ты тоже можешь только землю рыть. Нанимать кого-нибудь? Можно, но проблематично. Все равно что-нибудь заподозрят или... Или это моя паранойя?!... Неважно. Одного человека-многостаночника взять. Но ему платить надо будет в несколько раз больше положенного или, ну, к примеру, испытать на нем... – сказав это, коммерсант задумался и только через несколько секунд будто бы ожил заново. – А что, кстати, это очень даже неплохая идея! Создателя поглотит его же детище!

«Молчи! Молчи, молчи, молчи, молчи!» – вот что я кричу

про себя.

– Выдави ему глаза, вдави кадык... Выкрути, выломай все суставы... Пусть он мучается, пусть будет больно. Потом свяжи его руки, пусть на конце веревки будет петля. Зацепи за автомобиль и устрой ему экскурсию через весь город и, если после этого он останется жив, не спеши избавляться от тела! Залей перекисью, обработай спиртом, дай пару дней, чтобы кожа начала восстанавливаться, и только после этого начни отрезать от него сначала кусочки тела, фаланги пальцев... Снимай с него кожу тонкими лоскутками, заливая перекисью, и только потом, когда от него ничего не останется, когда не будет даже страданий, только после этого убей эту гниду, – злобным, выжидающим шепотом темная материя наговаривает мне план действий.

– Ладно, хватит трепаться. Собирай Сансару и бегом в город, а то работать не кому, работать никто не хочет! Заводы стоят, одни могильщики в стране! – со смехом произносит он.

– Да, работать. Я буду работать, – отвечаю я, беру рюкзак и направляюсь к выходу.

В это время внутри меня метеоритным дождем бушуют мысли, что сыплются одна за другой прямо на сознание. На самом деле я хочу выполнить свою работу, ту, для которой я здесь. Ту, из-за которой я терплю этот ад, общение с этими людьми! Ту, что заставляет меня сдерживать мое собственное безумие!

Выхожу на улицу. Холодно. Этот декабрь, он точно забереет жизни многих, прямо под Новый год! Чтобы очистить даже не этот проклятый всеми богами античности город, а дабы очистить Мир от маленькой, но очень влиятельной части скверны, что обосновалась здесь.

Сажусь в такси, вызванное специально для меня. Оно относит меня по точкам маршрута. Все это время идет снег. Большими хлопьями он сыплется со свинцового неба и прячет под собой серость и уныние.

Я – шестеренка бесконечной системы. Я – частичка броуновского движения. Я люблю прикидываться живым.

И сейчас я знаю каждый миг своего ближайшего будущего. Осталось совсем немного, совсем чуть-чуть, кульминация этого дела, она как смерть, смотрит в мои уставшие глаза...

Конец близок.

Вечер очередного паршивого дня. С момента последней записки прошло трое суток. Я готов к тому, чтобы завершить все. Я совершенно готов к тому, чтобы выполнить свою работу и наконец-таки освободиться от бремени, что гнилым крестом тащится вслед за мной, оставляя на поверхности земли глубокую колею.

Сегодня я проделал огромную работу по подготовке. Сегодня был невероятно тяжелый день. Словно к этим суткам были прибавлены еще одни, возможно, к этим двум была

прибавлена еще пара суток, возможно, даже больше, я этого не знаю. Мое желание покончить со всем туманит разум, не дает мне адекватно смотреть на ситуацию... Это выше меня.

Сегодня вечером я был в своем любимом баре. Там я взял бутылку «дряни» с собой. Там я выпил бутылку «дряни». Там я повстречал старого знакомого. Там мы разговаривали о многом.

А сейчас я сижу и думаю о том, как все произойдет. Хочу спланировать все до мельчайших деталей. Конечно, я понимаю, что по плану не будет, и в итоге меня ждет импровизация, но я хочу иметь хотя бы приблизительный план!

Я спокоен впервые за долгое время. Наверное, впервые за все те жизни, которые я уже успел прожить. За все то время, пока я назывался разными странными, чужими, не принадлежащими мне именами. За все те годы, которые я провел в компаниях, которые становились мне семьей... Я очень устал от всего этого и в предвкушении окончания успокоился, смирился. Теперь только два исхода, очень прозаичных: все или ничего. Я готов к любому.

Вместе с этой готовностью время, словно вода, утекает сквозь пальцы, и наступает очередной паршивый и холодный день декабря в этом ненавистном мне городе.

Выхожу на работу, выхожу копать могилы. Но мои враги не лягут ни в одну из этих ям. Я приготовил для этих людей нечто более шедевральное, нечто более интересное.

Затем меня отправляют в город с очередной партией Сан-

сары для школьников, политиков, работяг и прочих, кому, как сказала она, просто не хватает кайфа в этой дерьмовой жизни.

Я бегаю с одного конца города на другой. Я суечусь, как одна из пчел улья, что старательно собирает нектар. Сердце стучит как бешеное. Оно словно заранее готовится к своей остановке и поэтому вырабатывает максимально возможное количество ударов... Я как дерьмо в проруби...

Мне кажется... Нет!... Я точно уверен в том, что за мной следят. Я чувствую это, чувствую тот взгляд, что выискивает мою фигуру в биомассах, пульсирующих по городу, но мне не страшно. Смирение, оно пришло внезапным пинком под задницу, оно явилось ко мне осознанием возможной скорой смерти. Очередная возможность моей скорой смерти вновь ворвалась в очередную мою жизнь осознанием конечности всего сущего. Теперь в случае чего будет не так обидно сдохнуть и провалить миссию... Будет не так обидно сдохнуть и не закончить это важное дело.

И вот вечер этого самого дня. Разбавляю нитрозепам в двух стаканах воды на кухне этой проклятой церкви. Беру их со стола и иду в главное помещение. Там меня уже ждут два совершенных демона. Отец и сын, что пропитали святое место грехом. Они меня ожидают, потому что я сам попросил их об этом. Сказал, что есть кое-что очень важное, что мне необходимо им сказать.

Встречаюсь с ними и передаю стаканы. Без задней мысли

они берут их и отпивают по глотку. Ловушка захлопнулась.

– Я хочу вам сказать огромное спасибо за то доверие, что вы мне оказали...

«Теперь вам, мразям, не уйти, не избежать кары», – думаю я и продолжаю произносить свою хвalebную речь.

– Вы сейчас самые дорогие и близкие люди, что даровали мне кров, тепло, работу и пищу...

– Если на этом все, – перебивает меня сын жирного убудка, – То мне пора идти.

Он зевает, затем делает два шага и падает на пол.

Смотрю на священника. Он замер. Глаза открыты и бесчувственны... Он сверлит стену напротив. Указательным пальцем надавливаю ему на лоб, и он, словно неподвижная статуя, опрокидывается и падает на спину. Он уже спит.

У меня есть примерно час, чтобы подготовить все. Начинаю перетаскивать тела этих двоих. Пока я вожусь с телом коммерсанта, из кармана его брюк выпадает небольшая вещьца. Это тот самый портсигар, который принадлежал Снежинке. Открываю, он заполнен до упора. Забираю себе этот подарок обстоятельств.

Кое-как веревками привязываю их к кресту, под которым, лежа в купели, я жрал «дрянь» вместе с той девушкой в белом халате.

Пока они все еще находятся в плену мира Морфея, я при-таскиваю из своей лачуги канистры с бензином.

Последние штрихи. Я стою за трибуной. Позади меня

крест и заключенные на нем демоны. Передо мной канистры, трибуна, на ней лежит святая книга.

– Поехали! – первый голос.

– Начинаем! – второй голос.

– Подрубай шарманку! – третий голос.

– Шоу продолжится, как только закончится эта часть! – четвертый голос.

– Пришло время для живописного убийства! – пятый голос.

– Поджигаем! – темная материя.

– Во имя отца и сына, и святого духа, боже всемилостивый, прости меня грешного и услышь мои мольбы, – начинаю бубнить себе под нос.

В этот момент окончательно собравшийся с мыслями коммерсант начинает орать на меня.

– Будь благосклонен и выполни одну мою просьбу. Сотвори из бензина воду. Воду пропитай духом святым, сущностью своею, а после позволь жидкости святой вспыхнуть праведным пламенем, что очистит души падших от тел их бренных и вознесет к тебе на небеса, дабы предстали пред тобою на суде.

– Что ты творишь, гнида безумная?! – доносится до меня крик.

Просыпается священник и взглядом, полным недоумения, окидывает зал.

– ... Господи боже, прости меня грешного и позволь быть

очищающим оружием твоим на земле грешной. Прости мне мою слабость и прости мне мое участие в совершении злодеяний, а после и мою душу прими у себя, дабы совершить суд.

– Что происходит? – поверх крика коммерсанта возникает голос жирного ублюдка.

– Он читает нам реквием! – сын отвечает отцу, и в этот момент к ним приходит ясное понимание твердости моего намерения.

– Сынок, отпусти нас, – обращается ко мне. – Каждого может бес попутать, и ты не исключение. Мы все пойдем, я все пойму... Ты лишился всего, и это до сих пор гложет тебя. Это не дает тебе переступить через прошлое, что ты не можешь вспомнить, и жить дальше, – говорит он, и я начинаю понимать, почему люди по второму кругу покупают могилы, почему приходят на службы, что тот ведет, не придерживаясь священного писания.

– Господи всемилостивый, услышь мои мольбы и сквозь священную жидкость, что несет очищающий огонь, прошу тебя, упокой те души, что ошибочно попали во владение проклятой земли, и освяти это место через сожжение нечестивости, – продолжаю бубнить и беру первую канистру с бензином.

Начинаю поливать освященной жидкостью зал, стены, скамейки. Вторая канистра тоже расходуется на это. Третья же выливается на демонов, что плотно связаны веревками. Осталась всего одна канистра. Она понадобится мне позже.

– Во имя отца и сына, и святого духа. Господи, прости меня грешного и позволь прожить еще несколько дней под твоей опекой. Даруй мне дар быть дланью карающей твоей, что несет в себе гнев твой, – проговариваю я сквозь крики коммерсанта, сквозь попытки его отца убедить меня. – Молю, будь добр к душам заблудших и охраняй души чистые...

Я подхожу к трибуне. Забираю с нее томик библии и иду к дверям, ведущим прочь.

– Я верующий, но религия – это яд для человеческой души. Все то, что вы делали, очерняло веру, и теперь этому конец.

Сказав это, я достаю коробок спичек.

– Прощайте, – говорю я. – Да пощадит всемогущий господь ваши души.

С этими словами я запускаю зажженную спичку в зал. В следующий миг пламя вирусом охватывает помещение церкви.

Я смотрю на это. Будто бы фрагмент фильма в замедленной съемке. Пламя расплзается и наполняет собой пустоты. Оно взаимодействует со средой и выделяет большое количество тепла, оно жадно пожирает кислород, оно выплевывает дым.

Крики наполняют это место. Это те двое, которых я связал. Они, их тела протестуют и наполняют последние мгновения жизни нестерпимой болью. Эти двое, они проклинаят меня, они ненавидят меня, они не боятся меня, они готовы

вцепиться зубами в мое горло и пустить горячую кровь по обугленным телам. Я смотрю на то, как они стараются избавиться от веревок, которые крепко держат их на кресте.

Достаю из кармана портсигар, оттуда беру скрученный косяк и подкуриваю его о пламя горящей церкви. Делаю глубокую затяжку.

– Прощайте, – говорю я и отворачиваюсь от этих двоих.

В это время пламя поглощает все комнаты.

– Уничтожу! – священник освободился от веревок.

Его тело горит. По какой-то причине он все еще жив, все еще может двигаться. Он снимает распятие с обгоревшей жирной шеи и берет его в руку как нож. Я был прав, это не человек, это демон.

– Уничтожу! – кричит он и срывается с места.

Дряблое тело колышется во все стороны. Прилипшие кусочки одежды догорают на нем. В глазах его безумие и жажда крови. Я заморожен этим зрелищем. Даже не могу двигаться. Просто наблюдаю за тем, как он несется на меня... Такое ощущение ты испытываешь, когда смотришь на автомобиль, что с большой скоростью приближается к тебе, а ты не можешь уйти с дороги, потому что тело не двигается, потому что никаких мыслей нет... Это как погрузиться в состояние гипноза.

Внезапно жирный убудок спотыкается. Крест из его руки вылетает и делает длинную дугу в мою сторону. Это, как щелчок пальцев, возвращает меня в Мир, и я отклоняюсь в

сторону. Крест вылетает из церкви и втыкается в снег длинным концом вверх. Следом за ним, потеряв равновесие, по инерции, летит обгоревшее тело, наполненное безумием и ненавистью. Оно минует меня, оно следит глазами за тем, как я проплываю мимо, оно поворачивается вслед за моей фигурой в поле зрения. Еще через миг священник падает головой на крест. Длинный конец пробивает череп и выходит по центру лба. Теперь это тело очищено от демона с помощью огня и артефакта. Я смотрю на это. В одной руке канистра, в другой косяк. Сильный ветер декабря уносит дым церкви в сторону города. А я направляюсь к лачуге, чтобы сжечь ее, спалить дотла.

Заливаю жидкостью это место... Заливаю бензином и вспоминаю этот сплошной ужас жизни в этом месте. Но теперь с этим покончено. Я заливаю бензином это место, наслаждаясь звуком каждой капли, запахом, пропитывающим стены. Вдалеке слышны звуки сирен.

– Это полицаи, это пожарные, это скорая помощь, они приближаются к пожару, что освободил своим праведным пламенем две души. В скором времени слепцы потушат его и вновь воцарится власть хаоса, – произносит пятый голос.

– Ты видишь спрута? – четвертый голос.

– Он старательно кидает свои щупальца на пламя церкви, обжигается и бросает вновь, – третий голос.

– Он пытается потушить пламя, сотворенное тобою, потому что религия этого города – основной приток его пищи,

его кайфа, его еженедельного воскресного рациона, – второй голос.

– Теперь ты точно знаешь, кто этот спрут! Теперь ты точно знаешь, кто за тобой следит! Теперь ты точно знаешь, кто виновен во всем! – кричит первый голос. – И, если ты выживешь, если ты все сделал правильно, то мы сможем обрубить его щупальца, вместе! – Мы отомстили демонам за смерть близких и докопались до сути, до правды... – внезапно тихо и спокойно начала свое движение темная материя внутри меня. – Личные счета сведены, а цель, она убежала от меня, как кусок ваты от гончей, бегущей по кругу.

Я – бешеный пес и я не могу остановиться. Большая часть мозга повреждена... Рассудка, разума, мыслей – всего этого больше нет. Я слепо идущий к своей цели. Я глупец.

Стою на улице. Новые сирены щупальцами спрута приближаются ближе к полыхающему оплоту религии. Холодный ветер декабря уносит дым церкви в сторону города. Где-то там, в одном из зданий, одинокая фигура смотрит на багровое шоу пожара.

Я стою на улице. Ноги утопают в снегу. Холодно. Пахнет гарью. За спиной шумит контроль над ситуацией. Вновь достаю портсигар. Подкуриваю. Делаю глубокую затяжку. Чувствую взгляд, сверлящий мою спину. Смотрю на спичку – маленький кусочек дерева, что чернеет и съезживается от маленького огонька. Бросаю в снег. Она гаснет с шипением. Поджигаю еще одну и бросаю в лачугу. За несколько секунд

ее поглощает прожорливый демон пламени.

– Если все пойдет по плану, мы еще сможем увидеть расцвет, – первый голос.

– Если все пойдет по плану, мы сможем догнать этот кусок ваты, – второй голос.

– Если все пойдет по плану, мы выпьем «дряни» в «Посадочной полосе», – третий голос.

– Если все пойдет по плану... – начинает четвертый, но его перебивает пятый.

– Мы забыли «дрянь» в хижине! – вот что он орет бешено.

– С этого момента не все идет по плану, – произносит темная материя, а я разворачиваюсь и ухожу в сторону кладбища.

Последняя возможность увидеть солнце.

Открываю глаза. Холодно. Темно. Тесно. Нет возможности двигаться. Я в могиле... Меня все-таки поглотило это кладбище... Оно поглотило меня заживо, и теперь я лежу среди трупов. Недалеко от девушки с кожей цвета облаков и веснушек цвета огня.

Затылок болит. Эта боль проникает под кость черепа. Помню, как подошел к могиле той самой малолетки и бросил под мрамор портсигар. Все это время я четко чувствовал давление глаз человека, за мной следящего. Я знаю, что это его работа. Я в курсе того, что этот хомосапиенс – один из щупальцев того самого спрута. Он поймал меня...

Лежу в могиле, в гробу. Здесь хорошо, здесь удобно.

Единственный минус – отсутствие свежего воздуха... Еще один минус, если подумать, это ограниченность времени, которое я могу провести здесь и не сдохнуть. Из-за этого приходится контролировать дыхание, чтобы протянуть как можно дольше.

Возможно, по причине кислородного голодания, я начинаю слышать галлюцинации, начинаю их придумывать... Кто-то вновь подрубил мультипликатор моего сознания к сети 220, и теперь тот работает на полную катушку. Становится страшно. Начинаю молиться.

Я вновь слышу нечто похожее на шуршание, нечто похожее на попытки вдохнуть, нечто похожее на скрежет зубов. Мне вновь кажется, что мертвецы начали двигаться, и они подбираются все ближе. Я представляю то, как сверху, на поверхности стоит смерть и смеется. Она видит то, как я покину мир живых и отправлюсь вместе с ней в мир мертвых. Самое страшное, что в такие моменты я сам во все это верю.

Я слышу, как по земле наносятся удары, слышу шаги. Я слышу, как мой гроб окружают, как в земле, так и над ней. Всем им нужна моя плоть, чтобы утолить свой голод.

Я питательный кусок мяса.

– Не дергайся, – первый голос.

– Успокойся, – второй голос.

– Глубокий вдох, – третий.

– А за тем выдох, – четвертый голос.

– Ты просто лежишь в могиле, – пятый голос. – Ты же

был готов к этому! Встречай действительность своей готовностью. Тем более, что назад не откатишь, не отмотаешь.

Я слушаю голоса, которые сплотились и сейчас выступают на моей стороне. Впервые за долгое время они делают это, для того чтобы стабилизировать мое состояние. Они отвлекают меня, они отвлекают фокус моего сознания от мультипликатора. Мне становится спокойнее. Дыхание стабилизируется. В момент начала галлюцинаций оно сбилось, участилось и это сыграло плохую службу: теперь отведенного мне времени еще меньше. Пытаться выбраться отсюда нет никакого смысла.

Единственное, что мне остается, это ждать. Ждать спасения, на которое я рассчитываю согласно плану, что я разработал. Согласно ему меня должен вытащить один друг.

С этими мыслями приходит осознание, что все эти звуки, так всполошившие мою фантазию, они могут предвещать не смерть от голодных мертвецов, а спасение от рук все еще живого. Это расслабляет меня еще сильнее. Это дает надежду, что ночь еще не окончена, что это все тот же паршивый день в этом ненавистном мне городе, где я родился и вырос, где я прожил несколько жизней и где, рано или поздно, я умру.

Эти мысли мелькают во мне ленивым калейдоскопом, пока я лежу в гробу, под землей, среди трупов других таких же, как и я, людей, только мертвых.

– Что же дальше? – появляется вопрос. – Дальше лишь вечность ожидания здесь, где нет понятия времени. Возмож-

но, на самом деле я уже мертв... Просто то, что называется душой, не может оторваться от гниющей плоти... Еще не минуло сорок суток. Или же моя упертость тверже камня, как кованая сталь, и она держит какую-то часть квинтэссенции меня в уже остывшем теле?

Размышления уносят меня рекой вниз по течению. Звуки извне становятся четче и громче. Она все же следила за тем, кто следил за мной. Ночь еще не окончилась... Эти сутки, они чертовски длинны.

Я слышу, как по поверхности гроба начинают скрести... Не самый приятный звук. Он вселяет холодные ветра декабря прямо внутрь меня, и теперь я чувствую леденящий ужас.

– Живой? – девичий голос проникает под крышку.

– Да, – с трудом выдавливаю из себя.

– Отлично, значит, я не опоздала. Сейчас, подожди минуту.

Слышу треск дерева, металлический скрежет, мат. Она возится с оболочкой, в которую я спрятан.

– Как ты? – вновь с трудом выдавливаю из себя.

– Слышь, молчи там! Во-первых, у тебя обезвоживание, во-вторых, с тебя причитается, сечешь, дядя? – злобно ворчит она.

Решаю заткнуться в ответ на такую речь и лежать смирно.

– Толкай крышку! – кричит она.

Делаю так, как она сказала. Сверху на меня сыплется пыль и грязь. Мои глаза вгрызаются в ночь, в свет луны... Больно.

Она стоит на краю ямы и смотрит вниз на меня. Протягивает бутылку воды.

– Пей! – говорит она, и я начинают пить. – Эй! Тихо! Маленькими глотками!

Чувствую, как желудок наполняется водой... Слишком много жидкости сразу... Меня рвет водой.

– Я четверо суток палила за тем, как палят за твоей могилой. ЧЕТВЕРО СУТОК! Уже думала, что ты отошел из этого дерьмового мира! Прикинь!

– А я здесь...

– Да... И даже не особо воняешь. Короче, быстро вылезай, быстро закапываем место и валим отсюда. Жопой чую, сюда еще явится наблюдающий.

Молча соглашаюсь с ней и прилагаю все силы, чтобы выбраться из своей могилы. Мышцы уже успели атрофироваться... Тело само по себе согласилось с погребением, со смертью и начало умирать... Силы начали покидать каждую клеточку моего существа.

– Плохо! Очень плохо! Мне придется дергаться самостоятельно, – суетливо говорит она. – Короче, там... за сортиром, в деревьях, я оставила машину. Крути свои педали туда, двигайся в ритме вальса, я догоню, как закончу здесь.

Вновь молча соглашаюсь и выдвигаюсь в назначенное место. Каждый шаг дается с трудом... Представляю себя годовалым ребенком, что с трудом держит баланс и кое-как переставляет пухлые ножки.

– Если бы я сейчас увидел здесь такого карапуза... – первый голос.

– Решил бы не идти ему навстречу... – второй голос.

– А лучше развернуться и уйти прочь... – третий голос.

– И больше никогда сюда не возвращаться, – четвертый голос.

– А что, если младенец погонится?! – дичайше смеясь, задается вопросом пятый голос, и по спине проползает холодная змея.

Через полчаса преодолев пятиминутную дистанцию, усаживаю свои кости, свои складки, свои кости и органы на пассажирское сиденье. Обычная девичья машинка. От мягкой игрушки на заднем стекле до мягкой прокладки на руле.

– А, с другой стороны, все очень даже неплохо, – первый голос.

– Ну да... Черная маленькая машинка для мисс в белом, – второй голос.

– Она и сама, знаете, как зебра, – третий голос.

– Полосатая, как и жизнь... – жестко стебясь, говорит четвертый голос, подхватывая общую волну.

– Заткнитесь! – внезапно появляется пятый. – Спасибо сказали бы ей! Она, только подумайте, как ангел-хранитель, который во второй раз вытаскивает нас из болота полного дерьма.

Пока бешеная моя и самая молодая прошлая жизнь отчитывает другие по полной программе, я откидываюсь на си-

день и закрываю глаза. Желудок начинает громко урчать.

– Голод?! Не уж-то голод?! – думаю я. – Сейчас я бы согласился даже на те бургеры, что приносил сыночек проповедника. А они были не такими питательными, как те помои, которыми я питался последнее время...

Проваливаюсь в липкий тяжелый сон. Мелькают моменты моих прошлых жизней. Иногда всплывает лицо усатого мужчины, который разговаривает со мной, который внимательно слушает, который думает о каждом сказанном мною слове... Вижу, как мы стоим на краю одной из могил покинутого мною кладбища. Мы бросаем горстки холодной земли. А до этого я плыл сквозь формирование каждой из моих жизней с первой до пятой... Потом эти похороны... Все это было со мной, все это мое, все это я.

Сквозь этот сон я помню, как хлопает дверь автомобиля. Она смотрит на меня. Громко ругается. Потом мы куда-то едем... Сквозь сон я помню, как она помогает мне выбраться из салона... Появляется еще одна личность. Мы знакомы, но сквозь этот смазанный сон в реальности я не могу разобрать, кто это. Я словно сильно пьян, фокус на реальном мире не задерживается больше, чем на секунду... Они помогают мне куда-то зайти, а потом наступает глубокая тишина и полная темнота.

А потом, не открыв глаза, не успев открыть глаза, заранее, начинаю проклинать весь мир и этот дрянной город, наполненный гнилью, желчью, пороком, продажными поли-

тиками, снами девушек и девушками-снами, мертвыми душами, душами живых мертвецов и пока что живыми, но уже мертвецами, щупальцами спрута, наполненного песенкой того чертенка.

Тело ломит, голова болит, желудок пуст и, кажется, прилип к позвоночнику. Так паршиво мне не было уже много лет. Сквозь веки не проникает, не ломится ужасный электрический свет, не пытается пробраться солнечный свет. Темно. Тепло... Я не в лачуге, не в гробу... Я где-то...

Открываю глаза.

Вместе с этим я понимаю, что меня напрягает одно не совсем понятное ощущение. Оно расположено в районе вены, и туда ползет моя свободная от этого рука. Под кожей игла. От нее отходит длинная трубка и поднимается вверх.

– Капельница.

Через миг слышу какие-то движения. Приподнимаю голову, чтобы осмотреться. Ко мне приближается черный силуэт. Он потирает лицо руками, стараясь избавиться от сна, в котором тот пребывал несколько мгновений назад.

– Да... – тянет знакомый мне голос. – Вот это тебя колбасит. Даже не могла бы подумать о том, что в итоге ты будешь валяться на моем диване в состоянии, граничащем со смертью.

– Кто ты?

– Приколно! – оскорбленно выпаливает она. – Вместо «Спасибо!» услышать «Кто ты?», Ты совсем берега перепу-

тал местами?

– Не, серьезно...

– А я тоже не шучу, – сказала она и насупилась.

Я это понял, почувствовал сквозь темноту, но не увидел. Ее личность по-прежнему оставалась для меня инкогнито.

– Значит, когда тебя сюда притащила Мила, я, вся такая добросердечная, должна была пустить тебя сюда, хотя она все время держала меня в курсе событий, с самого начала вашего плана.

«Меня предали, – мелькает в мыслях и остается там же. – Она обещала никого не просвещать, никому не открывать...»

– Выдергивай иглу, – первый голос.

– У тебя хватит сил, чтобы перебороть эту девку, – второй.

– Потом приставь острое к сонной артерии, – третий.

– Давай! Тебя предали! Это ловушка, чтобы растоптать и сжечь в печи крематория твою надежду! Они заодно с головой спрута, заодно с его щупальцами! Они тоже его щупальца! – четвертый истерит у меня в голове.

– Заткнитесь! – злобно рычит темная материя. – Я знаю эту девушку. Она неопасна.

– Что?! – в один голос возникают все мои прошлые жизни, кроме смеющейся пятой.

– Да-да-да! Этот голос... – начинает говорить пятый и вновь заливается смехом. – Как же я раньше не понял!

– Кто она?! – встревожено вопрошает четверка.

– «Посадочная полоса»... – на выдохе произносит темная материя, и в эту же секунду тьма в комнате, она словно немного отступает, появляются блики, которые полутонами белых и серых очерчивают лицо девушки.

– Так это ты... – выдавливаю из себя.

– Так-то лучше, – отвечает девушка, и я вижу, как ленты губ растягиваются в улыбке. – Как ты? – Как я вижу, дерьмово.

– Что это? – указываю на иглу.

– Это Мила. Она поставила тебе капельницу из физраствора и чего-то там еще. Это чтобы ты немного пришел в себя. Тебе бы еще поесть, и вообще будешь как новенький!

– Где она?

– Как где? На службе своей клятве.

– Где?

– На смене, в больнице. Ты проспал два дня, и от тебя воняет. Она придет через час-полтора и освободит тебя от всего от этого, –она махнула рукой в сторону капельницы.– Потом ты пойдешь привести себя в порядок, а после мы подкинем тебе в топку жратвы...

– Почему ты так добра ко мне?

– Зуб за зуб, если так можно сказать, –говорит она, и я вспоминаю ту ночь и переулочек с теми ублюдками.

– Спасибо...

– В расчете, – говорит она, а затем уходит в соседнюю комнату.

Там включает свет, и он тонкой линией проникает в помещение со мной сквозь щель между приоткрытой дверью и рамой. Она начинает возиться, иногда ругается матом, иногда чем-то стучит, и так длится минут пятнадцать, а потом я начинаю улавливать запах готовящейся еды. Нет ни треска, ни шипения, и это позволяет мне сделать вывод о том, что девушка варит суп. Желудок резко съезживается, требуя пищи.

– Ну, ты же понимаешь, что это еще не все? Ты же понимаешь, что наша задача, наша цель достигнута только наполовину из-за выяснившихся, из-за появившихся, подтвердившихся опасений? – темная материя пробирающим шепотом начинает свое движение внутри меня.

– Да... – выдыхаю я. – Рыба начинает гнить с головы, и пускай спрут – это головоногий моллюск, он, как и другой обитатель вод, гниет, как и все, начиная с головы. В нашем же случае мы уже опоздали, и единственное, что нам остается, так уничтожить эту заразу.

– Да... – выдыхают она и пятый голос вместе. – Мы должны подарить этому городу кровавый дождь, что послужит назиданием, что послужит примером, что послужит историческим событием, равно как изгнание религии; как выжигание бородавки-религии из непорочного тела веры!

– Настало время сделать это... Пришло время признать, что он был прав, и выслушать его план, – говорю я, уставившись в потолок. – Ну что, усатый, жди меня. В скором вре-

мени я приду.

– Эй! С кем ты там разговариваешь? – крик из соседней комнаты возвращает меня из мира размышлений.

– Нет! Ничего. Просто мысли. Когда Мила придет, я вам все расскажу, – кричу в ответ и закрываю глаза.

«Мне необходимы силы, мне нужно восстановление, хотя бы пара дней, чтобы прийти в себя, и только после этого я смогу дать этому городу еще одну, последнюю возможность увидеть солнце, – вот о чем я думаю, лежа в темной комнате на диване.

Через некоторое время раздается стук в дверь. Мое вынужденное заключение на благо организма окончено.

Мила заходит в комнату и включает свет. Он резко врезается в кристаллики глаз. Больно. Слишком долго, слишком много времени мои глаза не получали свет, и теперь он доставляет мне только мучения. Это все равно, что всю жизнь стремиться попасть в рай, соблюдать заповеди, не есть жирной пищи, не заниматься сексом, читать молитвы, переводить через дороги сварливых мерзких старух и потом уже, после смерти, оказавшись в раю, понять, что все это было круто и даже правильно, но здесь слишком светло! То есть вся предыдущая жизнь была настолько наполнена мраком и серостью, что теперь, там, где всего должно быть в меру, все должно приносить счастье, все то, что должно быть раем, лишь режет глаза. И нельзя сказать, что ты несчастлив, нет! Ты добился своей цели, прожил праведную жизнь, и ты

в раю, ты – молодец! Но жизнь в этом месте лично для тебя сопровождается постоянной, мерзкой, ноющей болью... Вот же лажа!

– Ну, что! Готов жрать? Мыться, бриться и в последний, самый сложный, бой направиться, чтобы очистить улицы от скверны?! – выпаливает она.

– С чего такой энтузиазм?

– От скучной размеренной жизни, которая для меня, как петля на шее! Не могу я так... А ты постоянно вносишь хаос! Ты словно пророк, посланный древним богом Хаосом, чтобы всполошить этот омут. И ты делаешь то, что должен, и делаешь это прям очень круто!

– В смысле?

– А, ну да, ты же у нас восстал из могилы и был возвращен с того света уже здесь, на этом самом диванчике для гостей... Ты же не в курсе.

– В курсе чего?

– Ну, ты сам-то как думаешь? Тебя ищут. Точнее как, ищут того, кого можно было бы назвать твоим именем и спихнуть на него все твои поступки, связанные с огненным шоу на окраине города.

– Политиканы...

– Они самые, мой дорогой. Так что, знаешь, ты в любом случае нужен этому городу еще, как минимум, один раз. Только так, чтобы это было основательно. Конечно же, навсегда не получится, но на пару лет... Так-то можно жак-

нуть!

– Сделай одолжение, – говорю я.

– Какое?

– Дай мне ручку и листик, я напишу номер телефона.

Потом позвони и скажи, где мы находимся. Скажи, что я здесь... Тогда он точно придет.

– Придет кто? – спрашивает она.

– Да так, один усатый персонаж, – говорю я.

«И почему же я так ненавижу твои усы?!» – мелькает в мыслях вопрос.

– Ты уверен? Может, сам позвонишь и расскажешь, а, главное, подальше от этого места?

– Нет, все нормально. Если ты боишься предательства, то ты вообще зря согласилась на эту игру.

– В этом есть смысл, – говорит она и уходит, чтобы через минуту вернуться и протянуть мне то, о чем я просил. Кое-как пишу номер телефона и имя человека.

– Разберешь?

– Да. И что сказать?

– Скажи что «он» увидел всю картину и теперь согласен. А потом можешь сказать адрес и попросить его приехать сюда.

– Ты думаешь, что по слову «он» этот человек поймет, о ком пойдет речь?

– Я не думаю, я уверен в этом, – отвечаю я, а после добавляю: – Скоро ты все узнаешь.

– Интриган! – говорит она, разворачивается и уходит из

комнаты прочь.

Минут через пять возвращается, смотрит на капельницу, а после с довольным видом вынимает иглу из-под моей кожи. Девушка помогает мне встать и дойти до ванной.

– Сам справишься? – с улыбкой произносит она, открывая передо мной дверь.

– Уж с чем, а с этим справлюсь. Не стоит так переживать, – язвительно отвечаю ей и захожу в помещение, обшитое белым кафелем.

Эта картина возвращает меня к тому разговору с сыном жирного ублюдка, о подвале для свежевания человеческих тел как туш животных, и от этого по спине пробегает холодный ветер декабря.

– Как же хочется жрать, – вслух произносят все голоса.

Желудок урчит и, кажется, вновь обволакивает позвоночник. Начинаю быстро, насколько это возможно, двигаться и приводить себя в более-менее приличный вид. Примерно через полчаса выхожу из ванной комнаты. За это время я порядочно устал стоять. Мышцы отвыкли от нагрузок. Я понимаю, что мне необходима неделя, чтобы прийти в норму. Все же мое тело приняло смерть, и лишь протестующая душа по сей час продолжает дергать за ниточки, чтобы этот кусок мяса двигался.

– Садись, будем кушать, – говорит барменша из моего любимого заведения. – Только давайте для начала помолимся о том, чтобы живыми выйти из-за стола. Готовить я не умею.

– Значит, мешать алкашку и заваривать кофе мы умеем, а вот приготовить суп для нас слишком сложно? – ядовито выдавливает из себя Мила.

– Знаешь, могла бы и сама приготовить, раз такая умная, – отвечает девушка.

– Ладно-ладно, шучу я. В любом случае, я вообще не готовлю, и не готовила. Вот найти вену – вот это мое. А готовить...

– Бабы, хватить скалиться друг на друга. В следующий раз с меня ужин.

– О как! – взрывается Мила.

– Да, так. Вообще, ты позвонила?

– Да.

– И?

– Он сказал, что приедет чуть позже.

– Хорошо.

– Но его голос. Слишком знакомый. Кто он?

– Увидишь, – отвечаю я и вспоминаю последнюю встречу с усатым стариканом.

Это было не так давно. Я пришел к нему. Я каждый месяц приходил к нему с отчетом о проделанной работе. Он всегда смотрел на меня с усталостью и печалью. Он говорил о том, что все то, что я делаю сейчас, все это напрасно. Что все кроется намного глубже, что я всего лишь усугублю ситуацию, что убивать, уничтожать зло такого рода надо отрубая голову, а не начиная с рук или ног, но я не слушал его...

Глупец. Именно поэтому теперь, ошибившись, но воплотив возмездие в жизнь, я могу спокойно согласиться с этой старой предпенсионной рожей и сказать ему об этом.

Я глупец...

Теперь мы будем действовать вместе. Так надо было действовать с самого начала, но, вполне возможно, моя амбициозность и слепота не давали мне сделать это. Ведь всю свою жизнь я шел только вперед, напролом. И, конечно, сейчас меня никто и ничто не держит на месте, но, очутившись в гробу... После этого мне резко захотелось жить... Даже не смотря на то, что мое тело уже смирилось с погребением и начало умирать. И, да, я обещал нормально жить, а в итоге лишь нарушаю обещание... Это неправильно! Это совершенно неправильно!

Все слишком сильно запуталось. Прозрачное, чистое стремление выжигать бородавки из тела общества привело меня к множественному расслоению личности, и я это понимаю, осознаю. Именно поэтому я практически всегда молчу, именно поэтому редко отвечаю и вступаю в спор тех, кто остался в моей голове... Ведь они больше не нужны мне, больше никому не нужны, но из-за преданности делу они считают, что нужны мне. Поэтому неотступно продолжают сопровождать меня... Как же я устал...

Погрязнув в болоте своих мыслей, я пропустил длинный диалог девушек, что спасли меня. Даже не знаю, что они обсуждали, но потом Мила спросила меня: «Что ты думаешь?».

И единственное, что я смог сказать: «Вы обе правы ровно наполовину». Не было смысла принимать чью-либо сторону.

На самом деле я подписал сам себе тем самым смертный приговор. Теперь эта пара накинулась на меня, закидывая аргументами и отстаивая свои точки зрения. По какой-то странной причине каждой из девушек было важным отстаивать именно свою точку зрения. А я сидел и молил Бога спасти меня. Возможно, он услышал меня... Возможно, он посчитал, что за ним должок и теперь, именно в этот момент, решил расплатиться со мной пустяком, тем самым избавив себя от возможных проблем в дальнейшем... Возможно, мне просто повезло. Раздался стук в дверь, и девушки замолчали и напряглись.

– Мы с вами разговаривали по телефону, – крикнул голос за дверь, и Мила приподнялась со стула.

Она медленно пошла к двери. В этот момент она была похожа на крадущуюся кошку. Стук в дверь повторился.

– Открывай уже, – не выдержала давления вторая девушка. – Либо сдохнем быстро, либо будем сидеть и трястись.

В этот момент Мила открыла дверь, и в квартире повисла тишина. Усатый человек вошел в комнату и окинул всех взглядом. Глубокие морщины на его лице могли сказать лишь о преклонном возрасте мужчины. Большие мешки под глазами и уставший от всего, наполненный грустью взгляд. Девушки знают его. Мила пятится от двери к столу. Тихо, не издавая ни единого шороха. Вторая девушка встает со стула.

Ее руки дрожат, и это видно даже издалека. Зрачки расширены, дыхание частое... Адреналин лупит, страх наполняет сердце. Она направляется в сторону кухни. Я читаю каждую из мыслей на ее лице: нож, самозащита, побег, немедленный переезд из этого паршивого города...

Тем временем мужчина просто застыл посреди главной комнаты и уставился на меня. Пускай его лицо старо, пускай работа оставила на нем отпечаток и он в состоянии контролировать и свои эмоции, и даже мимические мышцы, но я вижу, что он рад меня видеть живым.

– Здравствуй, – говорю я.

Девушки напрягаются еще сильнее и переводят взгляды с фигуры старика на меня.

– Я был неправ. Я был ослеплен жадной справедливости.

– Справедливость и месть – два разных понятия, и вершить одно во имя другого глупо. Я тебе об этом уже говорил.

– Я не хочу рассматривать вопрос понятий и значений...

Просто хочу покончить со всем с этим.

Его брови сдвинулись, а на переносице собралась складочка. В глазах взорвался атомный снаряд, и там, в черных зрачках я увидел вздымающееся облако пыли.

– Ладно... – сквозь зубы говорит он. – Не будем. Что ты в итоге хочешь сделать?

– Я хочу, чтобы ты мне помог. Я хочу нести свой... Наш крест до конца... Мне это необходимо.

– Зачем?! Ты хочешь, чтобы тебя нашли и закопали в яму?

Там, где ты работал, чтобы совершить то безумие, что ты уже совершил... Ты посмотри, послушай новости, тебя ищут на каждом углу! А я уже устал отвечать на тупорылые вопросы! Я еле избавился от хвоста, что плелся за мной.

– А ты знаешь, что технически они ищут не меня?

– В смысле?

– Вот эта девушка, – указываю рукой в сторону Милы, которая в данный момент похожа на сжатую пружину, готовую распрямиться и тем самым выстрелить. – Она раскопала меня из могилы... Меня уже похоронили, я уже мертв! Ты понимаешь это!?! Ты понимаешь, что все, то что происходит с тобой и вокруг тебя, все это лишь для того чтобы...

– Отвлечь и сотворить что-нибудь страшное... Подставить кого-нибудь, сказав, что это ты... – медленно, практически шепотом произносит старик – Сансара... Ты думаешь, что ему нужна Сансара?

– А что еще? – спрашиваю я. – Это то, что необходимо спруту, чтобы вырасти и закинуть свои щупальца куда-нибудь еще, в другие города, и сейчас он должен забрать себе производство... А я, получается, тоже был лишь марионеткой, и я сыграл ключевую роль этого спектакля, этой холодной войны за кайф.

– Что?! О чем вы?! Что происходит? – вмешиваются девушки. – О ком вы? Что будет дальше?

Мы просто молчим, просто смотрим друг на друга и оба понимаем, к чему это приведет.

– И? Что ты хочешь? – спрашивает старик.

– Как думаешь, что может сделать самый высокопоставленный полицейский нашего проклятого города? – спрашиваю я.

– В принципе, все зависит от желания... Так что я способен на все. Никаких границ, – отвечает он.

– Отлично, – говорю я. – Именно это я и хотел услышать. Мне нужна твоя помощь, папа...

Конец.

Я коп, работающий под прикрытием. Я профессиональный предатель. Я актер, который достоин, но не будет удостоен премии «Оскар». Страдаю расслоением личности... Давно, начиная со своего первого задания. Оттуда и началось, оттуда и повелось...

У меня был старший брат. Простой коп с хорошим положением в обществе. Коп, который жизнь положил на алтарь справедливости. Коп, что даже своим видом был образцом подражания, с которого могли бы писать книжку-комикс, облачая его в трико и заставляя отстаивать интересы слабых на страницах с рисунками. Он именно таким и был, и так он и погиб. При исполнении, стараясь разобраться, расследовать дело о новом виде наркоты... Перед смертью он сказал мне, что расследование привело его к дверям храма, а потом его убили... А до этого он рассказывал мне о сыне того жирного ублюдка. Мой брат рассказывал о коммерческой деятельности, о каких-то ларьках и палатках, о липовых счетах и взятках в инстанциях этого проклятого города.

Старший брат никогда не разговаривал об этом с отцом. Они работали вместе, и чтобы не толкаться локтями, решили вообще не обсуждать работу. Единственное, о чем они говорили, когда старик напивался, так это о том, что усатый не одобряет тот путь, на который встал я. Отец был против этой рискованной во всех смыслах работы. Он ругался, под алкашкой кричал: «Ты мое самое большое разочарование!», но всегда выслушивал мои рапорты и быстро принимал решения.

Брат тоже не испытывал особого восторга от того, чем я занимался, но он всегда выгораживал меня перед отцом, заступался за меня. Он помогал мне избавиться от зависимости Сансарой. Тогда я вычислил этот новый наркотик, что заполнил улицы и переулки. До меня этого никому не удалось. До того случая все производство принадлежало другому человеку, что делал ставку не на количество товара, не на количество клиентов, что платят за кайф... Тот человек поставил фиксированный ценник на ограниченное количество Сансары, и, конечно же, были те, кто был против таких условий.

После того как я рассекретил новый вид кайфа, дельцы притихли, но через некоторое время появились вновь, и этим начал заниматься мой старший брат. Так он и пришел к дверям храма... Так он и умер.

Я помню, как мы с усатым стоим на краю могилы. Помню те чувства, что переполняли меня, и я помню выражение

лица старика... В тот момент нас осталось двое в этом мире. Мать умерла много лет назад, и отцу пришлось воспитывать нас с братом. Не сказать, что мы были против, но не могу сказать, что мы слушали, что он нам говорил. Так было, пока брат не решил пойти по его стопам. В тот момент я по какой-то до сих пор не известной мне причине тоже решил продолжить семейную профессию.

Сейчас так странно осознавать, что он умер, а мы по-прежнему живы, что мы по-прежнему можем дышать, ходить, заниматься сексом, бухать... А его уже нет.

То, чем мы сейчас заняты, не возмездие, это я уже воплотил в жизнь самостоятельно. То, чем мы сейчас заняты – самоубийство. Мы с отцом готовы отдать свои жизни просто потому, что нам нечего больше терять... А межличностные отношения, они слишком далеки.

Наш план прост и туп и, наверное, именно поэтому он сработал. Наверное, по этой самой причине самые глупые поступки зачастую более реальны и обладают большим потенциалом к осуществлению, нежели тщательно продуманный план, который все равно закончится полной импровизацией.

Нас всего двое... Два человека против монстра – спрута с длинными щупальцами. У нас нет обратного пути, наша решимость выбрала дорогу только вперед. Туда, где мы в любом случае избавим этот город от моллюска, который живет и правит, и растет...

Отец, он создал все правящие власти, он собрал все вла-

сти, что подчиняются правящим, он пригласил каждого имеющего хоть капельку власти в этом мерзком городе... Он пригласил того самого спрута, точнее человеческое обличие этого монстра. Все эти люди собрались в полицейском участке. Они расселись на пластиковые стулья в конференц-зале, а отец занял место за трибуной.

Поводом для этой встречи, для этого собрания стало заявление отца. Все и каждый просто оказались заложниками ситуации и явились сюда, чтобы выслушать подготовленный текст.

Пока гости проходили в зал и рассаживались на места, я, загримированный, разбавлял все тот же нитрозепам в баллонах с водой. Все те копы, которым отец доверяет, они были заняты охраной территории, остальные остались в стенах полицейского участка.

Пока отец с трибуны втирал словесную дичь, я разносил пластиковые стаканчики с водой. Каждому по одному, даже охранникам. Я делал это, говоря о том, что это распоряжение офицера. Эти слова заставляли каждого взять стакан и сделать один глоток... Этого было достаточно. В это время отец продолжал пихать занудную блевотину, от которой зал зевал и засыпал, как это и требовалось. В сумме потребовалось примерно десять минут, чтобы полицейский участок наполнился сопением и храпом.

Дальше мы разделились. Отец пошел на склад боеприпасов. Оттуда на тележке он вывез всю взрывчатку. Старикан

начал закладывать ее, начиная с подвальных помещений и дальше вверх. В это время я связывал руки и ноги скотчем всем спящим в управлении, а после перетаскивал тела в конференц-зал на последнем, третьем этаже здания.

Пот лился с меня водопадом, орошая очередное спящее тело. Тяжело дышать. Тело все еще сопротивляется жизни и активности... Единственное, что стимулирует – адреналин. Мила всадила мне добрую дозу. Она украла стимулятор вместе с нитрозепамом. И теперь я бодро дергаюсь, перескакивая через ступеньку, удерживая одно, а иногда пару тел. Так проходит еще полтора часа. Мы встречаемся с отцом в конференц-зале и делаем последнее приготовление.

Мы берем того, кого окрестили спрутом, и с помощью скотча привязываем его к трибуне. Он смотрит вперед, на тела спящих политиканов, управленцев, богачей и прочей мрази, в руках которой есть хотя бы капелька власти. Окрещенный головоногим моллюском мирно спит, а мы фиксируем на нем часть взрывчатки... Остальное разбрасываем по залу. Закончив с этим, мы покидаем здание полицейского участка.

– Вот и все, – первый голос.

– Это будет красивая точка, – второй голос.

– Которую этот город никогда не забудет, – третий голос.

– Каждый получит то, что он заслужил, – четвертый голос.

– Справедливость относительна, – начинает пятый голос.

Она в руках психопатов, сумасшедших, безумцев... В руках

тех, кто однозначно готов уничтожать!

– Уничтожение – часть сотворения, – темная материя завершает череду высказываний. Мы с отцом стоим на улице и смотрим на здание полиции. В его руке небольшой пульт с одной кнопкой. Проходит еще несколько секунд тишины.

– Наш мэр, он был хорошим человеком, сначала... Потом его испортил кайф власти, – говорит усатый, а в следующий миг нажимает на кнопку. – Сначала он был одержим демоном, а потом сам стал демоном с щупальцами и присосками... Он высасывал жизнь из этого города...

Слов становится неслышно. Полицейский участок столбом пыли поднимается вверх. Стекла зданий находящихся неподалеку миллионами осколков сыплются в разные стороны. В этот момент я погружаюсь в свои мысли.

– Нитка на нитку, спиралью связаны линии жизней в блике последнего взгляда... Город-колония, мы в ней муравьи, ниточками-нитями все связаны, переплетены... Кверху дном перевернулось все: прошлое, что будет и сейчас, в плотный канат сплетено. Тихо-тихо, все это сон... Он весь мир ведет к концу времен, – вспоминаю песенку чертенка.

Через полминуты пыль начинает оседать. С неба начинают сыпаться камни и дождь... Но не вода, кровь окрашивает улицу. Она попадает на нашу одежду и лица. Она – свидетельство свободы этого города и безумия, которым наполнен мир.

Я свободен.